

nonf_biography
prose_military

Арон
Шнеер.

Из НКВД в СС и обратно. (Из рассказов штурмбаннфюрера)

Герой книги — советский разведчик, с 1938 по 1945 г. носивший мундир офицера СС. Участник польской и французской кампаний 1939–1940 гг., Арденнского наступления немецких войск в декабре 1944 г.

В 1945–1947 гг. был уполномоченным советской миссии по репатриации во Франции, затем занимался разведывательной работой в Бельгии и Франции.

Построенная в форме бесед автора книги, профессионального историка, с ее героем, книга приоткрывает малоизученные или замалчиваемые страницы истории XX в.

По сравнению с его откровениями бледнеют облагороженные жизнеописания отечественных шпионов, так расплодившиеся в последние годы.

2010-03-15

Арон Шнеер

**Из НКВД в СС
и обратно**

Из рассказов штурмбаннфюрера

---

ru

Из НКВД в СС и обратно (Из рассказов штурмбаннфюрера)
2005
5-98831-003-6

Арон Шнеер
Из НКВД в СС и обратно. Из рассказов штурмбанфюрера

Об авторе

Арон Шнеер (род. в 1951 г. в г. Лудза, Латвия) — историк, сотрудник Национального института памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд Вашем» (Израиль). Автор двухтомного исследования «Плен» (Израиль, 2003), посвященного трагедии советских военнопленных 1941–1945 гг. Живет в Иерусалиме.

Ростовская встреча

Июль 1967 г. В купе СВ поезда «Тбилиси-Москва» едет веселая компания. На столике коньяк, фрукты — словом, застолье. Художественный постановщик мультфильма «Укротитель» Шалва Михайлович Гедонишвили едет со своими коллегами в Москву сдавать фильм. При подъезде к Ростову, в Батайске, один из компании, невысокий коренастый мужчина, лет 50, выходит покурить. В проходе неожиданно сталкивается с женщиной, которая, бросив на него мимолетный взгляд, вздрогнула, повернулась и быстро прошла в свое купе. Мужчина в тамбуре выкурил сигарету, и вернулся к своим друзьям. Через несколько минут в купе появились проводник и комендант поезда, и стали особо внимательно проверять билеты у всей компании, ничего подозрительного не обнаружив, вышли. Однако на перроне ростовского вокзала к обоим выходам из вагона подошли несколько крепких молодых мужчин, а двое из них поднялись в купе проверить документы. Киношники оторопело замолчали, когда они пригласили «курильщика» пройти с ними. Мужчина усмехнулся и вышел. В этот момент, «та» женщина, уже стоявшая на перроне, закричала: «Это он! Он! Из лагеря!». Задержанный нисколько не смутился: «Проведите меня в отделение милиции и позвоните по этому телефону...»

* * *

— Так она узнала вас, через столько лет?

— Конечно, узнала. Я тоже ее сразу узнал. По моему приказу ей 25 плетей дали за то, что не встала и не сняла косынку при появлении эсэсовского офицера.

— А где это было?

— В лагере Флоссенбюрг.

Вступление

Мне необычайно повезло. Один из моих знакомых, зная, что я занимаюсь военной историей, однажды познакомил меня с удивительным человеком. Эти встречи стали основой моего рассказа. Мой герой родился в 1912-м году и до последнего дня жизни сохранил удивительную физическую силу, энергию и бодрость духа. Ясный, критический ум, блестящую память, острый, меткий и выразительный язык.

В хрестоматийной фразе: «Все дороги ведут в Рим», уже давно, особенно во второй половине ушедшего века, можно заменить Рим на Иерусалим. Моя встреча с человеком, о судьбе которого я хочу рассказать, подтверждает это.

Ну какой же причудливый маршрут начертала судьба нашему герою: родиться в России, жить в Грузии и Германии, носить мундир эсэсовского офицера, исколесить всю Европу, чтобы в конце концов вместе с семьей оказаться в еврейском государстве, в его столице.

Все, что он рассказал мне, было настолько необычно, что я не сразу поверил ему. Даже ответ на мои порой провокационные уточняющие, детализированные вопросы, документы, привезенные и показанные мне собеседником, не совсем рассеяли мои сомнения в правдивости и уникальности всего рассказанного.

Его откровения могут послужить сюжетом для многотомного романа о превратностях человеческой судьбы, об удивительных приключениях, о заблуждении и прозрении, о силе и слабости человеческого духа, о войне и мире. Не всегда с ним можно согласиться. Много из сказанного им вызовет не только непонимание, но, возможно, и шокирует читателя, вызовет раздражение, у некоторых — гнев. Его рассуждения порой откровенно прагматичны, жестоки и циничны. Его рассказы ломают привычные стереотипы восприятия войны, сложившиеся под воздействием одиозной советской пропаганды. Теперь, благодаря встрече с этим человеком, на многие явления, факты, события, поведение человека в военные годы смотрю несколько иначе, чем раньше.

Наши многократные встречи материализовались в более чем 20 часовые магнитофонные записи. Во время бесед мой герой неоднократно просил меня выключить магнитофон, что я и делал с большой неохотой, поэтому очень многое останется для читателя «за кадром». Изложение воспоминаний не носит последовательный характер, я связал воедино разные по времени откровения.

Мой собеседник согласился лишь на частичную публикацию наших бесед, запретив называть его подлинное имя и тем более публиковать его фотографию. Тому есть основательная причина: 7 лет мой герой носил мундир офицера СС.

Итак, краткое представление:

Имя, фамилия в те годы: Авенир Беннигсен

Последнее воинское звание — штурмбанфюрер, что соответствует званию майора вермахта.

Участие в польской и французской компаниях 1939–1940 гг.

Награды и отличия: Железный крест I степени, Железный крест II степени. Знак «За участие в танковой атаке». Две нашивки за тяжелые ранения.

Трижды ранен.

1941–1944 гг. работа на авиационном заводе по производству истребителей «Мессершмитт», расположенном в Регенсбурге и филиале авиазавода в концлагере Флоссенбург.

1944 г. — участие в Арденнском наступлении, американский плен.

Глава 1

«И все-таки вы не знаете, что такое немец...»

Кое-что о танкистах в эсэсовской форме и немецкой психологии.

А.Ш. Александр Петрович, (именно так предложил называть себя наш герой) как складывалась ваша военная карьера?

А.П. Давайте начнем с конца истории. Моя военная карьера началась с Зеппом Дитрихом и кончилась с ним.

Справка.

Дитрих Йозеф.(Зепп) — Группенфюрер СС (генерал-лейтенант). Один из первых членов нацистской партии. В 1933 г. командир «Лейбштандарта СС Адольф Гитлер» — полка личной охраны фюрера. Участник боев в Польше, Франции, России. В декабре 1944 г. командующий 6-й танковой армией в наступлении в Арденнах. В 1946 г. американским военным трибуналом осужден на 25 лет, как один из ответственных за

убийство 71 американского военнопленного неподалеку от Мальмеди (Бельгия) 17 декабря 1944 г. Отсидел 10 лет. Умер в 1966 г. в Германии.

В ноябре 1944 г. я попросился добровольцем на фронт, несмотря на свои ранения, и в начале декабря 1944 г. я прибыл в 6-ю танковую армию. Мною гордились: «Инвалид, списанный, а идет воевать, настоящий немец!» Когда я прибыл туда, меня собирались поставить на тыловую работу. Но в отличие от Советского Союза, где «человек — это звучит гордо, а кадры решают все» только на бумаге, в немецкой армии без лозунгов понимали, что человек — это все, что люди — основа любого успеха. Поэтому перед наступлением 15 декабря сам командующий армией Зепп Дитрих обходил прибывшее к нему пополнение — около 400 офицеров. Увидев меня в строю, скомандовал: «Штурмбаннфюрер, выйди из строя!» Я вышел, и он (хотя немцы не целовались) обнял меня. Ведь для него это было воспоминание о боевой молодости, когда он был всего лишь командиром танкового батальона, а я у него командиром взвода, а затем роты. «Штурмбаннфюрер, пройдите в штаб и ждите меня там», — приказал он мне. После этого, обращаясь ко всем прибывшим офицерам, Дитрих сказал, что это мой старый боевой комерад. Мы вместе с победы начинали в Польше и победой закончим сейчас здесь. А когда мы остались наедине, он сделал то, что редко делают немцы. Они во время работы не пьют, и немецкий генерал и офицер с собою блядей не возят и не возили. Рокоссовский двух возил все время. Жуков тоже свою стерву возил и даже в мирное время. Этого ни один американский и английский генерал себе не позволяли, правда, подозревали, что у Эйзенхауэра была, но это исключение.

Итак, остались мы с ним вдвоем, и он сказал: «Давай выпьем. Ты и я воюем давно. Мы не идиоты. Я пью за нашу последнюю атаку с открытыми люками».

Понимаете, когда полный генерал такое говорит майору. Правда, мы знали друг друга с 39-го. В батальоне всего 16 офицеров, 4 командира роты. Мы с ним в Польше и во Франции были. Верил он мне. Конечно, верил, поэтому и сказал про последнюю атаку.

Выпили. «Желаю тебе всего наилучшего...»

Я прекрасно понимал, что он хотел сказать: война проиграна.

А.Ш. Вы участвовали в этом наступлении?

А.П. Я не такой дурак, чтобы атаковать с открытыми люками. Хватит, что во Франции чуть не сдох, когда во время атаки сорвало крышу с башни, а меня так контузило, что выше этого (показывает) я и сейчас руки не поднимаю. Я предусмотрительно был назначен, вернее Дитрих меня спросил: «Кем хочешь быть?» Я говорю: «командиром разведбатальона». И в первой же разведке, взяв взвод танков, я вместе со своей машиной «по ошибке» заехал к американцам, попали в яму. Постреляли для вида, а потом 4 человека экипажа и 5-й — помощник начальника штаба батальона предпочли все же, несмотря на эсэсовскую форму, поднять руки и сдаться вместе с бронемашинной.

Кстати, а вам известно, что генерал фон Штауффенберг, однофамилец графа, но не родственник, сделал под Смоленском?

Справка.

Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг (1907–1944), полковник генштаба германской армии, исполнитель взрыва в ставке Гитлера 20 июля 1944 г., один из руководителей заговора против Гитлера.

Когда дважды его дивизия была отброшена, он в третью атаку повел танки сам. Каким образом? Разделся до трусов — лето жаркое, генеральская фуражка на голове, на шее рыцарский крест, постелил на лобовик танка коврик, сел на него, в одной руке бутылка коньяка, в другой бокал... И вот так под снаряды, в открытую, в трусах повел за собой свою дивизию. Остался цел и позиции русских прорвал. Немцы есть немцы.

Комментарий 1.

Автор не нашел никаких сведений о подобном факте. Подобная история, по мнению автора, маловероятна, однако оставим ее на совести рассказчика. Война и героическое

поведение всегда служат источником возникновения различных мифов. Причем с обеих противоборствующих сторон.

А Дитрих, у него настолько все накипело, он понимал. И, встретив одного из тех, кто с ним начинал, и уцелел, понимая, что он не скурвится, вырвалось у него это: «последняя атака с открытыми люками...»

Это об очень многом говорит. Как у нас принято: «Ох, немцы были дураки: до конца дрались!» Нет, знали, что конец, но дрались. Немцев заставляло драться в 45-м то, что русские пришли в Берлин, и то, что в 41-м немцы были под Москвой.

Дитрих был умный и очень неплохой мужик с моей точки зрения.

А.Ш. Однако мы знаем, что эсэсовские части делали не только в бою.

А.П. Этот танковый батальон, развернутый в полк, бригаду, дивизию, а затем в танковую армию — вообще танкисты, карательными операциями не занимались. Им негде было заниматься и незачем, они не для этого создавались.

А.Ш. А поведение по отношению к захваченным пленным?

А.П. К пленным те СС, которые воевали на фронте, относились не так как те эсэсовцы, которые были в карательных частях и дрались с партизанами, или служили в концлагерях.

А.Ш. То есть вы считаете, что Ваффен СС (части СС, сражавшиеся на фронте А.Ш.), которые принимали участие в боях, если не по-рыцарски, то, по крайней мере, относились...

А.П. Наполовину по-человечески, даже на три четверти, потому что сами понюхали войну. И, конечно, тыловая часть СС, да еще и с полицейским батальоном в придачу, прибывшая из тыла долбать партизан, эти относились по-другому. Ваффен СС — это покрывшие себя славой боевые части, а охранные — «мертвая голова» и каратели — части, покрывшие себя позором и бесславием.

А.Ш. Однако известно много фактов, когда именно на передовой захваченных пленных зверски пытаются, убивают...

А.П. На передовой это могло происходить, когда пленные попадали в лапы охранных частей. Я очень сомневаюсь, чтобы солдаты, понюхавшие порох, так поступали, хотя исключение есть везде. Но в основной массе тот, кто сам пробовал запах крови, лучше себя ведет, чем тот, который, мягко говоря, прибыл с криком: «Хайль Гитлер!» — наводить «новый порядок».

И еще хочу обратить внимание на то, что другая психология была у немецкого солдата и офицера, чем у русских.

Вот, ваш земляк, фамилию забыл, (моими земляками А.П. называет евреев. — А.Ш.) написал гениальную вещь, которая соответствует правде:

«Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не кричи — ты не маленький.
Ты не ранен — ты просто убит.
Дай на память возьму твои валенки:
Мне еще наступать предстоит».

Немец этого написать не мог. Психология немецкого солдата — «комерадшафт» — вбивалась так, что ему никогда не пришло бы в голову, даже умирая, греть руки над товарищем.

Справка.

Эти стихи написал Ион Деген. В годы войны танкист, после войны врач, профессор ортопедии. Вышеприведенные строки Е. Евтушенко включил в поэтическую энциклопедию «Строфы века».

А.Ш. Но это поэтический образ.

А.П. У немца этот образ даже возникнуть не может.

А.Ш. Однако, несмотря на «отсутствие образного мышления» немецкий солдат снимал, сдирал одежду и обувь с военнопленных и гражданских.

А.П. Да, с пленного мог, но со своего он бы валенки не снял. Поверьте мне. Я семь лет жил с ними и врос в их психологию. Я не оправдываю немцев. Нет. Понятно, что в СС было больше людей, которые могли ненавидеть большевизм, чем в обыкновенном вермахте. Но, как правило, побывавшие в бою части, особенно танкисты, которые смерть нюхали... Почему в танке генерал и солдат могли разговаривать одинаково? Потому, что, если генерал, ведущий в бой пехотную дивизию, находится за несколько километров, порой 10 км., от линии фронта, то генерал-танкист и водитель в одном танке. Смерть рядом. Значит и другие отношения. Я не говорю, что они были ангелы. Но по сравнению с тем, что творило вообще СС, танкисты — тихие ребята, ягнята.

А.Ш. Тем не менее Нюрнбергский трибунал признал преступными все войска СС без исключения.

А.П. Совершенно верно. Конечно, они творили то, что не нужно было делать, но в меньшем масштабе, чем могли бы.

А.Ш. Так, что им надо еще спасибо сказать? А ведь известно, что после атаки, набрав какое-то количество пленных, танковый батальон мог развернуться и прокатиться по ним.

А.П. Война есть война.

А.Ш. А вам самому приходилось убивать?

А.П. (Пауза.) Ну, говорю честно — мне приходилось стрелять в людей в упор. Удовольствия не испытывал. Но если мне поставят нашего долгогривого, вашего с украшениями (имеется в виду раввин. Но почему с украшениями? — А.Ш.) и кретина в чалме — вот этих служителей, я попрошу вашей помощи только в одном: подавать мне заряженный магазинами автомат. Понимаете, человеку прошедшему такую жизнь, трудно поверить в бога. Если он есть, он не должен был допускать того, что я вам буду рассказывать. Ну, бог с ним, есть бог, уговоримся на том. Зачем мне — Толстой прав, зачем мне посредник между мною и богом, зачем?

Ну что ж, настало время приоткрыть завесу над моим собеседником. Последующий его рассказ объяснит нам не все, но многое. Мой герой — советский разведчик, более 20 лет проведенный в заграничных «командировках».

А.Ш. И все-таки, когда и где вам приходилось стрелять в людей?

А.П. Ну приходилось, так сказать, в некоторых обстоятельствах. Вот я с большим удовольствием расстрелял пару, сам. Совершенно случайно я обнаружил их в Германии. Было это между селением Тамбах и городом Гота. Я сопровождал в лагерь репатриантов группу советских товарищей из Франции. Товарищей, которым, как тогда говорили, мать-родина простила, а НКВД-сволочь — нет. Сдал группу и на обратном пути на улице обнаружил двух своих бывших коллег. Увидев меня в форме советского полковника, они испытали шок, даже не ругались. Приволок я их в американскую комендатуру, помогли американские солдаты и наши, которые меня сопровождали. Это был 45-й год, август, когда американцы с англичанами на нас молились. Если бы я их привез в советскую, то они попали бы к Абакумову, а потом в лагерь.

Справка: Абакумов Виктор Семенович (1908–1954) — в 1943–1946 гг. — заместитель наркома обороны СССР, начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР. С мая 1946 г. по июль 1951 г. — министр государственной безопасности СССР. Арестован 13 июля 1951 г. 19 декабря 1954 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу.

Я вам расскажу, что сделал один из них на моих глазах, а второй был не лучше, поэтому, когда я американцам все объяснил, разговаривали, кстати, на немецком языке, английского я не знаю, и было смешно — победители говорят на языке побежденного. Был там американец, майор Штрайк, еврей, видимо, Штрайк — переделанная фамилия, с которым я случайно познакомился в комендатуре. А я представитель миссии по репатриации. О том, что бывший эсэовец, конечно, никто не знает. Так вот я объяснил Штрайку, кто эти «товарищи», И предложил: «Давайте, братцы, отвезем в лесок и не будем ни вашему

Верховному командованию докладывать, ни моему. Шлепнем». Август-месяц 45-го года, в Германии порядка не было.

Американские «товарищи» дружно поддержали мою инициативу. Американцы, между прочим, порасправлялись первое время, пока на них не цыкнули, жутче, чем мы. У них был свой метод расправы с эсэсовцами — связывали по девять человек в звено, а сверху пропускали «Шерман» — 32 тонны, или привязывали две канистры с водой на шею и в воду — плыви, если сможешь. Были и другие способы.

А.Ш. А за что все-таки вы этих расстреляли?

А.П. Ну как вам нравится, например такая веселая картина. Весна, 44-й год. Немцы уходят из многих мест. В районе, за Новоград-Волынском место, где расстреляли несколько тысяч евреев. Расстреливали, по-моему, поздней осенью. А теперь немцы следы решили заметать. Значит, вскрыть могилы, облить горючим и сжечь. Зимой трупы не разлагались. Когда вскрыли могилы, только- только начиналось разложение. И вот могила, в которой несколько тысяч женщин. Только женщины, женский транспорт видимо был. Когда землю вскрыли, пар оттуда пошел. И вот эта сволочь стоит и изволит шутить: «Какие горячие!» А перед нами лежит девчоночка лет 17-ти-18-ти...

А.Ш. Извините, а вы в качестве кого присутствуете?

А.П. Я в качестве немецкого офицера в командировке. В одном из лагерей занимаюсь набором рабочей силы для моего завода. А эти двое командуют...

Я стою рядом. И вот девчоночка изумительной красоты, ну, гнить еще не начала, но пар идет. «Какие горячие, если бы знал, я бы на несколько дней продлил ее жизнь». Вот вы понимаете, что я в этот момент чувствовал! Я готов был к провалу. Если бы он на меня посмотрел, он бы увидел, что рука потянулась вот сюда. (Показывает слева на живот, где на ремне немцы носили пистолет). Думаю, сейчас хлопну в тебя и скажу: «Ну, лежи, сволочь, рядом», причем в живот, как они любили делать. Четыре пули в живот — эсэсовский квадрат называлось.

И вот он мне там попался, как вы думаете, что я должен был с ним делать — целовать в зад? Да, я преступление сделал, но вам это понятно? Такая шутка вам понятна? Меня и сейчас трясти начинает!

Но даже после этого, когда я знал, что убиваю мерзавцев, какой-то осадок остается у человека.

Я знаю, кто такие немцы. Я с ними из одного котла жрал, спал с ними на одних нарах, как говорится, в одной упряжке был. Рисуют немцев садистами? Нет! Они не садисты, это гораздо хуже. Образ врага, который создали в лице немцев, не дотянул до настоящего. Настоящий немец хуже в 100 раз, был страшнее потому, что он не был садистом, но он был послушным роботом. Это гораздо хуже. Когда крокодил плачет, но жрет, это хуже, чем, когда тигр рычит и рвет. Вы не знаете, что такое немец!

Вот еще две вещи вам нарисую сейчас, и вы поймете.

Итак, эсэсовский капитан, гауптштурмфюрер, концлагерь Флоссенбург.

Я часто буду вспоминать этот лагерь. Там авиазавод был частично. Я к нему имел отношение, это было мое дело. Итак, лагерь. Никому не нужный котенок лезет под проволоку, которая находится под током до 1000 вольт. Не крикнув на вышку часовому отключить ток, ни минуты не раздумывая, этот человек лезет под проволоку и вытаскивает котенка. Этот человек вполне интеллигентный, буквально со слезами на глазах слушает Вагнера и ругает Гитлера за то, что он там развел в Германии, запретил Гейне и тому подобное. Во многом не согласен с Гитлером. Это — одно лицо.

А вот второе лицо этого человека.

Знаете, что такое «санаторный» концлагерь Берген-Бельзен? Это половинный паек от тех трехсот грамм, которые вы получаете в нормальном лагере. Но люди там не работают, что вы. Они занимаются «лечебной физкультурой». Ходит эсэсовец с резиновой дубинкой, заставляет делать приседания и командует: «Айн, цвай, драй...» А они сидят голые до пояса... Ну сколько сделает такой доходяга, 10 приседаний? На 11-м упал, в дело пошла резина... Вот такая «оздоровительная» гимнастика... Отправляют туда «физкультурников» тогда, когда уже из-за отсутствия жиров наступает истощение — пеллагра, и человек весит 35–40 килограмм, а то и 32, то есть остается то, что вы видели на фотографиях — кости и шкура.

Отправляют в таком состоянии, что, как правило, ходить они сами уже не могут. Их, значит, на машинках подвозят к эшелончику, грузят на платформы. Действие происходит опять-таки в районе концлагеря Флоссенбург, отправляют в Берген-Бельзен. Дело летом, платформы открытые, тут часовой, там часовой, а люди уже сидеть-то еле могут... Я вам только что описал человека, который спас котенка.

Действие второе. На одну платформу попадает еврей-отец, на другую — еврей-сын, парень лет восемнадцати. В обоих вместе если есть сорок килограмм, то хорошо. И тут отец обращается к гауптштурмфюреру: «Господин офицер, положите нас вместе, чтобы мы умерли рядом». Из кармана достается перчатка, надевается, за ногу из кучи полутрупов выдергивается сын, ну, килограмм двадцать, больше не весит, рывком, пока он выдергивался, ударился об асфальт площадки — весь в крови, зашвыривается к отцу, и эта сволочь со смехом говорит ему: «Получай своего сына!». Вот как это можно увязать с котенком?

А.Ш. Увы, давно известно, что гений и злодейство уживаются друг с другом.

Интеллигентные, кажется, люди, готовы убивать и убивают.

А.П. Не только это. У нас не представляют себе, никто не разъяснил, почему немец стал таким.

А.Ш. А вы можете?

А.П. Вы понимаете — это страшная нация. Нация, которая воспитана на послушании и которая считает, вот как у японцев было написано в строевом уставе: «Каждый вышестоящий начальник умнее нижестоящего по служебному положению». Вы понимаете, несколько поколений немцев — это хорошие люди были, но их убедили в том, вот мы сидим с вами здесь, вы увидели таракана, или чумную крысу, что вы сделаете?

А.Ш. Раздавлю, попытаюсь убить...

А.П. Конечно. Но ни вас, ни меня нельзя убедить, что мы — чумные крысы. Но вот — самое страшное: ужас и горе этой нации, ее беда в том, что их в этом можно убедить! Когда он швырял этого ребенка, он не человека швырял, он швырял чумную крысу, наделенную человеческим интеллектом, понимаете? Это страшнее, чем садизм.

Вы знаете, как однажды Наполеону на вопрос: «Это предательство?» — ответил, кажется Фуше: «Нет, сир, это хуже, это ошибка!». Так вот их поведение это не ошибка — это еще хуже. Помните, в фильме «Генерал де Роверо» показан гестаповец, который говорит: «Не заставляйте меня перестать быть человеком!» Вы поняли — вот это страшно. Страшна эта система. Он плакать будет после того, как перережет горло мне и вам, но он приказ выполнит!

А.Ш. Но ведь были и такие, которые и не плакали, а именно горло резали, убивали.

А.П. Таких было процентов пять, а остальные были хуже, они поверили в то, что мы с вами — чумная крыса.

А.Ш. Но так говорили только о евреях...

А.П. Не только. Не волнуйтесь, от славян тоже хотели очистить мир.

А.Ш. И все-таки у евреев не было никаких шансов. У славян выбор — сотрудничество, рабство, но жизнь...

А.П. На евреев легко натравить. Допустим, сейчас в Америке появится гитлеровский антисемитизм. Почему там легко натравить на евреев? Командные высоты, интеллект в руках у кого?

Ничто не вызывает такой ненависти, неприязни у человека, как сознание того, что рядом сидящий умнее и выше его по интеллекту. Вот поэтому у меня есть железное правило: «Никогда не кажись умным, если особой нужды нет, и всегда поставь собеседника над тобой!» Он тебя любить будет, потому что он понимает, что ты — глупенький!

А.Ш. Железное правило разведчика?

А.П. Любого нормального человека. И вдруг неожиданно где-то покажи ему коготки, и он вдруг поймет, оказывается, дурачок-то дурачок, а хрен его знает, как это он меня на крючок-то забрал!

А.Ш. Вот я и попался на ваш крючок.

Глава 2

О дворянских корнях, любви и революции.
О знакомых незнакомцах и лаврах Лоуренса.
Был ли Штирлиц импотентом.

Пора представить нашего героя еще раз, теперь как профессионала-разведчика:
Челидзе (псевдоним) Александр Петрович. С 1934–1956 гг. 1963–1966 гг. от ИНО
(иностраннный отдел) ГПУ до 1-го Главного управления КГБ. Полковник. Почетный чекист.
Заграничные командировки:

1937 г. — Испания.

1937–1945 гг. — Германия.

1945–1947 гг. — Франция — Германия. Уполномоченный миссии по репатриации во Франции.

Все последующие должности были официальной «крышей» для проведения разведработы.
1948–1951 гг. — Бельгия. Советник торгового атташе.

1952–1953 гг. — Франция. Представитель комиссии по урегулированию вопросов ленд-лиза.

1953–1956 гг. — Франция. Торговый атташе.

1963–1966 гг. — Франция. Референт советского посольства по торговле.

Награды: 2 ордена Ленина, орден «Красного знамени», орден «Красной звезды», иностранные награды.

А.Ш. Александр Петрович, обратимся к истокам. Как вы оказались в разведке?

А.П. Порой мне кажется, что я не мог не оказаться там. Дядя Эйзер, царство ему небесное, всегда помнить буду. Он во многом из меня человека сделал. Он из тех, кто по-настоящему делали революцию. Я их не оправдываю. За это их бог накажет, за то, что они сделали. Уже наказал. Но это были люди, которым гарнитуры не нужны были, которые взятку не брали, которые четко мне с восьми лет объяснили: «Наркому говори — «ты», а дворнику — «вы». А.Ш. А кто это дядя Эйзер? Уж очень еврейское имя.

А.П. А он и был еврей. Муж моей тети Сони — сестры отца. Софья Сократовна была ударница в женском батальоне, а муж — комиссар гражданской войны. Все переплелось. Историк. Кавалер двух орденов Красного знамени. Эйзер Львович Шифрин. Преподавал в Комвузе, а затем в институте Красной профессуры. Академик, автор книги «Войны справедливые и несправедливые». А знаете, кто был его ближайший друг и собутыльник? Аркадий Гайдар!

Справка.

Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович (1904–1941) — известный советский писатель. В годы Гражданской войны в 16 лет командовал полком в Красной Армии. Сражался на Украине, в Сибири — Хакасии, сражался с повстанческой армией Антонова на Тамбовщине в 1920–1921 гг. В 1941 г. фронтовой корреспондент газеты «Комсомольская правда». Погиб в сентябре 1941 г. под Леплявой в Киевском окружении.

А.Ш. Александр Петрович, я уже ни чему не удивляюсь.

А.П. Я его знал, когда он уже писать начал. Один раз дядя Эйзер при мне ему брякнул: «Ты как, совсем вылечился, или все на шкуру тянет?» Тогда я ничего не понял. А через несколько лет, когда подрос, я тетю Соню спросил, что это значит. А тетя Соня мне сказала: «Он больной человек был. Сдирал кожу живьем с пленных бандитов.

А.Ш. Ответная реакция на их преступления?

А.П. Ответная реакция? Господин Рокоссовский тоже рубил сотнями, но шкуру не сдирал.

А.Ш. И среди таких знакомых вам говорили об уважении к людям? Кто?

А.П. Отец говорил, дядя Эйзер говорил, дядя Кронид говорил, крестный мой говорил — дядя Боря Смирнов. Он был председатель ЧК Московской области. У меня со всех сторон чекисты.

А.Ш. А родители? Расскажите о них.

А.П. Отец из грузинских обедневших дворян. Студентом отдыхал у графа Ростовцева, своего приятеля, недалеко от Ельца. Там у графа было большое поместье, лошади, собаки — отец и граф страстные охотники. Там отец и познакомился с его племянницей Екатериной Готовцевой, по матери праправнучка графа Беннигсена, которого не любили ни Кутузов, ни Толстой.

Справка.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826). Генерал кавалерии. Граф. В Отечественную войну 1812 г. в августе-ноябре начальник главного штаба русской армии. Был снят с должности за интриги против Кутузова.

В 1899 г. матери 21 год был, только из Института благородных девиц. Познакомилась с молодым кавказцем, студентом Лесного института. Был такой в Петербурге. Понравилась друг другу, но... разъехались. Через два года приезжает опять в поместье, но на этот раз уже со своим мужем, довольно крупным дирижером, Кравецкой, если слышали, его молодая супруга Екатерина Модестовна. Дирижер остается, а граф вместе с Михаилом Сократовичем воруят Катюшу — и на Кавказ.

А.Ш. Совершенно романтическая история!

А.П. Прошло 4–5 лет. Все забылось, и они отправились в Москву. В 1912 году жили в доме на Лесной 55. Там я и родился.

А.Ш. Так ведь это известный адрес. Там типография большевиков была.

А.П. Вот, вот. Приходят к отцу Василий Конделаки и Авель Енукидзе, он хорошо знал отца раньше. «Михаил, помоги нам». А грузинский дворянин тоже царем недоволен.

Справка.

Енукидзе Авель Софронович (1877–1937). Член ком. партии с 1898 г. Участник революции 1905 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. С июля 1918 г. член и секретарь Президиума ВЦИК. В 1922–1935 член и секретарь ЦИК СССР. Расстрелян в 1937 г.

А.Ш. А почему он к отцу пришел? Верил?

А.П. Конечно, верил. Брата его, моего дядю, знал. А дядя Кронид, член партии с 1904 г. У дяди фамилия тоже... В 14-м году гвардейский сапер был. От него песенку знаю:

Почему сапер таскает и лопату и топор,
Потому, что дело знает, потому, что он сапер.

В 1912 году возникает эта подпольная типография. Вход через подвал и через колодец. (Рисует) Вот так на втором этаже, слева, наша квартира, а вправо сюда, торговый дом Колонтадзе, фрукты сушеные и т. д. Но это я, конечно, все потом узнал.

И с этого момента мой папаша пошел в революцию, перед войной 14 года стал уже настоящим большевиком.

Начинается Первая мировая. Отца мобилизуют, и он попадает в резервную бригаду в Сызрань. Отец — лошадиник, он своих лошадей имел. Командир бригады, отставной генерал, тоже лошадиник. Обходит строй и вдруг видит: «Михаил Сократыч! Вы что здесь делаете?» И отец, вместо воевать, три года жил в Сызрани на частной квартире. Выписал свою жену. Все командиры в бригаде знали, что это дворянин, хоть и рядовой.

А.Ш. А его революционная деятельность? Что он там тихо и благополучно жил и отдыхал со своей семьей в военное время?

А.П. Революционная деятельность? Пакости делали. Листовки распространяли. Товарищ Фрунзе туда приезжал, ребенком его помню. Понимаете, я в этой среде вырос.

Справка.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) — партийный, государственный и военный деятель. Член ком. партии с 1904 г. Дважды приговаривался к смертной казни. 1914–1917 гг. вел революционную работу в армии. В годы Гражданской войны командующий армиями, фронтами, в 1924–1925 гг. Зам. председателя и председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам и начальник штаба РККА. Умер во время операции по поводу язвы желудка. По некоторым версиям преднамеренно убит по приказу Сталина.

А.Ш. А в гражданскую войну, где был ваш отец?

А.П. А где мог быть лошадиный? У Буденного. В 4-й дивизии, оттуда и Тимошенко хорошо знал и другую компанию.

Справка.

Буденный Семен Михайлович (1883–1973). Маршал Советского Союза. Трижды Герой Советского Союза. Герой Гражданской войны. Командующий 1-й Конной армией (1919–1921 гг.) В 1941–1942 гг. командующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направления. За неумелое командование отстранен от руководства действующими войсками.

Тимошенко Семен Константинович (1895–1970). Маршал Советского Союза. Дважды Герой Советского Союза. Командиры кавбригады и кавдивизии в 1-й Конной армии. В 1940–1941 гг. (до июля) — нарком обороны СССР. Затем командующий фронтами. После войны командующий военными округами.

А.Ш. Кем он служил?

А.П. Кем? Он же лошадиный. Специалист, группой по ремонту руководил. (Ремонт — кавалерийский термин, обозначающий набор лошадей для армии. — А.Ш.) Всеми лошадьми ведал. Затем захотелось саблей помахать, и стал эскадроном командовать. Потом в ЧК забрали в середине 19 года. Потому, что дядя и крестный — большие чекисты, и его туда взяли.

А.Ш. Действительно высокие посты занимали?

А.П. А как же. Кронид Сократович... — родной дядя. Председатель ЧК Горской республики. Снимки есть с Ворошиловым, Орджоникидзе. Потом член коллегии ЧК. В 22 году заболел и ушел на хозяйственную работу. Отец тоже, годом позже, в 23-м ушел из ЧК. Мы к этому времени перешли жить на Шереметьевскую, 12. В этом доме Ворошилов, Фрунзе жили. Есть карточки, где я и мой двоюродный брат на коленях у Ворошилова сидим. А над нами Троцкий жил. В 24–25 году я его прекрасно помню: с портфелем ходил. Господина Артузова у моего дяди Крониды первый раз я дома видел.

Справка.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — Партийный, государственный и военный деятель. Маршал Советского Союза. С 1925 г. Нарком по военным и морским делам СССР, с 1934 г. нарком обороны СССР. Один из организаторов репрессий против командных кадров Красной Армии в 1937–1938 гг. Полностью провалился как командующий Ленинградским фронтом в 1941 г. Назначен командующим партизанским движением. В 1953–1960 гг. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1937). Военный и партийный деятель. В годы Гражданской войны член реввоенсоветов ряда армий и фронтов. В последствии на партийной и государственной работе. С 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР. В 1937 г. покончил собой, протестуя против политики террора проводимой Сталиным.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович. (1891–1937). В центральном аппарате ВЧК-ГПУ. Зам. начальника разведуправления РККА.

В 27-м году мы в Грузию переехали, в Тбилиси. Жили, где все руководство жило, напротив дома Махарадзе, он был в это время председателем ЦИК Грузии, а потом глава

правительства. В доме напротив жил замнаркома сельского хозяйства Грузии, товарищ моего отца Василий Васильевич Конделаки, с которым они вместе эту пакость на Лесной устраивали. Покойник бедный. Он меня с детства знал. Ну, понимаете, дружили семьями. Их задний сад соприкасался с двухэтажным особняком Лаврентия Палыча Берию, где, кстати, никого не расстреливали и не насиловали. Супружница там была и сынишка. В свободное от работы время Лаврентий Палыч в волейбол с нами играл. Столбы помогал на площадке закапывать. Правда, это не помешало ему в 37-м году Василия Васильевича Конделаки, с которым он вместе в шахматы играл, шлепнуть. Наряд пришел на всех старых товарищей, которые знали, что Сталин — не бог, ликвидировать. И ликвидировали. Вот отсюда я знаю Берию. Я его несколько раз в неделю до моего отъезда в 32-м видел. Лето в 30 и 31 году я проводил в мухранском совхозе, бывшее имение князей Багратион-Мухранских. Отец принял шефство, оставаясь зам. наркома, над этим научно-исследовательском совхозом, чтобы навести там порядок. Там сохранилась огромная княжеская библиотека. Я отсюда не вылезал.

А.Ш. Александр Петрович, но все-таки, как вы попали в разведку?

А.П. Я с детства неплохо рисовал и поступил в Тбилисскую художественную академию. В 1932-м я перевелся в Ленинградскую академию и одновременно поступил в политехнический институт, и успел окончить три курса по специальности инженер-электромеханик. В 1934-м году меня вызвали в обком комсомола и вежливо сказали: «Уважаемый... мы знаем, кто вы и что вы. Если хотите защищать советскую власть, мы вас будем учить». Так мне предложили работать в органах. Ну, а всякие книжки про разведчиков каждый мальчишка читает. В это время я уже какую-то книжку о Лоуренсе прочитал. Интересно, что меня именно романтика Лоуренса закрутила, а не сама работа в органах на службе родине. Я согласился.

Справка.

Лоуренс Томас Эдуард (1888–1935), английский разведчик, действовавший в арабских странах с 1916 г. Получил прозвище — «Аравийский». Действовал на Ближнем и Среднем востоке. Был тесно связан с арабскими шейхами. Принял мусульманство. Организатор выступлений арабов против Турции, воевавшей на стороне Германии. В 20-е годы о нем были написаны книги и вышли художественные фильмы. Стал символом разведчика и авантюриста. В 30-е годы был близок к фашизму.

А.Ш. Так вы еще и авантюрист по натуре?

А.П. Понятное дело. Наверное, каждый разведчик должен быть немного авантюристом.

Комментарий 2.

Пауль Леверкюн — исследователь работы немецкой разведки в годы 2-й мировой войны в одной из своих статей писал, что «решающим в разведывательной службе будет всегда не форма организации, а подбор кадров. Пригодность к разведывательной службе предполагает наличие у человека особых качеств... Солдат носит форму, и вооруженные силы требуют единого образа мыслей и единой воли. Человек же пришедший на разведывательную службу, должен думать как угодно, но только не шаблонно. Подчиненные, наделенные большой фантазией, не всегда желательны в обычных условиях, а в разведывательной службе они являются незаменимыми. Своеволие похвальное качество для разведчика. Он должен страстно любить свое дело, быть многосторонне образованным и хорошо разбираться в военных вопросах... иметь способность «сживаться с чужими народами...»

Итоги второй мировой войны. Сборник статей. М., 1957, с. 80.

А.Ш. С чего началась ваша служба?

А.П. С учебы. Оставалось два года до окончания академии. Несколько раз в неделю бывал на некоторых квартирах. Со мной занимались разные люди. Обязательно наедине.

А.Ш. И чему вас обучали?

А.П. От шифровального дела, до умения кидать нож, хотя настоящему разведчику это не нужно. Как умный человек, Лаврентий Павлович говорил, в году 38-м, меня уже там не

было, потом рассказали: «Когда начинается стрельба из пистолета и беготня по крышам, то это кончилась разведка». Кстати, уже в 50-е годы мне рассказали, что Берия осадил, по моему, Рюмина. Однажды, после открытия Ленинградского комсомольского дела, тот на партийном собрании бил себя в грудь и говорил, что вот мы 79 человек накрыли, посадили и так далее. Лаврентий Павлович встал и сказал: «Чекист кончается там, где начинаются аресты. Надо было не допустить до 79 человек, а когда было там 2–3 человека, вот тогда надо было. Мы бы 70 человек сохранили». Вот такие вещи умел говорить и говорил искренне.

А.Ш. Да, говорил и арестовывал. Но вернемся к вашему обучению.

А.П. Учили психологии, как охмурять добрых людей. Выиграть психологический поединок с противником.

А.Ш. А кто занимался с вами? Известные вам люди, представлялись под псевдонимами?

А.П. Шпигельглас был. И то узнал его по фотографии после. Других я незнаю. Когда попал на Лубянку, последний год, тогда иногда занимался с Артузовым, иногда с Пузицким.

Справка: Шпигельглас Сергей Михайлович (1897–1938) — один из руководителей советских органов госбезопасности. С 1935 г. — заместитель начальника иностранного отдела НКВД.

Пузицкий Сергей Васильевич (-1965) — комиссар госбезопасности. Участник операций «Трест», «Синдикат». Один из организаторов захвата эсера Савинкова и генерала Кутепова.

А.Ш. Чему все-таки учили? Каким деталям? К какой стране готовили? Должна же быть специфика подготовки.

А.П. Рассказывали мне, что такое Германия, читали немецкие газеты, показывали немецкие города. Думали, думали, как составить легенду, чтобы была на 99 % правда. Вот всему этому и, главное, умению работать с людьми. Учили актеры, специалисты, профессионалы разные... Тот же Пузицкий, дай боже ему царство небесное, умнейший, хороший человек. Пузицкий и Пилляр — два человека, которые создали нашу разведку вместе с Берзином, которого тоже расстреляли.

Справка: Пилляр Роман Александрович (1894–1937). Комиссар госбезопасности 2 ранга. Берзин Ян Карлович (Кюзис Петерис Янович) (1889–1938). Начальник Разведуправления РККА.

А.Ш. Кстати, а откуда у вас немецкий язык.

А.П. Как откуда? С детства. Мамаша Институт императрицы Марии Федоровны закончила. Папа тоже год в Германии стажировался в 10-м или 11-м году. Дома с детства день говорили на немецком, а день — на французском. Кроме того, после переезда в Грузию, я учился в немецкой школе. В Грузии было в этот момент достаточно немецких колоний, а в Тбилиси была немецкая школа на Кирочной улице. Ее я и закончил.

А.Ш. Александр Петрович, продолжим о деталях вашего обучения. Вы можете все откровенно говорить. Вы же сами знаете, что сейчас практически нет тайн. Более того, порой идет искажение и очернение.

А.П. Вот я и не хочу уподобляться сегодняшним шавкам. В разведке ничего секретного нет. Разведка — это умение работать с людьми. Никогда не становись лидером при знакомстве. Вот сейчас в беседе с вами я становлюсь лидером потому, что ничего мне не угрожает. В другой обстановке, в советское «хорошее время» вы бы видели старого дурака, фронтовика, может быть, даже и разведчика. Однако ломали бы голову: Ну, как — такой кретин и не завалился? И восхвалял бы я вам подвиг разведчика... И говорил бы, что в стенном шкафу немецкий генерал оперативную карту прячет. Если что-то и похоже на правду, так это «Щит и меч».

А.Ш. Странно, мне казалось, что и там много фантазии.

А.П. Конечно и там есть «ноль-ноль и семь» — всякая бондиада. А этот мой совет вам и в жизни пригодится. Знакомитесь с человеком, пускай думает, что вы глупей, пускай думает, что он самый, самый. Когда-нибудь пригодится. Обязательно когда-нибудь пригодится. Потому, что если человек чувствует, что у него появилось чувство лидера, то он, прежде всего, перестает за собой следить. Против него ванька-дурачок. Если не ванька-дурачок, то человек, которого он, как какой-то поэт сказал: и в бильярд и в карты, и в девках тоже, вечно обыграет он тебя. Ну, в вашей мирной жизни это не надо. А мне это надо было для того, чтобы быть гарантированным от какой-нибудь пакости.

Потом второе: старайся расположить к себе человека.

А.Ш. А конкретно бытовому поведению учили? Например, играть в карты, в бильярд, наконец, общению с женщинами — словом всему тому, чем и как занимается немецкий офицер?

А.П. Совершенно верно. Всему тому, чем занимается и что должен знать нормальный западный офицер. Светскому этикету и танцам. Даже как правильно погасить окуроч сигареты. Например, немецкий офицер на улице никогда не бросит окуроч просто в урну. Он должен погасить ее о тыльную сторону каблука, а потом бросить в урну.

А.Ш. Кто этому обучал?

А.П. Те, кто уже успел поработать там. У кого был опыт. Тот, кто мог мне сказать: «Когда я был там...» Почему? Потому, что у нас работа такая, что ты должен к этому человеку, который тебя учит, проникнуться доверием. Если он будет читать книги, энциклопедии и говорить: «Иванов Миша действовал так, а Гриша так», — ему не веришь. Вот, когда ссылается на собственный опыт, ему можно верить. Кстати, обращали внимание даже на то, что немецкий офицер, в отличие от русского, женщину за титьки не хватает, даже если она проститутка.

Комментарий 3.

Наверное, именно галантность большинства немецких офицеров, да и не только офицеров, поражала советских женщин даже на оккупированной территории. Именно это привело к тому, что в Калуге, которая и была то под немцами 2,5 месяца, по сводке особого отдела «было зарегистрировано 52 брака немцев с нашими девушками в церквах, официально». А вообще об отношении к немцам свидетельствует тот факт, что в той же «Калуге, был приказ коменданта о доставке в публичный дом 80 девушек. Явилось добровольно 250».

Москва военная. Мемуары и архивные документы. Изд. Мосгорархив. М., 1995, с. 591 (Подобные явления происходили и в других оккупированных районах СССР. А.Ш.)

А.Ш. Вот, наконец, поговорим о роли женщины в жизни разведчика. Все годы работы в Германии вы не были женаты. В советских книгах и фильмах о разведчиках все советские агенты — аскеты. Разве что в «Щит и меч» Зубов, помощник Белова-Вайса, женится на немке и она даже ждет от него ребенка. Благодаря фильму «Кто вы, доктор Зорге?» узнали о его связи с японкой... Насколько верен и правдив образ разведчиков в советских произведениях? Или это все — ханжество советской идеологии?

Справка.

«Щит и меч» — роман В.М. Кожевникова и одноименный фильм о советском разведчике Белове (Вайсе).

А.П. Да вы что? Это только идиоту Штирлицу могли вызвать его жену, чтобы он засыпался на свидании.

Справка.

Штирлиц — герой романа Ю.С. Семенова «17 мгновений весны» и одноименного фильма режиссера Т. Лиозновой о советском разведчике Максим Максимовиче Исаеве. Впервые в советском фильме враги-немцы показаны нормальными людьми порой даже вызывающими симпатии — шеф гестапо Мюллер в исполнении артиста Л. Броневского. Фильм эстетизировал нацистскую атрибутику, способствовал повышенному интересу к немецкой разведке и СС. Главный герой — Штирлиц в исполнении известного артиста кино Н.Тихонова стал героем множества анекдотов.

Во время моего пребывания в Германии мои тетушки предпринимали регулярные попытки женить меня. Однажды я чуть было не женился на племяннице генерал-полковника графа фон Шверингера. Она была сестрой в госпитале, где я лежал после ранения и контузии под Амьеном. Во время атаки с танка сорвало башню и меня выбросило наружу. Она меня выходила.

Но я так там и не женился. Правда, с 42-го года у меня были почти официальные отношения с одной немочкой, о чем немцы прекрасно знали. А до этого у меня, как у всякого немецкого офицера, были связи. Не каждый молодой немецкий офицер должен был жениться. Как правило, женились, когда создавали свое положение. И, конечно, Штирлиц, сразу должен был вызвать подозрение: либо импотент, либо, как теперь говорят, «голубой», либо еще что-то.

Нас учили вести совершенно нормальный образ жизни. Главное — быть обыкновенным живым человеком, которого изображаешь, хоть «голубым», но обыкновенным в своем кругу.

Общение с женщиной — это очень существенный момент, который говорит о естественности и правдивости жизни. То, что в советской литературе скрывается абсолютно.

Надо быть нормальным человеком, а не печь картошку в камине и не распевать про себя: «Степь да степь кругом...». Это ненормально. Хорошо, что авторы еще не додумались до того, что Штирлиц поет во весь голос. Да и помнить про 23 февраля и другие советские праздники, да не до этого было!

Я жил жизнью немецкого офицера, немца, а иначе не выжил бы. Что за глупая ностальгия и сентиментальность — петь про себя? Это ложь потрясающая!

А.Ш. А случалось такое, что уже находясь «там», вы думали: «А вот это было лишнее, или вот хорошо — этому меня научили, или — какая чушь, чему меня учили, все не так?»

А.П. Потом понял, что такие вещи как парашюты, пистолеты, зачем-то учили нож кидать... Где он мог мне пригодиться? Если бы меня начали брать, ну пистолет пригодился бы, только что в рот его успеешь сунуть. Тогда препаратов азота, которые язык развязывают, еще не было, тогда еще выматывали кишки.

Главное, если вырастаешь в эту профессию, не надо, как говорить, пудрить мозги. Ты привыкаешь не делать глупости, ты вырастаешь в шкуру,ходишь в образ.

На самом деле профессия разведчика менее романтична и менее рискованна, чем она кажется людям.

А.Ш. Менее романтичная, согласен. Но менее рискованная?

А.П. Понимаете, если ты правильно подготовлен, у тебя хорошая крыша и все продуманно, и сбоку дураков и предателей нет, то вживаешься и живешь себе. Перед сном не проверяешь пистолет на взводе и под подушкой или нет. Это только Штирлицы всякие могли положить. Зачем тебе пистолет под подушкой, если ты находишься в тылу и ты немецкий офицер?

Умные люди меня посылали. Продуманно было все, чтобы я не попадал в такие ситуации, в которых мог бы засветиться. Вот если бы послали позже, после 37-го года, наверняка я бы полез и в дела военнопленных и еще куда-то и явно привлек бы к себе интерес, если бы увидели, что я слишком любопытный.

Комментарий 4.

В 1937–1938 гг. все старые опытные работники контрразведки, преподаватели Центральной школы НКВД были расстреляны. Индивидуальных секретных занятий не проводилось. Занятия велись в группах, и многие будущие нелегалы знали друг друга в лицо, что противоречит азам разведки и разрушало строжайшую конспирацию, и могло привести к провалу в дальнейшем. То, что стали преподавать после 37-го года, часто не имело к разведке никакого отношения. Так Е. Сеницын — резидент советской разведки в Хельсинки 1939–1941 гг. вспоминает, что в школе разведки им «читали лекции по основам марксистской философии».

Е.Сеницын. Резидент свидетельствует. М., 1996, с. 6

А.Ш. Во многих фильмах и книгах разведчик занимается чем угодно, хватается за все, что, как говорится, плохо лежит...

А.П. Нет, это херовый разведчик хватается за все. Не надо мне в чужие сферы влезать. Надо быть обыкновенным человеком. Правда, у меня такой характер: хочешь не хочешь, становлюсь лидером. Но если увижу, что лидер из меня не получается, я уйду, я не люблю, чтобы меня вели.

Хвататься за все? Ну, правда, если бы подвернулся случай взорвать Гитлера, или достать пистолет, наверное, я бы не удержался.

Когда я в 43-м году слушал Геббельса на известном собрании о тотальной войне, я понимал, что если я достану пистолет, то до президиума далеко, да и выстрелить мне не дадут — не успею.

А.Ш. Вас не обезоруживали на этом совещании?

А.П. До покушения на Гитлера на совещаниях подобного рода оружие не сдавали. Только входя в ставку фюрера, приходилось сдавать пистолет. Несколько тысяч делегатов было на этом совещании, цвет нации. Каждый не раз проверен. За что же оружие сдавать? За то, что я мог сидеть на пенсии, но пошел добровольно помогать «своей родине?».

А.Ш. Александр Петрович, как вы оказались на вашей «второй родине»?

Глава 3

Лучшая легенда — это правда.

Год 37-й и другие.

Неблагодарный родственник. «Гренада, Гренада, Гренада моя...»

Кто и как моется, или кое-что об Испании. И не только.

А.Ш. Как известно, одним из важнейших, если не важнейшим фактором безопасности разведчика является его «легенда». Какова была ваша «легенда»?

А.П. В 36-м. началась война в Испании. И тут вспомнили заграничные связи моей семьи. Русские и немецкие Беннигсены поддерживали до революции тесные отношения. Когда мой отец учился в Германии в 10-м или 11-м году, моя мать к нему приезжала и встречалась со своими родственниками. Мое руководство решило использовать это, и я был в декабре 1936-го года направлен «добровольцем» в Испанию. И там я получаю сообщение, что мои родители арестованы. Что прикажете делать сыну репрессированного? Конечно, бежать к франкистам.

А. Ш. Стоп. Вот это уже совсем интересно. Надеюсь, что все это был розыгрыш?

А.П. Розыгрыш, но блестящая идея. С самого начала было задумано, что причиной моего дезертирства будет арест родителей. Для всех арест был настоящий. Отец в это время работает замнаркома земледелия Грузии по коневодству. Мать — преподаватель иностранных языков в Университете. Пришли домой, и забрали вечером. Заранее все было подготовлено. Его с мамой отправили на Дальний Восток, он и там занимался коневодством. Родители знали, что я в командировке, но где, могли только догадываться, связи не было. Отец уехал под своей фамилией. Кто будет интересоваться, куда в 37-м году девался замнаркома? В 37-м стали бы волноваться, если бы не посадили, а раз посадили, то все в порядке. Все руководство Грузии село.

А.Ш. А ваших родных задел 37-й год?

А.П. К счастью, нет. Все-таки, возможно, учитывалось, что я там, на западе. Но вот, например, у моего дяди Андрея Фроловича Тальникова был друг, с которым они всю Гражданскую прошли. В 21-м году, зимой, во время Антоновского восстания их захватили антоновцы. Раздели догола и бросили. Они по снегу 12 км. пробежали голые, но до своих добрались. Представляете, какие отношения были между ними?

Справка: Антоновский мятеж — восстание крестьян Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. под руководством эсера А.С.Антонова. Крестьяне выступали против системы принудительной реквизиции зерна — продразверстки. Одним из лозунгов восстания был лозунг: «За Советы без коммунистов». Мятеж был подавлен с особой жестокостью.

Применялась система заложников, использовались газы. Подавлением восстания руководил М.Н. Тухачевский, принимали участие подразделения под командованием лучших командиров Красной Армии И.П.Уборевича, Г.И. Котовского и др. Следствием восстания Антонова а также Кронштадского восстания, проходившего в марте 1921 г., было принятие решения об отмене продразверстки.

В 37-м году дядя Андрей был начальником одного из управлений НКВД в Тбилиси. И вот его друга привезли расстреливать именно в Тбилиси. Дядя в ту ночь дежурил по управлению. В обязанность дежурного входило обходить камеры перед расстрелом. Не присутствовать, а обходить. И вот дядя, не зная, кто в камере, открывает дверь и видит своего друга. И тот ему говорит: «Андрей, я тебя ни о чем не спрашиваю, и ты не спрашивай. Давай перед смертью поцелуемся». После этого дядя две недели пил. А человек был непьющий. Причем, напьется и: «Андрей, давай поцелуемся». А на третьей неделе пустил себе пулю в лоб. Вот такая история. Еще помню эпизод с дядей Эйзером. Его не тронули, хотя он был ближайшим товарищем Раковского, знал Троцкого да и других «врагов народа». Сталин его лично знал неплохо.

Справка.

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941). Профессиональный революционер. С 1923 г. полпред СССР в Англии. С 1923 г. зам. наркома иностранных дел СССР. С 1934 г. нач. Управления наркомата здравоохранения РСФСР. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Арестован в 1937 г. Расстрелян в сентябре 1941 г.

А.Ш. Однако личное знакомство не мешало Сталину убирать своих прежних соратников. А.П. К дяде Эйзеру Сталин относился с симпатией, причем, простил ему дерзость. Однажды в 37-м, на заседании ЦКК (Центральной контрольной комиссии. — А.Ш.) Межлаук, расстрелянный через год после этого, бросил дяде Эйзеру: «Товарищ Шифрин, вот здесь фотография, где вы сфотографированы с такими и с такими...»

Справка.

Межлаук Валерий Иванович (1893–1938). В 1937 г. зам. председателя Совета народных комиссаров СССР. Расстрелян в 1938 г.

А дядя Эйзер не стеснялся. Он был не из трусливых. Он ответил: «А товарищ Сталин не сфотографировался с ними вместе?» Воцарилось молчание. Первым засмеялся Сталин, а за ним остальные. Тогда он и сказал фразу: «Шифрин святой человек». Это возможно и сыграло свою роль. Одна фраза, но в глазах Сталина улыбка и одобрение...

Он не из трусливых был. Война началась, и зав. научной частью ИМЭЛ (Институт Маркса-Энгельса-Ленина), но комиссар Гражданской войны, ушел добровольцем на фронт. В Карпатах, в 1944 г. в 18-й армии, где Брежнев был, какой-то полк попал в окружение, так Шифрин пробрался туда, чтобы вывести этот полк. И вывел, но заработал осколок в поясницу. Такие были люди.

А.Ш. Вернемся в Испанию. Как состоялся ваш переход к франкистам, что за этим последовало?

А.П. Командиром нашего танкового батальона был Кривошеин, ну тот, который потом вместе с Гудерианом фотографировался в Бресте.

Справка.

Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Кривошеин Семен Моисеевич (1899–1978). Участник гражданской войны (1918-1921), участник гражданской войны в Испании в 1936–1937 гг. В ходе Великой отечественной командир механизированного корпуса. Комбриг с 10 апреля 1937 г., генерал-майор танковых войск — 4 июня 1940 г., генерал-лейтенант танковых войск — 21 августа 1943 г.

Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954), генерал-полковник. Один из ведущих теоретиков применения танков в современной войне. В конце 20-х годов проходил стажировку в советской танковой школе в Казани. В 1939–1941 гг. командовал танковыми корпусом, группой, армией. В 1944–1945 гг. начальник Генштаба сухопутных войск Германии. Автор известных книг: «Танки — вперед!», «Воспоминания солдата».

Я эту фотографию в немецких газетах в 39-м видел. Ну, вот получил я сообщение, что мои арестованы. А сплошной линии фронта не было. И 26 апреля 1937 г. зам. командира роты

танков БТ-5, в районе Касе дель Кампо переходит к мятежникам и требует его передачи их немецким союзникам, заявляя, что является немцем. А когда меня к ним привели, попросил, чтобы мне старшего начальника дали. Объяснил, кто и что. Назвался фамилией матери — Беннигсен, имя свое настоящее. Да, бежал, потому что родителей арестовали. Но все-таки посадили меня. Просидел в изоляции две недели. Почти не допрашивали. Интересовались, кого из командиров знаю. Ну, говорил правду. Мне не надо было врать. В этом особенность моей легенды. Затем отправили меня в Южную Германию, в дачное место, сказали: в тюрьме сидеть не будете, но ведите себя тихо. Полтора месяца я в Южной Баварии пробыл. За это время обо мне наводили справки. Установили, что действительно Беннигсены есть в Германии. Обнаружили, что у этих Беннигсенов в Закавказье должны быть их родственники. Как только я очутился в немецких руках, они быстро убедились, что я тот, за кого себя выдаю.

А.Ш. А вы встретились со своими родственниками?

А.П. Конечно, и они встретили меня с распростертыми объятиями. Много было пролито слез по поводу моих родителей. Мои кузины и кузены окружили меня теплом и вниманием. Они были потомками семьи дочери и младшего сына графа Беннигсена, которые еще в 30-е годы прошлого века уехали из России на родину в Вюртемберг. В России остался старший сын Николай, тоже дослужился до полного генерала, женатый на княгине Щербацкой. Он и является создателем русской династии Беннигсенов и прапрадедом моей матери. Было две семьи Беннигсенов, которые принимали меня особенно тепло. Одна жила в Бонне, другая в Дрездене. Семья троюродного брата Вульфа из Дрездена была связана женитьбой сына с Тиссенами. Через семью Вульфа я познакомился со многими аристократическими семьями.

Справка.

Тиссен Фриц (1873–1951), создатель в 1928 г. сталелитейного концерна «Ферайнигте Штальверке». Один из первых финансировал нацистскую партию. Затем разочаровался в нацистском режиме. Выступил с протестом против гонений на евреев. В декабре 1939 г. покинул Германию. После оккупации Франции был арестован и до 1945 г. находился в концлагере.

Первое время, мой кузен, полковник Вилли, летчик, через него я, кстати, познакомился с известным в последствии пикировщиком Руделем — «счастливчик Рудель», относился ко мне более чем сдержано.

Справка.

Ханс-Ульрих Рудель (1916-?), полковник Люфтваффе, единственный кавалер Рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Служил в полку пикирующих бомбардировщиков. Во время войны дослужился от лейтенанта до полковника. В марте 1944 г. был сбит, попал в советский плен, однако сумел бежать. В феврале 1945 г. был сбит, потеряв при этом ногу. Совершил более 2500 боевых вылетов. После войны бежал в Аргентину. Вернулся в Германию в 1953 г.

Так вот, Вилли намекнул мне, что только ландскнехты меняют службу. И только, когда вся семья обрушилась на него, обвиняя в отсутствии понимания, внимательности ко мне, убедив его в том, что я должен расплатиться с большевиками за их черную неблагодарность к моей семье, которая им же и служила, он утихомирился. Вы не забывайте, что аристократы есть аристократы: для них перебежчик это перебежчик. Кстати, немецкий народ считался со своей аристократией и уважал ее. Во Франции этого не было. Поэтому французская революция — рубка голов и таскание на пиках. А в сознании немецкого народа отложилось, что все эти «товарищи» Вюртембергские, Баденские и прочие — это история Германии.

При общении с этими людьми у вашего покорного слуги были проблемы. Когда этого самодельного маугли стали превращать в человеческий вид и постепенно научили есть ложкой, отучили лакать языком, научили пользоваться туалетной бумагой, у него наступило настоящее раздвоение личности.

А.Ш. Ну, вы утрируете, утрируете... У вас дома говорили на двух языках...

А.П. Но здесь я окончательно уверовал в то, что Толстой зря не любил господ Беннигсенов. Средний немец почему уважал своего аристократа? Потому, что знал, что история его Баварии, его Вюртемберга, его Саксонии — это те же Бутлицы, Зейдлицы, Беннигсены и прочие. Я не хочу петь гимн аристократии, но немецкая аристократия, я могу говорить больше о ней, как и английская, датская, любая — это были люди особого рода.

И за 8 лет, которые я с ними общался, меня научили, что если ты, сукин сын, положил ложку на тарелку, значит не дожрешь. Ибо ложка на тарелке означает, что ты этого блюда не хочешь, и, стоящий сзади лакей, моментально выхватывает тарелку со стола.

У аристократов высокомерность с детства отбивали. Им говорили: «Ты пока ничего не сделал. Твои предки сделали. Однако не для того, чтобы ты смотрел на немецкого человека сверху вниз. Да, ты выше его, бесспорно, это факт. Но разговаривать с ним ты должен так, чтобы он почувствовал к тебе уважение, как к равному, но не вышестоящему покровителю. Этому в истории партии вас не учили. А мне эту науку с самого начала, как отучили лазать по деревьям.

Мои родственники ввели меня в круг молодых аристократов-офицеров, сказав: «В военном училище из него делают танкиста, а вы сделайте из него немецкого культурного офицера, соответствующего тому старому Беннигсену, который когда-то пришел из Швеции и стал нашим...»

В такой круг попасть трудно. Аристократы не особенно охотно пускают к себе. Здесь традиции. К примеру, сидят генералы, а вошел лейтенант, щелкнул каблуками, но все как один встали. Почему? Это уважение не ему как таковому, а его графскому роду, к истории Германии. Поэтому мои жалкие капитанские, а потом и майорские погоны не производили такого впечатления, как господин фон Беннигсен.

А.Ш. Ваш титул был как-то зафиксирован специальной грамотой? Как вообще проходил процесс введения в этот титул?

А.П. С помощью моих родственников было установлено кто я и что я. Титул на стенку, как почетную грамоту, не вешают. Так что не было специальной грамоты. Это только безродные большевики, не помнящие родства, делали. А не помнящие родства — они и себя не помнят.

Дворянство, аристократия — это были люди, которые любили свою страну, свой народ. Ни секунды не раздумывая, готовы отдать свою жизнь.

А.Ш. Пойдя на службу к Гитлеру? Выразив готовность уничтожить другой народ, ради этой великой идеи. Чтобы мой народ был бы... Попирая все нормы гуманности...

А.П. Извините, это наша советская сказка. Они убийцам рук не подавали. А вот приказ — это другое дело. Надо выделить роту для расстрела. Что скажете, нарушить приказ? Что, это рота сама пошла? Это не добровольцы, ваши латыши и литовцы...

А.Ш. Но были, кто шел и добровольно.

А.П. А я разве отрицаю, что такие были. Но такие исключение. А у нас с вами, когда расстреливали, как было? «Рота! По номерам рассчитайсь! 3 и 5 номера выходи! Становись! Один патрон заряжай! Затвор...» Что значит вся армия расстреливала? Не надо...

А.Ш. Хорошо. Вернемся к родственникам. Как складывались Ваши отношения в ходе войны.

А.П. Отношения были исключительно теплыми все почти 8 лет моего пребывания в Германии.

Я с любовью вспоминаю своих родственников, но страшно виноват перед ними. Есть пословица: «родичи бывают двух сортов: одни — лезут в карман, а другие — кладут». К сожалению, я принадлежал к первой категории, а они ко второй. После войны, война их мало задела, в конце 40-х годов я приезжал в эти города. Но встретиться с ними мне не позволили остатки совести. А ведь именно благодаря им, у меня было железное прикрытие. Мне действительно было намного легче, чем другим нелегалам. Меня на общий уровень с ними нельзя ставить не потому, что я сверхразведчик, а потому, что у меня были такие козырные карты на руках, что любая свинья королем стала бы. Мне не надо было выдавать себя за другого. Все родственники принимали меня, как спасенного из ада. В 23-м году мой отец еще раз побывал в Германии, но уже в составе комиссии по закупке сельхозтехники. Он тогда посетил родных и оставил им несколько наших семейных фотографий. Так, что я

практически ничем не рисковал. У проверяющих не было сомнений, что я — это я. Поэтому уже в июле 37-го я стал подданным Рейха. Сразу же я подал рапорт на имя военного министра генерал-полковника Бломберга о зачислении меня в вооруженные силы Германии. Меня взяли, но, наверное, приняли решение о дополнительных проверках, дураков там тоже не было, поэтому меня отправили в ту же танковую группу в Испании, откуда я прибыл, под наблюдение. Помню командира этой танковой группы — оберст-лейтенант Шульмахер или Шумахер.

А.Ш. И что вы там делали?

А.П. В этой танковой группе меня любили, но на передовую не пускали. А вот танки ремонтировать позволяли. Хотя я и прибыл как кандидат на офицерский чин. Если я шел в разведку в танке, то уже не в Т-1, где два человека: одного пристрелил, а сам удрал, а в Т-2, там три человека. Присматривались, проверяли, конечно, а потом сказали: «Будем вас учить. Вы советский офицер, старший лейтенант, хотите быть немецким офицером? Я, конечно, согласился. И вот, вместо 2,5 лет обычной учебы, я один год и 8 месяцев учился сначала в танковом училище в Бамберге, на техническом факультете, а потом в Арнштадте, недалеко от Ордруфа, где находился танковый корпус. Вероятно, для удобства прохождения практики меня перевели туда. 26 мая 39-го года я окончил училище и вышел лейтенантом в танковые войска.

В это время проходило формирование первых не охранных, а воинских формирований СС. Началось формирование первого танкового подразделения СС. Туда я и был направлен на должность зам. командира роты с присвоением эсэсовского звания оберштурмфюрер. Так как офицеров вермахта, желающих служить в СС, было мало, на взводах стояли унтера и унтершарфюреры, через короткое время меня перевели на должность командира роты. Итак, июль 1939-го Бауцен, 1-й усиленный танковый батальон СС. Батальон формально принадлежал «Лейбштандарту СС Адольф Гитлер». В состав батальона входило 4 роты. Две роты — 44 танка Т-3, в каждой роте 22 танка, и две роты — 32 танка Т-4, по 16 в каждой. Всего в батальоне 76 танков. Кроме того, рота в составе 18 бронемашин, дивизион штурмовых орудий — 12 штук, противотанковый дивизион -12 орудий и авторота. Скорее этот батальон напоминал облегченную танковую бригаду в миниатюре. Непосредственным командиром был оберштурмбаннфюрер Карл Штивиц, но организатором, создателем был Зепп Дитрих. Он знал каждого эсмана и командира в лицо. Я был командиром 2-й роты танков Т-4. И в декабре 44 г. под Арденном он не мне обрадовался, а старому боевому товарищу. Он так бы, я уверен, встретился с любым офицером из того, первого батальона. И вместе с этой дивизией я пропутешествовал и в Польше и во Франции, а под Амьеном был ранен.

А.Ш. Все-таки вернемся еще раз в Испанию. Вы там пробыли 7 месяцев, а рассказали все в двух словах. Что было в Испании? Ваши впечатления о республиканской и франкистской армиях.

А.П. Часть республиканцев, в основном это интербригады, дрались по-настоящему. Остальные, чисто республиканские войска, так же как и франкистские, за исключением черных легионеров, немецких и итальянских подразделений, не очень боеспособные. У меня после этого к испанцам не очень хорошее отношение. Это мародеры и сукины сыны. Что республиканские войска, что франкистские, при хорошей пулеметной очереди бежали сразу. То же самое было при появлении танков. Когда появились советские танки, которые были раз в 10 мощнее несчастных итальянских «Фиатов» и появившихся там немецких Т-1, советские их просто давить могли, франкисты бежали как зайцы. Правда, brave интернациональные бригады вместе с анархистами тоже драпали, покидали позиции, если на соседних высотах начал маневрировать взвод Т-1 и 2 итальянских «Фиата». Но как только появлялась пятерка советских БТ-5 или Т-26, моментально «фиаты» и немцы, я, конечно, с иронией рассказываю, разворачивались и удирали, а доблестные интербригадовцы возвращались в свои окопы. А вообще у испанцев для отступления находился любой повод. А как наступать, вперед двигаться, — митинговать начинали, как наши в 18-м году.

У меня создалось впечатление, что обе стороны не знали, за что они дерутся. После бесед с представителями обеих сторон у меня сложилось впечатление, что они плохо представляли, чего хотят. В основном они представляли, что можно в прифронтовой полосе пограбить у

своих же испанцев. Причем это относится к обеим сторонам. Правда, мобилизованные мятежниками, испанцы сдавались в плен гораздо охотнее, чем социалисты и анархисты. А дрались по-настоящему интербригады, те же самые немцы, поляки, русские. Русских было больше, чем вы думаете и не только «добровольцы» из Союза. Много было американцев и поляков.

Наши военспецы вначале относились к испанцам всерьез. А потом поняли, что человек, который может напиться и бросить свое оружие — это не боец. Не трусливый народ, но безответственный и разболтанный, — это хуже.

Много говорилось о черных марокканцах, которых описывают зверьем. Они были обыкновенными людьми, разве что боялись белых в любом варианте.

А.Ш. В советских источниках всегда говорилось о зверствах франкистов. Известно, что в ходе войны в Испании погибло более миллиона человек.

А.П. Погибло-то почему? Из-за воздушных бомбежек, из-за голода, из-за того, что обстреливали сплошь и рядом мирные населенные пункты. Потери были громадные. Что еще интересно? Народ очень веселый, но мыться не любит. А на немцев это совершенно жуткое впечатление производило. Правда, немец тоже по-своему моется. Меня это тоже первое время коробило. Он в одном и том же тазу морду вымоет, потом зад и ноги, правда, таз после этого тоже вымоет. Но первое время меня тянуло завести второй таз. Я мог завести, потому что я из Советского Союза, но поскольку я стал немцем, меня иногда подташнивало, но я делал как они.

Гражданская война кадрового испанского офицера научила мыться, и он был чистый. Но война открыла дорогу в армию десяткам, а то и сотням добровольцев. В советской России бывший вахмистр Буденный стал командующим армией, но вахмистром все же оставался. У Франко тоже, так как офицеров не хватало, кадровый унтер-офицер становился кабальеро, господином поручиком, господином капитаном и так далее.

Немцы вида особенно не подавали, что к друзьям-испанцам и друзьям-итальянцам относятся несколько свысока. Все хорошо, но нация неопределенная: сыры любит, а зубы чистить не любит.

А.Ш. А чем итальянцы не угодили?

А.П. Итальянцы? То, что итальянские танки горели. Т-1 — дерьмо, но итальянский «Фиат» — это вообще невообразимая вещь. Он ломался, горел, что только с ним не случилось.

Броня 8 мм, какая к черту броня! Какой же это танк?

А.Ш. Но как же так получилось, что и у немцев плохие танки, и у итальянцев, советские танки лучше, а войну все равно проиграли?

А.П. «Воюют не числом, а умением». Я не буду говорить о политике, это вы и сами знаете. Но вот, если бы в 41-м г. советский командир взвода знал, что броня у немецкого танка Т-1 — 15 мм. и пробивается бронебойной пулей, и что брод глубиной 80 см. он не берет, то он бы через Припять не бежал, а на этом берегу сидел бы и ждал, когда этот танк в воду сунется и сам утонет. Да и пушка у немцев на вооружении образца 12-го года и дальше 8 км. не плюет, он бы на 20 км. не бежал. Но Ванька-взводный этого не знал. То же и в Испании.

А.Ш. Кого из советских офицеров, с которыми в то время вам довелось быть, вы помните?

А.П. Я вам называл Кривошеина, комбрига Павлова только видел. Вот майор Махура, под его непосредственным командованием я был. Потом этот человек попал в плен под Сталинградом, был командиром танковой бригады. Получил девять пулевых ранений: очередь прошла над башней. Был в Бухенвальде, вел себя мужественно. После войны, «Родина простила, а НКВД-сволочь нет», дали 10 лет: почему, мол, тебя немцы не расстреляли? В 54-м его освободили, а через несколько лет он умер в Ялте.

Мой близкий товарищ из младших офицеров с кем я служил — Николай Ковалев. Он кончил гражданский ВУЗ, кажется из Орла. Хороший был парень, но судьбы не знаю.

А.Ш. Каким было отношение к вам ваших новых товарищей, немецких офицеров? Имя Авенир — абсолютно не немецкое. Правда, они знали, что вы немец, но все-таки из России, к вашему языку, акценту?

А.П. Ну, во-первых, хотя я говорил, как говорят советские немцы: с явным швабским акцентом, проблем с языком у меня не было. А во-вторых, коллеги меня жалели и

относились с симпатией как к человеку, который 20 лет с лишним вынужден был жить у черта в лапах.

Глава 4

Война. Пуля — дура. Танковые мифы.
Поляки, французы и особенности национального характера некоторых других народов.
Господин офицер — товарищ командир.
Кое-что об офицерской чести.
Пуфф.
О партизанах.
Сюрприз: Кузнецов-Зиберт?
Автор предупреждает, что его мнение может не совпадать с мнением господина
штурмбаннфюрера.

А.Ш. Александр Петрович, вы принимали участие в боевых действиях. Рисковали своей жизнью в бою, но тем самым вы ставили под угрозу выполнение своего задания. Пуля, снаряд не разбирают, где свой, где чужой.

А.П. В этом и заключается проблема разведчика, оказавшегося в армии противника — своего не жалеет в бою. Тут как хороший актер: входишь в образ, и внутреннее выражение образа начинает соответствовать его внешнему состоянию. Конечно, разведчик, который сидит в штабе противника, как ни странно, меньше рискует жизнью. Он почти застрахован от случайного снаряда, пули, тем более полученной, что обидно, от своих. А тот, кто оказывается в боевых частях и принимает участие в боях... У него выхода нет. Причем я как командир роты иду впереди роты. Командир батальона идет в середине, но все равно — стрелять надо. Это действительно неразрешимая проблема. И ставится на кон не только жизнь, но и все дело. Очень неприятно себя во время боев чувствовал. Там ведь не знают, кто в танке. Засадит какой-нибудь «шерман» — и нет тебя.

Первые «шерманы» были плохие. А как поставили литой корпус и новую пушку — прекрасный танк. У «шермана» пушка лучше, чем у наших Т-34-85. Это мы охали его, раз американский. А «шерман» — во машина! Во-первых, литой корпус, во-вторых, броня 75-100 мм. Пушка 75 мм, но начальная скорость снаряда 905 м. в секунду. Пушка пробивала лоб «тигра», а советская — нет. В-третьих, мотор 370 лошадиных сил, а у нас был 500-сильный дизель, но в скорости «шерман» уступал только три километра.

А.Ш. «Шерманы» — это вторая половина войны. Вспомним, компании 39-го и 40-го в Польше и Франции. Что вам запомнилось?

А.П. Поляки дрались хорошо, тоже ведь славянская кровь, но разочарование у них было жуткое. Все, что у них было — было в 10 раз устаревшее, правда, большинство наших танков были немногим лучше. Из 2,8 тысяч танков, которые немцы бросили на Польшу, половина были Т-1 и Т-2. Правильно Гальдер говорил: «Это не танки, а горе нашей армии». Практически пулеметный танк. Как в 26–27 гг. появился танк «Виккерс» — 2-х башенный пулеметный, с него немцы свой Т-1 скопировали: вес 5,5 тонн, броня 15 мм, 2 пулемета, а мы Т-26. Но в Союзе и вес увеличивали до 15 тонн и башню одну оставили, и броню до 16 мм. довели, пушку калибром в 45 мм установили и один пулемет. Т-2 тоже слабенький танк: броня те же 15 мм, ну вес увеличился почти до 9 тонн, пушка появилась 20 мм, пулемет один. Вспомните Испанию, я вам говорил, что советские танки их буквально давили. Но немцы не сделали такую глупость как мы. Мы выпустили командирский вариант Т-26 с круговой антенной вокруг башни, в отличие от других танков. Не все советские танки имели рацию, поэтому следили за командирской машиной и сигналы передавали флажками. Из-за круговой антенны немцам не стоило труда определить командирский танк и на нем сосредотачивать прицельный огонь, то есть выбивать командирский танк.

Кстати, почему немецкие снайперы выбивали перед атакой всех французских офицеров? У офицеров ноги тоньше. Французские офицеры были в крагах, а солдаты в обмотках. Значит, смотри по ногам: тонкие ноги — бей — офицер. То же случилось с советскими танками: круговая антенна — бей.

А.Ш. Вернемся к военным действиям на Западе.

А.П. Наше дело было рваться вперед и вперед. Подавить сопротивление — это дело пехоты. Пленных было очень много. Отношение к ним было с нашей стороны почти рыцарское. Солдат часто, почти сразу выгоняли домой, а офицеров депортировали почти без охраны. Если с польскими офицерами отношения были почти товарищеские, то с французами и подавно. Все строили из себя джентльменов.

Как, например, проходил процесс сдачи в плен французам. Не просто разрозненная толпа. Действие вроде героической постановки «Гибели Нибелунгов». Выстроена французская рота, небритая, поднявшая руки. Перед ней офицеры. Появляются товарищи немцы. Французский офицер откуда-то, почти неувидимым движением достал палаш, а воевал без него, отсалютовал и протянул тебе. И вся рота дружно зашагала, правда, как пьяная, не в ногу, к сборному пункту или в лагерь. Умирать французы за родину не хотели.

Когда мне говорят о французском партизанском движении, я смеюсь. Вот примерный состав французского партизанского отряда. Итак, отряд человек 40. Из них: 15 человек — бывшие советские военнопленные: русские, армяне, грузины, евреи, штук 6 — беглые поляки, штук 5 — беглые югославы, от 2 до 4 — испанцев-республиканцев. Командир отряда француз, француз — комиссар, английский военный советник. Если наберется 10–11 французам, то это хорошо.

Понимаете, нация, которая создала пословицу: «Хорошо жрать, но мало работать», — она особенно героизм не проявляет. Говно французы я вам скажу. Говно в квадрате, как и ваши прибалты. Кого я ненавижу, так это прибалтов. Всех! Все сволочи. Литовцы еще в каком-то отношении лучше, хоть имеют на что-то претензии, когда-то было мощное государство. Но эти засранцы, рабы латыши и чухонцы, которые либо немцам, либо шведам жопу лизали...

А.Ш. Простите, но вы слишком эмоциональны в оценках. Я не со всем согласен.

А.П. Знаю, знаю, что у латышей хоть были латышские стрелки, которые с немцами в ту войну дрались, да и революцию латыши помогли сделать. Литовцы дольше всех в лесах держались после войны. Литовцы храбрые. Но эти эстонцы трусы. После войны, в Гроссенхайме, лагере для репатриантов, эстонские эсэсовцы сами себя охраняли. Отсюда мое «знание» эстонского языка: «Каррабала»- начальник караула» и «Курат» — ругательство. Мне довелось слышать, как они воют, мать их...

А.Ш. Когда это было? где?

А.П. Совершенно случайно я выехал в 43-м или 44-м году в Прибалтику. Кажется в Даугавпилс и Екабпилс. Там было какое-то производство, и могли быть нужные для немецкой обороны специалисты. Их, правда, не нашел. Однако встретился с парой раненых немецких офицеров, которые дрались вместе с эстонцами. Когда я поинтересовался, как союзники, сколько ругательств выпустили в их адрес эти бедные немецкие ребята. И что они ранены из-за этой сволочи, которая бежит от первого выстрела. У меня есть основания предполагать, что они на 50 % говорили правду.

А.Ш. А может быть, эстонцы, как и латыши в это время уже не хотели воевать. Умирать уже не за что. Они уже понимали, что война...

А.П. Может быть, не буду спорить. Но вообще прибалтов в лагерях почти не было. Они в зондеркомандах, в тылу и прифронтовой полосе орудовали. А в лагеря, мосты охранять, дороги, немцы спихивали чаще всего не очень надежный народ. А «товарищи прибалты» дрались на фронте, так зачем же солдат терять. Но вообще запомните, все, кто им, немцам, помогали были «иберлойферы» — перебежчики. Понятно, если надо руку ему подать, немецкий офицер подаст, но после этого все-таки руку помыть следует. Это вам говорит немецкий офицер.

А.Ш. Не просто немецкий офицер, а эсэсовец. Кстати, как к вам относились офицеры вермахта?

А.П. Вермахт нас не любил за привилегии. У нас и обеспечение лучше. Мы словно гвардейские части в Красной Армии. Но потом нас полюбили. И в Польше, и в Бельгии, и во Франции наш батальон, приданный 7-й танковой дивизии, был всегда впереди и хорошо

дрался. К нам прониклись уважением. Говорили не раз: «Ты хороший парень, командир роты, но черные петлицы на меня действуют». Они говорили открыто, знали, что мы не донесем. Почти год вместе в боях это много значит. Один офицер из вермахта в казино сказал мне: «Слушай, мы только что пили с тобой на брудершафт. Разверни свою эту хреновину, чтоб я твои руны чертовы не видел».

За редким исключением вообще не любили нас — эсэсовцев. Молодежь лучше относилась. Она нацистскому влиянию больше и быстрее подверглась, чем от майора и выше. Эта категория офицеров была более сдержана, несмотря на то, что при нападении на Россию была инструкция об особом обращении с русскими пленными. Однако господин оберст, полковник, мог сказать: «Ты все-таки немецкий офицер, а не мясник». В вермахте была офицерская традиция, которой в СС, конечно не было.

А.Ш. Давайте поговорим о немецком и советском офицере.

А.П. Почтительное отношение к армии у немцев в крови. Когда у нас говорят: «А, он офицер», то у немцев: «О-о! Он офицер!»

В 30-40-е годы вошел советский офицер в трамвай или автобус — он мог спокойно стоять, ему место никто не уступит. Если бы такое было в Германии, то десяток пассажиров поднимался, чтобы уступить ему место. Отсюда, когда к тебе относятся с уважением, то и ты к другому, такому же, как ты, будешь относиться с уважением.

В Германии исключался вариант «дедовщины» по той простой причине, что как только новобранец попадал в казарму, у него появлялись, вроде бы те же самые «деды», но которые не заставляли его дранить сапоги, но помогали учиться. Почему в немецкой армии солдат так быстро учился строевому шагу? Один «дед» брал его с одной стороны под руку, другой — с другой стороны и втроем шагали и очень быстро проходили обучение.

Комментарий 5.

Из довоенного устава немецких бронетанковых войск.

«Дух товарищества должен способствовать тому, чтобы часть в любой обстановке представляла собой сплоченный коллектив. Каждый солдат несет ответственность не только за себя, но и за своих товарищей. Тот, кто сильнее и может сделать больше, должен оказывать помощь своим менее опытным и более слабым товарищам и руководить ими. На этой основе возникает чувство подлинного товарищества, которое имеет одинаково важное значение в отношениях между начальником и подчиненными, так и между самими подчиненными»

Гейнц Гудериан. Танки — вперед! Нижний Новгород. 1996, с.277

Кроме того, отношение офицера к офицеру. Я не говорю, что даже во время войны когда офицерский корпус был разбавлен выходцами из бедных классов, дух офицерский остался. Во-первых, было большое взаимное уважение. На «ты», брудершафт, но все равно уважение низшего к старшему и старшего к высшему.

Во-вторых, у немцев был очень сильный отбор при продвижении по службе. Даже по нашим книгам дураков у них в верхах армии не было. Отсюда и уважение младшего к старшему.

Была у немцев и та самая офицерская корпоративность, которая была в царской армии, но которой не было в советской. Вряд ли, к комкору или командарму мог подойти лейтенант с интересующим его вопросом вне служебное время. Просто не подошел бы. А в Германии к командиру корпуса мог прийти лейтенант и задать вопрос: «Вот я Клаузевица прочитал, но то-то и то-то не совсем понял. Господин генерал, не смогли бы пояснить?» И тот разъяснял. Сажал его за стол. Здесь не было чинов. Здесь было два представителя офицерского корпуса.

Кроме того, у нас с вами — а, пехотинец — пренебрежение, а танкист, летчик — это выше! А в немецкой армии наоборот! Собрались три офицера в одинаковом звании. Кто у них за старшего? Офицер пехоты. Потому, что пехота — это главный род войск. До тех пор, пока не вступил сапог пехотинца на территорию — она не занята. То есть старшинство шло от пехоты и выше. А у нас? «Пехота, не пыли». Вот все это вместе и создавало особую атмосферу.

Раз ко мне относятся с уважением, то и я стараюсь вести себя не как скотина. Почему в царской армии никогда старший офицер не позволял себе выругать публично младшего? Во-первых, получил бы вызов на дуэль от последнего поручика полный генерал. Когда бы такой товарищ оскорбил и отказался от дуэли, или не отказался, но дуэль не состоялась, и он появился бы в офицерском собрании, то старший из присутствующих офицеров подал бы команду: «Господа офицеры, встать, на выход!» И его превосходительство остался бы один.

Вы знаете, чем кончил генерал Жанен, который выдал Колчака красным?

А.Ш. Нет.

А.П. Застрелился. Ведь он забрал Колчака в свой поезд и обещал защиту, но когда большевики нажали, выдал его.

А.Ш. Но к этому приложили руку и чехи, чешские генералы, там чешский корпус был. Жанен возглавлял французскую миссию.

А.П. Так вот, после возвращения в Париж, от всех офицерских клубов, существовавших в мире, он получал в тамошней валюте тридцать монет. Три года терпел, а на четвертый пустил себе пулю. Он слово нарушил. Вы понимаете, какому бойкоту он подвергся!

А.Ш. Каково было денежное содержание немецкого офицера?

А.П. Не очень большое. Зависело от пребывания на фронте или в тылу. За участие в боях получали фронтную надбавку. Менялась зарплата в зависимости от курса денег. Лейтенант, старший лейтенант получали около 600 марок. Майор более 1000 марок. Оплата производилась в тылу раз в две недели, а на фронте полтора — два месяца зарплату не получали: кому там это было нужно.

А.Ш. А как с отпуском?

А.П. Вот это было железное правило. На фронте периодичность получения отпуска — 6 месяцев. Даже под Сталинградом, многие остались живы, находясь в окружении, потому, что с Гумрака (последний немецкий аэродром, действовавший в сталинградском окружении. — А.Ш), где из трех самолетов два сбивали, самолеты садилась, забирала раненых и отпускников.

Комментарий 6.

«Отпуск предоставлялся равномерно в порядке очередности лично устанавливаемой командиром. Только в особых случаях, например, в связи с рождественскими праздниками или после рождения ребенка, можно было отдавать предпочтение женатым. Тяжелое заболевание членов семьи или ущерб, понесенный в результате бомбардировки, также могли служить поводом для внеочередного отпуска». Гейнц Гудериан. Танки — вперед! Нижний Новгород. 1996, с.285

Немцы заботились и о физиологическом, и о психологическом состоянии своих солдат. Солдатские бордели были. Пуффы — назывались. Почти на всех фронтах. Девчонки со всей Европы, всех национальностей, со всех лагерей собраны. Кстати, непременной принадлежностью немецкого солдата и офицера были два презерватива, которые регулярно выдавались в армии.

Между прочим, эти пуффы у них были и в концлагерях. В Бухенвальде, во Флоссенбюрге, в Освенциме... Девчонки, те же лагерницы, но специально отобранные. Питание у них нормальное, из солдатской столовой. Причем надо было платить 1 марку за вход. 50 пфеннигов получала девчонка, 50 возвращалось в лагерный бюджет. Это же немцы, у них все продумано. Откуда деньги? Лагерник получал марку, а то и две, за неделю работы. Но кто ходил в них? Какой публичный дом, если человек на ногах не стоит! Только капо — старшие по бараку, да уголовники. В основном те, кто лучше питался, ходили. Ну, еще охрана лагерная.

Были разные случаи. Так в 45-м Николай Кюнг из Бухенвальда рассказал мне, что один наш лейтенант в Бухенвальде, пленяга, влюбился в польку из пуффа, что даже хотел ее после войны в Союз привезти, но куда там...

В лагерях военнопленных ничего подобного не было. Верховное командование не разрешало.

А.Ш. А как питался немецкий офицер?

А.П. Были офицерские столовые. Но во фронтовых условиях солдат и офицер жрали одинаково. Фронтовики, непосредственно участвовавшие в боях, получали большее количество сигарет и шоколада, а также масло вместо маргарина.

Еще я вам скажу, когда Паулюс оказался в кольце и перешел на конину и две картошки, то многие немецкие офицеры добровольно перешли на такой же паек до капитуляции в Сталинграде. Приказа на этот счет не было, более того, на фронте запретили подобный шаг. Однако это считалось проявлением рыцарства и коллегиальности по отношению к своим товарищам там.

Знаете, почему немцы к советским офицерам плохо относились на фронте? Какое отношение у меня офицера к вам офицеру, когда вас поймали в солдатской гимнастерке, и вы пытались затеряться в солдатской массе. Помните, прячется полковник у Симонова в «Живые и мертвые». С нашей точки зрения, может быть, это правильно. Но с точки зрения западного офицера, причем не только немецкого, любого — это страшное падение. Ты прячешься за спину солдата, когда солдат должен стоять за твоей спиной. Это сразу предопределило отношение к советским офицерам.

А.Ш. Но с другой стороны, немецкие офицеры знали о так называемом «приказе о комиссарах» и понимали, чем вызвано переодевание.

А.П. Понимали, не понимали... Англичане Бамберг бомбили. Несколько сотен бомб сбросили. Вашего покорного слугу почему в колено ранило? Потому, что когда многие легли — он стоял. Стоял потому, что он офицер. В уставе об этом ничего не сказано. Генерал ругал меня в госпитале, а не спасибо сказал. Осколок грохнул сюда, развалился на две части. Одна вышла отсюда (показывает), другая и сегодня сидит. Тихо сидела полсотни лет. До 95-го года, а в 95-м сажусь в машину, хлопнул дверью и сдвинул осколок с места. Первый год вообще не мог ходить. Сейчас кое-как ковыляю.

Потом еще простая вещь. Немец в окружении — солдат остается солдатом, офицер офицером. Потому, что это — нормально сделанная армия. Наша за короткий срок сколоченная армия, с комиссаром бывшим директором школы и командиром полка, который войну начал младшим лейтенантом, угробил три состава полка, через полтора года стал майором, — была другой. Этот командир особого уважения своих солдат, кроме матерного руководства, ничем не вызывал.

Комментарий 7.

На сборах командиров полков, проведенных летом 1940 г., из 225 командиров полков ни один не имел академического образования. Только 25 окончили военные училища и 200 курсы младших лейтенантов.

В. Карпов. Маршал Жуков. М., 1994, с. 75.

Немецкая часть попала в окружение: она дерется. Унтер получил приказ защищать вот этот стол — стоит со своим отделением. Чтобы не произошло справа или слева, обошли или не обошли, он знает: «Бефель ист бефель» — «приказ есть приказ». И солдат у него не спрашивает, что там у нас справа и слева. Мы стоим здесь и все.

А у нас, как только часть попала в окружение, моментально к чертовой матери терялось все. Начинался в некоторых частях худший самосуд. Мне приходилось допрашивать наших пленных. Вот когда я ожидал падения Воронежа в 42-м году. Называю точно: 527 легко-артиллерийский пушечный полк РГК. 6 батарей по 4 орудия. Место формирования — Северный Кавказ. Начальник штаба полка майор Ермаченко. Этот майор уже был однажды раненый, лежал в госпитале. Он прошел мясорубку 41-го года... Вот его я допрашивал. Ермаченко рассказал мне все. Он не хотел лгать. Наболело.

Полк начали формировать в январе 1942 г., к весне закончили. В апреле-мае прибыл на Воронежский фронт. Командир полка — кадровый военный, тоже майор, пьяница. Во время чистки пистолета простреливает себе бедро и выбывает из полка. Новый командир полка, подполковник, зануда страшный, болтался в резерве главного командования, вводит в полку порядки, которые и в мирное время и в штрафном батальоне не вводят. Комиссар, бывший школьный учитель. Итак, что сделал комиссар, когда прибыл в полк. Командиром первой батареи был старший лейтенант. Была у него там девчонка медсестра. Полюбили друг друга и жили. И эту девчонку комиссар забрал у него. Да ни один немецкий офицер

или генерал гарема с собой не возил. Ни одному немецкому офицеру не пришло бы в голову таскать с собой санитарку в качестве адъютанта. Полк попадает в окружение. Батареи свои пушки взорвали. Бардак полный. Все — офицеры кончились. Чем занялся командир первой батареи? Разыскал комиссара и пристрелил его. Чем занялся майор Ермаченко, начальник штаба полка? Поймал своего комполка, этого подполковника, который ему вот так приелся, и тоже пристрелил. То есть, как только полк оказалась в кольце, он перестал существовать как воинская часть. Поэтому и страшные потери при попадании в плен. Если бы сохранили свою организацию, как сохраняли немцы, они бы до конца дрались. Если бы организация сохранилась бы, разве этому несчастному Кирпоносу с тысячей офицеров пришлось бы отстреливаться.

Справка.

Кирпонос М.П. (1892–1941) — генерал-полковник. Герой Советского Союза. В июне 1941 г. командующий КОВО, а с началом войны командующий Юго-Западным фронтом. Погиб в бою 20 сентября 1941 г. при выходе из окружения в районе Шумейково Полтавской области УССР.

Там было бы не 800 офицеров, а 80 тысяч солдат, которыми они бы командовали. Но они не могли командовать. Они уже не были офицерами в глазах солдат. Немцы офицеров потеряли в 18 раз меньше чем наши. Даже в конце войны у них сохранилось почти 40 % кадрового офицерского состава.

Комментарий 8.

«Моральный дух армии, особенно окруженных частей, быстро падал. Многие офицеры кончали жизнь самоубийством или сознательно шли под пули — искали смерть. Разрушались понятия о воинском долге и чести, об армейской морали.

По свидетельству очевидцев, уже в боях под Смоленском некоторые бойцы и командиры стали снимать свои шпалы и кубики и зарисовывать их не выгоревшие на солнце контуры чернильными карандашами, якобы опасаясь привлечь блеском знаков различия вражеских снайперов, политруки также поспешно расставались со своими нарукавными звездочками. Это явление приняло повсеместный характер, поэтому командующий Северо-Западным фронтом, генерал-майор Собенников вынужден был издать секретный приказ N 044 от 26 июля 1941 года: «О командирах и политработниках, нарушающих установленную для начсостава Красной Армии форму одежды, не имеющих на шинелях и гимнастерках петлиц, нарукавных знаков и знаков различия». В советской исторической литературе этот документ никогда не публиковался. Текст приказа гласил:

1.

«В ряде частей фронта некоторые командиры и политработники грубо нарушают элементарные основы дисциплины Красной Армии. Они не соблюдают установленной формы одежды, не имеют на шинелях и гимнастерках петлиц, нарукавных знаков и знаков различия.

Эти командиры и политработники, вместо того, чтобы с гордостью и честью носить звание командиров рабоче-крестьянской Красной Армии, — теряют лицо командира, обезличивают себя, роняют свою честь, достоинство и свой авторитет в красноармейской массе.

Таких командиров и политработников красноармейцы не любят, не уважают и законно не доверяют им. Военный совет северо-западного фронта рассматривает подобное нарушение формы одежды некоторыми командирами и политработниками, как позорное проявление трусости, приводящее к потере чести и достоинства командира РККА.

Приказываю:

1. Командирам и военкомам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок, нашить на шинель и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия.

Военкому северо-западного фронта обеспечить соединения и части всеми необходимыми эмблемами.

2. Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привлекать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов.

3. Командирам и военкомам соединений и частей довести до сознания всех командиров и политработников абсолютную недопустимость подобных нарушений формы одежды, а к нарушителям создать нетерпимое отношение со стороны командирской общественности.

>Подписали: Командующий войсками СЗФ ген. — майор Собенников, член военного совета, корпусной комиссар Богаткин, начальник штаба СЗФ ген. — лейт. Ватутин». А.Шнеер. Плен. Иерусалим.2003,с.149–150.

А.Ш. Александр Петрович, а чем был вызван ваш особый интерес к этому майору?

А.П. Да не майор меня интересовал. Меня интересовало, почему мои родные, ведь я же патриотом был, ведут себя так. Ведь я не был тем, кем был в глазах Ермаченко.

Я же оставил армию до 37-го года. А она в те годы на высоте была. И в отношении головы. Какие люди там были! И в отношении дисциплины... Как же она превратилась в стадо? Вот это меня интересовало. Если бы расстрелянные в 37-м комбриги попали в армию, они бы армию не узнали. У нас же армия была умная, дисциплинированная. И красноармейца не приходило в голову выматерить. Матерное руководство отсутствовало. А то ведь все эти наши быстро выросшие товарищи, большинство из них только мат и знали. Почему Рокоссовский выделялся? Матом не ругался. За одно это его солдаты любили. А Конев, он же кроме мата и палкой прохаживался.

Да если бы немецкий генерал, фельдмаршал, сам Браухич, замахнулся бы на немецкого унтер-офицера, не то, что лейтенанта... Тот бы достал пистолет и пристрелил бы его. И суд чести оправдал бы.

Справка.

Вальтер фон Браухич (1881–1948), генерал-фельдмаршал. С1938 г. главнокомандующий сухопутными войсками вермахта. После разгрома немецких войск под Москвой в декабре 1941 г. уволен в отставку. 1945–1948 гг. в плену у англичан. Умер в лагере для военнопленных.

Вот, если хотите, еще один пример взаимоотношений в немецкой армии. Франция. Стоим: я — командир роты, рядом со мной — штаб-фельдфебель Иоганн. Я старший лейтенант, но по должности он заместитель командира батальона потому, что он 12 лет отслужил, взводом командовал и зам. командиром роты был. Он 6-месячные курсы кончит и сразу не лейтенанта, а обер-лейтенанта получит. Тут же рядом со мной стоит и мальчишка — 20-летний водитель моего танка. Мы сопляки перед Иоганном, а он — настоящий старый солдат. Вдруг свист и разрыв снаряда. Что делает этот фельдфебель? Он кинулся на водителя и прикрыл его собой. И я лег. Встаем. Я говорю фельдфебелю: «Майн херц Иоганн, что вы сделали? (говорит по-немецки). Вы зам. командира батальона...» А он мне: «Я меньше по званию, а вы господин офицер не должны были этого делать. Ему 19–20. А я солдат, мне 32. Кому, говорит, — раньше к богу попадать?»

Вот почему немецкая армия дралась до конца. Почему меня в Бамберге ранило? Потому, что после команды ложись, я уже искалеченный, с плохо двигающейся рукой, оставался стоять, наученный фельдфебелем. И собирался лечь, но после того, как ляжет последний солдат. Поэтому и в окружении немецкий солдат не искал своего офицера, чтобы пристрелить его.

А этот полк, о котором я говорил, как лакмусовая бумажка, но так все там совпало. Не во всех полках, конечно, такое было. Там, где сохранялась организация, там дрались и

выходили из окружения. Вон Власов, свою 37-ю армию из киевского окружения вывел. Его солдаты любили, раненного на руках вынесли. А там, где бардак начинался, разбегались, как стадо баранов.

Справка.

Власов Андрей Андреевич (1900–1946) — генерал-лейтенант. В Красной Армии с 1919 г. В 1937–1939 — военный советник Чан Кай-ши в Китае. В 1940 г. командир лучшей в Красной армии 99-й стрелковой дивизии. Перед нападением Германии на СССР назначен командиром 4-го механизированного корпуса, затем командующий 37-й армии, комендант гарнизона Киева один из руководителей его обороны. Участник обороны Москвы, командующий 20-й армии. В 1942 г. командующий 2-й Ударной армии, заместитель командующего Северо-Западного фронта. С июня 1942 г. в плену. Начал сотрудничать с нацистами. Организатор и командующий Русской Освободительной армии. В мае 1945 г. захвачен Красной Армией, осужден за измену родине и сотрудничество с нацистами, повешен в Москве 1 августа 1946 г.

Знаете, что еще поражало меня у немцев. Очень верные товарищи. Сколько мы бросали убитых и раненых, я не говорю об отступлении, даже при наступлении, сколько не захоронено и сегодня?..

Чтобы у немцев командир роты бросил своего убитого?! Под Москвой в 41-м, потом при отступлении в 44-м, в 45-м, когда драпали, приходилось бросать, но чаще всего — нет. Бросил — бери пистолет и стреляйся! Бери пистолет и стреляйся! Пушку можно бросить, никто не осудит. Но мертвого! Нет. Вы видели фронтовые немецкие кладбища? Кресты, порядок, имена, каски... Порядком — этим и были сильны немцы.

Вы не удивлены, что советский чекист хвалит немцев? Я уже много прожил и сейчас, слава богу, не стреляют за правду.

А.Ш. Александр Петрович, вы нарисовали такой привлекательный, прямо идеальный образ немецкого офицера. И тем не менее это далеко не так. Презрительное отношение к большинству граждан завоеванных стран, не говоря уже о евреях и русских, которых немцы называли «унтерменш» — недочеловек», было характерно и для многих ваших «героев».

А.П. А что вы хотели, чтобы они их целовали? Немцы позора Версаля не забыли. Они не забыли, что вытворяли французы, когда в 24-м году оккупировали Рурскую область. Когда Эрэнбург сказал, или написал в одной из своих статей, что надо унижить немецкую нацию, то Жуков прореагировал: «Что, надо переебать всех немков?» Так если хотите знать, французы в Рурской области это и сделали. Думаете, случайно немцы в Компьене этот вагон избрали?

Комментарий 9.

Речь идет о вагоне, в котором был подписан акт о капитуляции Германии в 1918 году. В 1940 г. на этот раз французы в том же вагоне подписали акт о капитуляции Франции. Все возвращается на круги своя.

Нет, они помнят, как уважаемый маршал Фош изволил поставить немецкую делегацию по стойке смирно, а сам, сидя, диктовал условия. Они помнят.

А.Ш. И тем не менее, если к гражданам Западной Европы немцы были достаточно терпимы, то к жителям оккупированных территорий Советского Союза отношение было иным.

А.П. Очень просто. Поскольку там они не сталкивались с тем, с чем столкнулись в России. А как прикажете к нашим относиться? Мы виноваты, а не они.

А.Ш. Вы в этом убеждены?

А.П. Да я убежден. Кроме того, это отношение шло от старших. Вы знаете, какая дружба была между германской военщиной и нашей: мир поделим на две части. А когда друзья расходятся, нет более злейших врагов. Потом ничего такого, о чем мы пишем, у нас с вами не вытворяли. Вы знаете, кто спровоцировал партизанское движение? Кто, вам объяснять не надо. Что сделала несчастная Зоя Космодемьянская? Таких вещей с ними во Франции не вытворяли. Здесь война приняла другой характер. Нет «западного мира». Здесь ночью

нападают. То, что разгромленные части продолжают сражаться, пробиваются из окружения, немцы к этому претензий не имеют. Я помню, под Воронежем подбили советский бомбардировщик, и он приземлился. Кинулись брать летчика. Он развернул турельный пулемет и дрался до последнего. Так немцы похоронили его с почестями и своих солдат пригласили — как надо сражаться. Генерала Ефремова как похоронили!

Справка.

Ефремов Михаил Григорьевич (1897–1942), генерал-лейтенант. Командующий 33-й армией, прорвавшейся в декабре 1941 г. к Вязьме и попавшей там в окружение. Армия мужественно сражалась. При попытке прорыва из окружения генерал Ефремов, будучи трижды ранен, 13 или 14 апреля застрелился. По свидетельству очевидцев «хоронили немцы генерала Ефремова в деревне Слободка 19 апреля 1942 г. Тело командарма принесли на жердях, но немецкий генерал потребовал, чтобы его переложили на носилки. При захоронении, обращаясь к своим солдатам, сказал: «Сражайтесь за Германию так же доблестно, как сражался за Россию генерал Ефремов». Отдал честь. Был дан салют.

После освобождения этих мест, во время перезахоронения Ефремова в Вязьме, обнаружили, что немцами на его руке были оставлены золотые часы». Из воспоминаний генерал-лейтенанта Ю.А. Рябова, ветерана 33-й армии. В.М. Сафир. «Военно-исторический архив». Выпуск 1.

Пока немцы догадались, что не солдаты на них нападают, потом они разобрались, что и не местные жители, а диверсанты-парашютисты — было поздно: пожар разгорелся. А Зоя, вы сами знаете, кто привел. (З. Космодемьянскую поймали и передали немцам местные крестьяне. — А.Ш.) Ведь, если бы вместо того, чтобы вешать, ее бы просто выпороли и отпустили, и в других случаях то же, то никаких партизанских движений не было бы. Они потом спохватились, но было поздно. Что, партизанское движение само началось? Спровоцировали, а немцы попались...

Ведь население вначале встречало немцев хлебом-солью. А на третий-четвертый день вышли, смотрим — наш сосед висит на заборе. Почему? Да потому, что какой-то парашютист хлопнул немецкого солдата, или, как Зоя, сжег семь лошадей. Вот и подумали крестьяне: «Херовые были большевики, но не вешали. Давай, Митька, что-нибудь будем делать или тикать!» Партизанские отряды на 90 процентов ничего не делали, они прятались.

А.Ш. Возможно, на первом этапе, пока как раз ваша служба, 4-е управление, все поставило под свой контроль?

А.П. Голубчик, наша служба их с трудом палкой выгоняла, почему и стреляли многих командиров отрядов после войны. Были такие отряды, где все оружие находилось у командиров и только перед операцией выдавалось на руки, потому, что боялись доверить на все время: «сбежит сукин сын».

Ну да, были крупные отряды Федорова, Ковпака... Так ведь и они на 25 процентов состояли из «окруженцев», с полсотни процентов люди с «чистыми руками», а остальные местные.

А.Ш. Александр Петрович, действительно известно, что было много специальных групп чекистов. Однако они, по-моему, были организационными центрами, ядром тех или иных отрядов. Без поддержки местных жителей партизанского движения не могло быть.

А.П. Были местные, но половина с «чистыми руками». А потом, много ли эти партизаны сделали? Морально скорее. Это было напоминание о советской власти. Что сделал Ковпак, когда его послали на Плоешти? Расколотили к черту. Да и Руднева его любовница пристрелила. Они попали в окружение, выходили мелкими группами. Руднев храбрый человек. Когда его тяжело ранило, он попросил своего любимого человека, знал, что она выполнит. Девка была, видно, хорошая. И она его пристрелила. Правильно сделала. Попади он к немцам, чтобы с ним было: партизан, комиссар, генерал-майор.

Да, партизаны сыграли свою роль, но сплошного огня в тылу немцев не было.

А теперь ответьте мне на вопрос, почему маму Зои Космодемьянской всегда вспоминают, она на конгрессы ездила, а папу никогда. Она герой, брат герой... Да потому, что мама учитель школы, а папа — расстрелянный в 37-м году, директор этой школы. Вам неизвестно, как в немецкой форме появлялись товарищи и расстреливали русскую или украинскую деревню. Известно? Во Франции такие вещи делались? Нет. Так, что же вы хотите? Какое отношение? Потом они поняли, что это делать не надо. А если бы послушались Геринга, что он предложил в сентябре- начале октября 41-го года. Сколько на этот момент было советских пленных у немцев? Больше двух миллионов, не так ли? Так вот Геринг предложил следующее: собрать всех русских Иванов, вернуть оружие, привести на передовую и выгнать к советам. Идите домой, возвращайтесь! Что бы произошло? 50 % разбежалось бы по домам, а остальные разложили бы советскую армию сверху до низу. И у них не оказалось бы солдат, чтобы охранять эти 2 млн., которые вернулись домой. И если бы подобный вариант прошел, драться было бы некому. А.Ш. Александр Петрович, ничего подобного историки не знают? А.П. Это он в узком кругу предлагал, возможно, только разговоры шли. Но среди офицеров ходили слухи об этом. Историки многого не знают и никогда не узнают. Вы знаете, как создаются мифы? Что вы знаете о Кузнецове?

Справка.

По официальной советской версии Кузнецов Н.И. (1911–1944). Советский разведчик-диверсант. Герой Советского Союза. В 1938 г. окончил Уральский индустриальный институт. В совершенстве владел немецким языком. С документами на имя немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта действовал в г. Ровно.

А.Ш. Все то, что раньше написал Медведев, и пару лет назад Судоплатов.

Справка.

Медведев Дмитрий Николаевич (1898–1954), полковник, чекист. Герой Советского Союза. Командир спецгруппы, командир особого разведывательного партизанского отряда «Победители» на территории Ровенской и Львовской областях. Из его отряда уходил на задания Н.И.Кузнецов. После войны написал книги «Это было под Ровно», «Сильные духом».

Справка.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1997), генерал-лейтенант. Зам. начальника иностранного отдела в 1940 г. В годы войны начальник 4-го отдела НКВД. Автор книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы».

По словам Судоплатова, Кузнецов — довоенный агент НКВД, работал с творческой интеллигенцией Москвы и Ленинграда, выходил на немецких дипломатов... С началом войны прошел спецподготовку в качестве агента-террориста...

А.П. (Возмущенно прерывает). А вы все это проверяли?

А.Ш. Сами понимаете, у меня нет такой возможности.

А.П. (Категорически, горячо, быстро). Не было Кузнецова. Был прусский дворянин Зиберт. Был немецкий инженер, который с 27-го года, как многие немцы помогал строить первую пятилетку. Он был убежденный антифашист. Ему, как и мне, врать не надо было. Конечно, он был неуязвим. Кого немцы могли взять, старшего офицера, фронтовика, тяжело раненного, у которого в Восточной Пруссии отец, сестра, а у них поместья, сахарный завод. Они от него письма получали, пока не погиб. Медведев, конечно не знал, что он настоящий немец. Фотографию родителей, русских, хоть раз видели? Нет. Не было их. Тоже мне, нашли русского Кузнецова! Написать все что угодно можно.

А.Ш. Что ж, не совсем уверен в вашей версии, но оспаривать не могу. Давайте вернемся к оккупации. Немецкий солдат и офицер запял себя зверствами и грабежом. Это общеизвестно и есть тысячи свидетельств об этом. Вы в этом тоже сомневаетесь или оправдываете немцев?

А.П. Конкретно кто эти грабежи подсчитал? Работник «СМЕРШ», который захватил село, когда туда пришла Красная Армия? А ему кто сказал?

А.Ш. Крестьяне, которых ограбили. Например, пришли немцы на пасеку медом полакомиться. Пасечник не дает. Ударили штыком, убили, пасеку сожгли... Или, пришли домой забрали ценности, избили, хорошо не убили... Я такие документы каждый день читаю.

А.П. На сотню один случай. Война. А сотню, тысячу, когда не грабили... Об этом молчат. Не выгодно. А один случай надо рекламировать. Военная пропаганда. Надо ненависть разжечь.

А.Ш. Извините, но тут не могу с вами согласиться. Массовые факты самых зверских пыток, убийств — это не один документ, это массовое явление. Убийства и издевательства над военнопленными... Я сознательно опускаю еврейскую тему, а вы знаете, что делали с евреями, сами рассказывали...

А.П. Отношение к евреям и комиссарам это другое. Все объяснялось идеологическими и расовыми мотивами. А по отношению к евреям еще не только нелюбовью к ним, но тем проклятым чувством повинения, которое есть у каждого немца. По отношению к другим — это война. Колонна идет, человек отстал. В него стреляют. Будь то француз, будь то мы, или немцы.

А.Ш. Мне кажется, вы не совсем правы. Ко всем европейцам, да и пленным американцам отношение иное.

А.П. Я не оправдываю немцев. Но так, как мы все раздули, не надо...

Вот Уманская яма. Грязь, дождь, крыши нет, кругом проволока, жрать нечего. Человек, одичавший от голода, лезет на проволоку... Что делать немецкому часовому, как и любому другому — открыть огонь.

А.Ш. А почему не кормят?

А.П. А откуда они могли взять?

А.Ш. Кроме того, что должны были обеспечить, так ведь местные жители приносят продукты, а немцы чаще всего отбирают и не дают пленным.

А.П. В Уманской яме этого не было. Могу вас заверить.

А.Ш. Было. Было и в других местах. Люди от голода воют, людоедством занимаются...

Комментарий 10.

Уже осенью 1941 г. неоднократные случаи каннибализма отмечены в лагерях Бобруйска, Брянска, Гомеля, Резекне, Саласпилса, Остров-Мазовецкого и др. И. Гетман.

Аудиозапись беседы с автором 26.06.1993 г. Архив Яд ва-Шем, 03/6896, М-33/479, л. 7, 35, 39, 43; М-33/480, л. 18, 20, 21.

Образное описание голода в лагере Молодечно и точное определение виновных в нем дал в своих показаниях 1.4.1945 г. во время следствия начальник лагерной полиции

П.Красноперкин: «Люди, исхудавшие до предела, напоминали скелеты, а сам лагерь — огромное кладбище, на котором поднялись сразу все погребенные. Страшно страдали от голода и жажды. Слабость от голода делала людей подобными теням. От голода сходили с ума, убивали себя. Голод был царем лагеря, а немцы — теми, кто дал ему корону». Часто сами пленные либо убивали, либо передавали людоедов немцам, которые на глазах всего лагеря расстреливали или вешали их, предварительно фотографируя. Эти снимки немцы использовали в пропагандистских целях, для характеристики советских военнопленных как недочеловеков — «untermensch», животных. А.Шнеер. «Плен». Иерусалим. 2003, с. 190.

А.П. Ну от того, что местные жители на 10 тысяч принесли бы 5 кусков хлеба, которые им не дали передать, разве что-нибудь исправило? А почему нечем кормить? Могли ли немцы себе представить, что вся киевская группировка, почти 600 тысяч, попадет в плен. Чем их кормить прикажете? Где взять столько помещений, чтобы разместить всех? В Дарницких лагерях нельзя было разместить столько, сколько разместили. А что прикажете делать? В Германию увозить, так их и увозили тоже. Не надо искать немцев садистов, они такие, какие есть.

Глава 5

Мораль и разведка — две вещи...

22 июня 1941 г.

«Под коим знаменем присягу принял, под оным и помирать должно».

Как оценить работу разведчика: количество или качество.

Загадка: Фон Штейн или Файнштейн, или кому нужен лишний еврей...

А.Ш. Александр Петрович, давайте вернемся в 40-й год. Вы в госпитале после тяжелого ранения. Что дальше?

А.П. Увольняют меня с полной инвалидностью. Но я же не могу дома сидеть. Вообще-то у меня, вы не забыли, есть и другие обязанности. Словом, я, как истинный патриот, подаю рапорт и прошу зачислить на любую должность в тыловую часть. И направляют меня, не без помощи моих родственников, в Регенсбург, где авиазаводы Мессершмитта, для обеспечения рабочей силы для этих производств из концентрационных лагерей. Это произошло в феврале 1941 года.

А.Ш. А что происходит с вашей разведывательной деятельностью? Когда вы впервые вышли на связь с вашим центром? Что вы, в конце концов, делали как разведчик?

А.П. Арон Ильич, ну зачем вам эта дешевая приключенщина?

А.Ш. Но ведь это было. И об этом вы еще не сказали не слова.

А.П. Простая вещь. Никаких особых тонкостей не было. Почти два года, кроме моего условного сообщения, что я успешно легализовался, со мной никакой связи не было. В октябре 40 года, когда я лежал в госпитале появился там новый врач. Подошел ко мне раз, два, заговаривает со мной больше, чем с другими ранеными. Это меня насторожило вначале. Потом вижу обыкновенный дурачок, немец, которого интересует, что и как было в России. Я ведь не скрывал, что я из Союза. А однажды он мне сказал одну фразу вроде, что дядя Кронид и Эйзер хорошие ребята. То есть то, что мог знать только я, и это был заранее обусловленный пароль. С этого момента установилась связь. Сообщили, кто и когда придет. Пришел человек только через пять месяцев. А после этого была установлена более или менее постоянная связь.

А.Ш.

Было условлено, что вы где-то, кому-то передаете информацию, был «почтовый ящик»?

А.П. У меня были связники. Через третьи руки все уходило и я не знал, кому и куда.

А.Ш. Но это тоже плохо: личное знакомство. Его могли выследить и выйти на вас.

А.П. Я никогда не встречался с одним и тем же. Встречи два-три раза в году.

Предварительно телефонный звонок.

А.Ш. Где это происходило?

А.П. Назначалось место. Мог быть ресторан. Не всегда приходил в форме. У меня же не папка с документами. Усы никогда не клеил. Нормальные люди этого не делают. Через пять минут определю: наклеены у вас усы или нет или наоборот вы определите. Зачем же фокусы делать?

А.Ш. Поговорим о том, к чему разведчик, мне кажется, должен быть готов — к провалу. Например, тот человек, которому вы передали информацию, мог быть арестован через час, или хуже — взят вместе с вами в момент передачи, или он оказался предателем и вас уже «ведут». Что тогда?

А.П. К счастью, меня бог миловал. Обошлось. А думать о провале — это уже путь к нему. Надо все предусмотреть, чтобы избежать его. Мне удавалось. Однажды ценой страшной ошибки.

А.Ш. Вот я и хочу поговорить об этом. Есть такие стороны разведки, которые можно обозначить, как «темные», о них не принято говорить, о них не пишут. Мы можем говорить о морали и совести разведчика?

А.П. То, что я расскажу, можете считать ответом. Со мной работало три человека. Одного из них мы заподозрили в том, что он может нам повредить или, возможно, приведет к

провалу. Парткомиссии нет, в Москву не отправишь. Мы его просто убираем. А после войны выясняется, что он ни в чем не виновен.

А.Ш. Это было в вашей жизни?

А.П. В моей и у других достаточное количество раз. Кто-нибудь об этом написал?

А.Ш. Поэтому и надо говорить и писать. Давайте вспомним ту женщину, из Ростова.

Женщину, которая вас опознала как офицера СС, который приказал ее высечь. Вы дали ей 25 плетей. Была ли в этом необходимость? Вы не думали, что девочка, тогда ей было лет 17, не выдержит? Запороть ее?

А.П. Арон Ильич, я же мог засыпаться и других за собой потянуть. Подумаешь, извините за выражение, «издержки производства». А как прикажете мне поступить? Вот на этом и спотыкались. Как в том анекдоте, что перед тем, как идти в туалет, в газетный киоск идет. На этом засыпались, дорогой мой. Это должно быть отработано до автоматизма. Такие мелкие детали образа, что о них думать некогда. Это очень важно. Это важнейший момент в жизни разведчика. Да, порой приходится жертвовать кем-то, или чем-то сознательно, зная, что обрекаешь на гибель, но...

Это же только в кино фантазируют. Когда Штирлиц спасает двух детей — это ложь. Он не мог, не имел права так поступать. Сколько он людей мог подставить, себя, свое дело. Не мог он того сделать, если только он не «Штирлиц всея Руси». Он, как настоящий разведчик, должен был бы избавиться и от радистки. Ей, кстати, с первого дня обучения вколачивали: «Упаси боже рожать детей. Орать при родах будешь по-русски. Забеременела — аборт делай. Аксиома: за границей «нелегалки» не рожают.

А.Ш. Но художественное произведение имеет право на допущение. Авторы хотели, так сказать, «очеловечить» героев.

А.П. Очеловечить, Шекспир по-другому очеловечивал. Тем более что в Германии, как и у нас, было до фига идейных доносчиков, что стучали и закладывали не за деньги. Таких 90 процентов было.

А.Ш. Хорошо, вернемся к вашей жертве-«крестнице» из Флоссенбюрга.

А.П. Она не была моей жертвой. Я был в образе эсэсовца. Нельзя выходить из образа, дорогой мой друг. Нельзя. Здесь гуманность может привести к таким последствиям, что, как говорится, «кузькина мать собиралась помирать». Ну, как мне прикажете поступить? Кто-то может наблюдать. Причем, обо мне сложилось мнение, что я человек строгий, тем более 20 с лишним лет при большевиках должен был скрывать свое «я». Значит — к этим «русским свиньям», что у меня особая любовь, симпатия? Искренность должна быть. Там, где другой мог и не выпороть, учитывая мое прошлое, я чисто механически, я еще мало дал, Я мог дать полсотни.

А.Ш. А кто исполнил ваш приказ?

А.П. Откуда я знаю? Меня это не интересовало. Я унтершарфюреру сказал: запишите номер (говорит по-немецки) и 25 на задницу. У каждого работника номер.

А.Ш. Я думаю, что возможно настоящий немец прошел бы мимо. Но вы... Знаете, евреи выкресты, были порой наихудшими антисемитами и гонителями евреев, так и вы, неофит, желали быть святее папы римского...

А.П. Это естественное самосохранение и самозащита разведчика.

А.Ш. Вы ощущали приближение войны с Россией?

А.П. Ощутил после выхода из госпиталя. Немцы готовили к войне каждого солдата и офицера. В немецких казармах, на полигонах советские танки в натуральную величину, в красках, советские пушки и самолеты. Новобранец попадал в казарму и видел не немецкие танки, а советские, не немецкую пушку, а советскую и описание, как ею пользоваться. В Бауцене, где был танковый корпус, с изменением типа советского танка менялись щиты с его изображением. Во время моей учебы в 1938 г. изучалась советская форма, знаки различия.

А.Ш. То, что вы рассказываете, противоречит общепринятому мнению о том, что подготовка проводилась в тайне, что проводилась дезинформация о подготовке наступления на Англию, о том, что не было даже немецко-русских разговорников, а наоборот раздавались англо-немецкие.

А.П. Все это деза для литераторов. Немцы прекрасно знали, что нас этим не обманешь. И наша авиация летала над Германией, чаще, чем немцы над нами. И мы, и они не сбивали.

А.М. Как вы встретили начало войны с СССР?

А.П. Я ожидал всего, но что наступит такой разгром на границе, я не ожидал. Первые два-три дня я аплодировал про себя, смотрел на своих коллег и думал: «завтра вы запоете, когда наши танки рванут через границу».

А.Ш. Было действительно абсолютное убеждение в победе?

А.П. У меня да.

А.Ш. Даже находясь внутри этой среды?

А.П. Да. Потому, что немцы все время подчеркивали — Россия сильна. Офицер немец не дурак. Рядовой немецкий офицер знал качество советских танков и качество советских самолетов. Неплохо знал историю и какие масштабы России. Знал, что говорил Бисмарк: «Никогда не воевать с Россией и не воевать на два фронта». Немецкий офицер знал, что Россия сильна. Да и генералитет был против войны. Почему в 41-м году полетели все командующие фронтами?

А.Ш. Ну, это вы говорите с точки зрения гражданина и с точки зрения исполняемой вами работы. А вот, как обычный человек, что вы ощутили?

А.П. Я просто был в шоке. Просто в шоке.

А.М. А мысли у вас не было, опять-таки там, изнутри, находясь в той среде: «Ну, все, все, что делалось — это зря».

А.П. Нет, этого не было. Я прозрел в 43-м году. Когда впервые попал в Париж и побывал на кладбище Святой Женеьевы. Вот там у меня появились некоторые мысли, которые придали должное направление. Я вспомнил все, что прочел о России, все, что знал, а тут увидел русскую историю.

А.М. Поняли, что что-то не так?

А.П. Да, что-то не так. На остальное я закрывал глаза сознательно. Надо. Да, расстреливали в 37-м. Надо уничтожить 1 млн., чтобы 10 млн. жили хорошо. Надо. Да, во время колхозов тоже плохо было. Но надо было страну готовить к войне.

А.Ш. А мысли не появились о настоящем уходе к немцам?

А.П. Вы что? Я понял, что Союз — это что-то не то. Но перейти... нет. Хотя иногда чувствовалась раздвоенность. Особенно, когда сдружился с некоторыми офицерами. Порой мне казалось, что нужно прийти, поклониться и сказать: «Гашите меня в гестапо». Но это было до войны.

А.Ш. Неужели приходила такая мысль, могли такое сделать?

А.П. Понимаете, разведчик-нелегал должен верить в себя. Не делать глупостей. А за что я получил свои кресты. Я сделал то, за что меня, как разведчика, должны были повесить. В районе Амьена я веду в атаку свою роту танков Т-4. Мой заряжающий толкает меня: взгляните направо. Гляжу, а там злосчастные Т-1, семи тонные танки идут в атаку и нарвались на французские орудия, и уже с десятков танков горит, а второй десяток идет на верную гибель. Что мне нужно было потирать руки и сказать: это не мое дело. Но вместо этого, что я делаю? У немцев танки радиофицированы, микрофон в шлемофоне, чего вначале не было у русских, так вот я своему заместителю командую: «Ведешь остальных. Продолжай атаку». Я беру 4-й взвод и тут же: «Делай как я», — есть такая команда в танковых войсках. Я разворачиваю свой танк и иду сбоку на батарею. Сминаю мгновенно эти пушки, французы не ожидали. А ваш покорный слуга внес свою лепту в разгром Франции. Внес лепту, но получил снарядам в башню и стал инвалидом. Все это и определило всю мою дальнейшую деятельность в Германии.

А.Ш. А что Вами руководило в эти минуты?

А.П. Я в этот момент не вспоминал и не думал о разведке. Я солдат, там в танках мои товарищи.

А.Ш. Вы поступили не как разведчик.

А.П. Не будем говорить разведчик. Скажем — работник. Конечно, я нарушил все заповеди разведки.

А.Ш. Вы сказали была раздвоенность до июня 41-го. Что изменилось с началом войны?

А.П. Я же сказал, что я был в шоке. Но именно в Сент-Женеьев я ощутил все величие России. Наверно, гены есть. Именно там я понял, кто я. У меня не сверх гордость. Я, как Тучковы, на Бородинском поле не умирал, как Беннигсен, с Кутузовым не спорил.

Справка.

Тучков Александр Александрович (1778–1812). Генерал-майор. Командир бригады. Погиб в Бородинском сражении у Семеновских флешей.

Тучков Николай Александрович (1765–1812). Генерал-лейтенант. Командир корпуса. Был ранен в Бородинском сражении и умер от ран.

А.Ш. Тучковы тоже ваши предки?

А.П. Мать урожденная Тучкова-Беннигсен. С одной стороны Тучковы, с другой — Беннигсены. И я всегда помню: «Под коим знаменем присягу принял, под оным и помирать должно».

А.М. Поэтому вы столь долгое время молчали?

А.П. Потому и молчал. И сейчас, если обратили внимание, я не говорю, что модно нынче говорить, то есть на каждом слове непотребными словами советскую власть лаять, хотя, подчеркиваю, что я раньше других понял, что это такое. Поэтому при первой возможности и удалился из этого милого общества, в котором находился. И конечно, после жизни на западе, наш генерал, вчерашний «Ванька взводный», который напившись, начинал говорить «х'очу» и так далее, на меня хорошего впечатления не производил. Кстати, однажды в компании с вашим земляком знаменитым Драгунским я отметил: «Вы очень приятный собеседник». Драгунский чисто говорил по-русски, интеллигентным языком, хотя и местечковый еврей.

Справка.

Драгунский Давид Абрамович (1910–1992) — генерал-полковник, Дважды Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1928 г. В 1941 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. В годы войны с нацистами прошел путь от командира танкового батальона до командира танковой бригады. После войны командир танковой дивизии. В 1949 г. окончил Военную академию Генерального штаба. Был заместителем командующего, затем командующим армией, заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. С 1969 г. — начальник Высших офицерских курсов «Выстрел». С 1985 г. — инспектор-советник Министерства Обороны СССР.

Когда я был в Париже последний раз в 76-м году, то я все-таки опять кладбище Святой Женевьевы посетил. Если когда-нибудь попадете, Лувр может подождать. То, что есть в Лувре, вы знаете. И потом, на Лувр надо месяцы тратить. А там побывайте: всю русскую историю там увидите.

А.Ш. С какой миссией вы прибыли в Париж в 43-м?

А.П. Немецкий офицер получил отпуск и поехал в Париж. Почему нет? В Париж, который он завоевал, был ранен.

А.Ш. У вас действительно не было никаких других дел в Париже?

А.П. Абсолютно. Отпуск.

А.Ш. Интересно, что работа разведчика иногда сопровождается с абсолютно пустым времяпрепровождением. Он может расслабиться и распоряжаться своим временем?

А.П. Совершенно верно. Он 95 процентов отдыхает и лишь 5 процентов, и то редко, работает. Если будет наоборот, то не выдержит нервная система. А книги типа «17 мгновений весны», «Майор Вихрь» читать не надо.

А.Ш. Конечно, лучше встречаться с настоящими разведчиками. Какое впечатление произвел на вас Париж того времени?

А.П. Разочаровал.

А.Ш. Почему?

А.П. Потому, что воспитанный на «Соборе Парижской богородицы» я ожидал увидеть что-то более величественное. А увидел маленький соборчик.

А.Ш. А парижане? Вы почувствовали отношение к вам, как к немецкому офицеру-оккупанту?

А.П. Ну, конечно, французы нас не любили. Особенно СС, руны, они смотрели неприязненно.

А.Ш. А у вас всегда было ощущение безопасности?

А.П. Там? Всегда.

А.Ш. Что было для вас самым большим испытанием в эти годы?

А.П. Конец лета — начало осени 42-го года. В радиопередаче, я запомнил это на всю жизнь: «Вы слышите, плещется вода? Это я шлемом черпаю и пью из нашего стального шлема воду из Волги» — передает наш военный корреспондент. Они в это время разрезали 62-ю армию и вышли к Волге.

А.Ш. Но это психологически, а я имею ввиду в работе, конкретно?

А.П. Самые трудные именно психологические проблемы. Например, приезжаете в лагерь и видите: разгружается эшелон, правда, я всего пару раз видел, с вашими земляками. Вижу детей. Я знаю, куда они пойдут. Трудно, я рассказывал, когда стоял у рва с расстрелянными женщинами и хотел пристрелить веселящегося гада.

А.Ш. А самое светлое воспоминание, кроме окончания войны?

А.П. Когда на другой день после капитуляции Паулюса, по Германии зазвонили колокола, зазвучала траурная музыка и была объявлено три дня траура. Не работает кино, не работают рестораны, кафе...

А.Ш. Когда началась война с Россией, вы продолжали работать на заводах. А почему вами не заинтересовался Абвер? Все-таки из России, проверенный в боях... Как раз для работы с русскими военнопленными.

Справка... Абвер — орган разведки и контрразведки нацистской Германии.

А.П. Предлагали, но я не такой дурак, чтобы споткнуться на этой работе. Я сказал, что с русскими работать не хочу. Мне неприятно проверять эту сволочь. Могу достать пистолет и пристрелить. Это только в наших книгах немцев за это не наказывали. Еще как наказывали. Абвер предложил работать с пленными, но я сказал, что буду работать со всеми. Тогда мне предложили быть арбайтсдинляйтером — ответственным за набор рабочей силы на востоке. Меня это вполне устраивало, так как гарантировало свободу передвижения по всей Германии, практически все лагеря и любое производство, а также поездки по всей оккупированной территории России с той же целью — отбор специалистов для авиационного производства. Теперь я совершенно спокойно совал нос в любое военное производство потому, что самолету нужно все.

А какую ценность я мог представлять, работая с обыкновенными пленягами? Ну подготовил бы диверсанта, которого поймают, или который сам, сволочь, подымет руки и придет домой сдаваться... Здесь же я имел возможность разнюхать, так сказать, о какой-нибудь новинке.

А.Ш. В вашем задании было какое-то конкретное направление?

А.П. Да, с самого начала немецкая военная промышленность.

А.Ш. Сколько сообщений было вами передано за годы работы в Германии?

А.П. Первые два года ничего, только одно сообщение об успешной легализации. Потом год сообщений не было: зачем рисковать? С 41 по 45-й максимум 6–7 сообщений.

А.Ш. За все годы войны 6–7 сообщений! Возможно, я не прав, но мне кажется, что это не так уж и много. Понятно, что ценность разведчика измеряется важностью каждого сообщения, но все-таки...

А.П. Все знали, что такое «мессершмитт», знали, где его делают. Пока не появился новый сверхмессер, мне нечего было сообщать. О работах над реактивным сообщил вовремя. Как только опытный образец поднялся в воздух в 41-м, об этом узнали, кому надо.

А.Ш. За годы войны вы передали 6 сообщений, это 6 выходов на связь, понятно, это 6 раз особый риск, но, тем не менее, основную часть вашей жизни в Германии вы провели как настоящий немецкий офицер, честно и порядочно «ковали победу» Германии.

Простите меня, но вы сами не оцениваете свою деятельность, как малоэффективную?

А.П. Мое начальство так не считало. Да дело не в количестве сообщений. Месяцами собираешь по крупницам, а потом посылаешь, или если есть что-то особенное.

Мое дело было следить за появлением чего-нибудь нового и что неожиданно появилось в больших количествах. Когда появились новые модификации «мессершмитта» М-109Е и М-110, в Москве узнали раньше, чем они появились на фронтах. Когда увеличили мощность мотора, и он стал конкурировать с американской «коброй», тоже я сообщил.

Что вам кажется, что я должен был каждый месяц сообщать, сколько выпустили самолетов?

Чтобы раз-два засекли и все. Это только в фильмах разведчик с рации не слезает. Да я ведь

и не фронтовой разведчик, который постоянно оперативную информацию должен передавать.

А потом вы забыли о Файнштейне...

А.Ш. Я не забыл. Я просто не знаю. Кто это?

А.П. Человек, которому Яд ва-Шем не хочет уделить внимание. Я два раза бывал там и говорил об этом, но мне не верят. Я говорил, что надо поднять материал, покопаться в архивах. Дураков не переделаешь. Чиновник есть чиновник.

Этот человек Макс фон Штейн. На самом деле он не «фон», а Максим Файнштейн. Неизвестно, когда и где он родился, как попал в плен. Это удивительный человек. Он был крупным инженером, может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, ответственным за эксплуатацию самолетов в 8-й воздушной армии под Сталинградом, возможно, был заместителем командующего.

По официальной легенде, он осенью 42-го перелетел к немцам вместе со своим летчиком. Оказавшись у немцев, он сумел доказать свое немецкое происхождение: Он не Файнштейн, а фон Штейн. Семья расстреляна большевиками в 18-м году, а еврей-портной спас его, оттуда и фамилия Файнштейн. Не могу утверждать, но операция, наверно, была задумана раньше, ибо нашлись в Германии люди, подтвердившие его немецко-балтийское происхождение.

Он был направлен на филиал завода Мессершмитта во Флоссенбург руководителем одного из отделов. Он два с половиной года ходил по ниточке тоньше моей. И немцы его награждали. А на фронте за его награды расплачивались жутко. Рекламации к нам приходили все время.

Вместе с ним в группе работал Фриц Зельбман, который в 50-е годы был зам. премьер-министра ГДР. Зельбман сотрудничал с советской разведкой с 30-х годов, был заключенным во Флоссенбурге и тоже работал в одном из отделов у Мессершмитта. Так вот, Файнштейн руководил группой, которая занималась тем, что «усовершенствовала» шасси и, так называемые, конечные шпангоуты. Они придумали, как выводить из строя алюминиевые заклепки, которые окунают в глауберову соль в расплавленном виде при температуре 520 градусов. Если их передержать долю секунды, то они теряли свой необходимый запас прочности, становились хрупкими. Это приводило к тому, что самолет 8-10 раз поднимался в воздух, а на 11 раз не выдерживал. Я знаю, что благодаря Макс, примерно каждый четвертый самолет, выходящий из Флоссенбурга, не был в порядке. Макс был удивительно смелый человек. Вот только один пример, чему я был свидетель. Во Флоссенбурге было две рабочих команды: штайнбрух — каменоломня и самая большая команда 2004 — работала на заводе.

Начальником ее был 2-х метровый верзила, бывший профессиональный боксер Келлер. Развлекался тем, что ладонью ударит: человек с переломанной челюстью валяется. Ваш покорный слуга один раз сделал ему замечание. Он, конечно, щелкнул каблуками: «Яволь — так точно». Я ему полушутя сказал, что здесь нужны рабочие руки, а не больные. Перед этим мы с ним как-то говорили, и он знал, что я боксом занимался в прошлом. Он сказал, что тренироваться надо. А уважаемый Макс Файнштейн меньше меня боялся. Когда ему доложили, что такой-то, большой специалист по алюминиевым заклепкам, я вам о них говорил, избит Келлером и попал в лазарет, то Макс заявил Келлеру: «Если избитый еще неделю пролежит в лазарете, то ты следующую неделю будешь командовать взводом на восточном фронте. Это я тебе обеспечу. Хотя тебе штабфельдфебель не положен взвод, но я добьюсь, чтоб тебе его дали» А командир взвода, как вы знаете, самая смертельная должность на фронте. Келлер после этого присмирел.

А.Ш. Вы с Максом знали друг о друге?

А.П. Я о нем знал, а он обо мне нет. Мне надо было прикрывать его. При заводах было отделение гестапо. И был гестаповец, который начал нащупывать кое-что о Максе. А у меня с гестапо сложились особые отношения. Я ведал кадрами, а гестапо меня обслуживало. Информировало о неблагонадежных, рекомендовало, кого отстранить или не допускать к той или иной операции на производстве. Словом, работали в тесном контакте. Но они меня немного побаивались после того, как ко мне, гауптштурмфюреру, несколько раз приезжал мой кузен Вилли и мой бывший сослуживец Рудольф Лозевиц — начальник штаба батальона, как и я раненый во Франции, но перешедший затем в РСХА — Главное

управление имперской безопасности. Он к этому времени стал группенфюрером СС. В гестапо знали, что я с ним на «ты» и, конечно, относились ко мне с почтением. Итак, мне стало известно, что под Макса копают. Значит, мне надо сделать все, чтобы этого гестаповца вывести из игры. Помог случай. Прибыла группа женщин, не заключенных, а на работу из Франции. Когда прибывает новый контингент рабочих, то в этой группе гестапо уже имеет своих людей. Одним из таких агентов была очень красивая женщина, которая приглянулась этому гестаповцу. Я узнал и начал действовать по-своему. Для начала я выяснил все о ней. Оказалось, что у нее бабка еврейка. Созрел план: застукать его на этой француженке и стереть в порошок. Связь немецкого офицера, тем более гестаповца с иностранной рабочей, тем более, у которой есть еврейские корни — это конец карьеры. Через третьих лиц ее вызвали и сказали, что этого парня надо уложить в постель, а то, как еврейка, пойдешь в лагерь. Она понимала, чем это грозит. Словом, в один момент, когда этот тип и она «страстью пылая...», их застукали. Тотчас же я, «благородный товарищ», докладываю начальству, что мало того, что он с иностранкой, так у той еще и еврейская кровь. И ретивый «честный» гестаповец, только из-за того, что ему девка понравилась, загремел в штрафбат. Хуже с француженкой. Могли ее «обласкать», составить акт о безделье и отправить во Францию, учесть ее сотрудничество, но отправили в лагерь. Раз гестапо за это взялось — все. Вот вам, кстати, еще раз о благородстве и романтике разведки. Исключается романтика. Грязь и подлость. Честный человек в разведке не работает. А не воспользоваться таким случаем, я не мог.

А.Ш. Вы так оцениваете любого разведчика и себя тоже — мерзавец, подлец?

А.П. Неужели я вам мало рассказал.

А.Ш. Вернемся к Файнштейну. Вы первый хранитель этой тайны, первый, кто это рассказывает всю эту историю о Максе?

А.П. Да нет. Зельбман знал о Файнштейне. В Бауцене памятник ему поставлен. Своими глазами после войны видел. Когда я вернулся домой, я рапорта писал. Товарищи из ВВС приходили ко мне, записывали, к большому авиационному начальству вызывали...

А.Ш. Ну и?

А.П. Я так понял, что не захотели они лишнего еврея героем иметь...

А.Ш. Какова его судьба?

А.П. Страшная и нелепая смерть. Он дожил до победы. В июне-июле 1945-го года он с группой бывших пленнх, среди них был генерал-майор танковых войск П.П. Павлов, попавший в плен под Днепропетровском, прибыл в Бауцен, где был лагерь офицеров-репатриантов. Он, в отличие от них, не считался бывшим пленным. Это говорит о том, что он будучи у немцев выполнял задание. Был он в форме подполковника или полковника. Звание его я не помню. Весть о его появлении разнеслась по лагерю. Это было в месте расположения 2 батальона офицеров-репатриантов. Толпа на него набросилась и забила до смерти. Сопровождавшие его офицеры ничего не смогли сделать.

А.Ш. За что на него набросились? За что убили?

А.П. Пленные в лагере его ненавидели. Он был чрезвычайно строг. За малейшую провинность по его представлению людей наказывали. Ведь он не мог афишировать, что он проводит диверсионную работу. Об этом знало только несколько человек. А его жестокость по отношению к пленным обеспечивала ему безопасность и своеобразное алиби. Помните, я сказал «издержки производства», когда вы меня спрашивали об истории с женщиной, которую по моему приказу выпорол, у Файнштейна таких случаев было очень много. Но как сравнить сотню выпоротых с сотней, а их было больше, испорченных самолетов. Вот он и поплатился жизнью потому, что был слишком совестливым и, я подозреваю, пришел просить прощение, но даже не успел слово вымолвить.

Глава 6

Флоссенбург — «это вам не курорт».

Охрана: что же вы, братья-славяне?

Чистота — залог здоровья.
Зеленые и красные.
«Блютикер Алоиз».
Спать в конюшне — это тоже предавать родину.
Еврейская песня.
Немного о Бухенвальде.
Датчане.
Северное море в лагере.
Гете и виселица.

А.Ш. Александр Петрович, что представлял собой Флоссенбург?

Справка.
Флоссенбург — концентрационный лагерь в Баварии, неподалеку от Дрездена, близ границы с Чехословакией. Был создан в мае 1938 г. Имел более 100 филиалов и внешних рабочих команд. Флоссенбург предназначался для политических заключенных, позже стал штрафным лагерем для военнопленных, переведенных в статус заключенных. Через Флоссенбург прошло около 100 тысяч заключенных. Погибло более 30 тысяч человек.

А.П. Штрафной лагерь. Этим все сказано, режим очень жесткий.
Вижу лагерь прямо перед глазами. Так, по горе идет первый ряд бараков, 7 или 8, могу нарисовать, но точное число не помню. Вот так ворота — брама назывались, входим, тут конюшня за проволокой, потом начинаются еще второй и третий ряд бараков. Внизу кухня, направо лагерная тюрьма, дальше два транспортных барака. Всего, по моему, бараков 15, не больше. Да, ревер — больница лагерная. Там работали врачи из числа заключенных.

Справка.
Лагерь состоит из 16 низких деревянных бараков, зданий, где размещались кухня, прачечная, дезинфекционный блок, мастерских, лагерной тюрьмы, крематория и центрального плаца. Он окружен высокой оградой из колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток и нескольких сторожевых вышек.
Konzentrationslager Flossenbürg in Geschichte und Gegenwart. Unter Mitarbeit von Benedicte Omont. Regensburg 1989. S. 11-17

Начальник лагеря — ему подчинялся комендант. В распоряжении коменданта военная охрана — две роты, батальон эсэсовцев из дивизии «Мертвая голова», в зависимости от количества заключенных в лагере, в конце 41-го начале 42-го появились украинские охранники, в основном галичане, но были и русские. С 43-го до конца войны рота эсэсовцев немцев и батальон братьев славян — украинцев. Охрана несет обычную караульную службу, как всякая немецкая караульная часть. Летом, осенью, весной смена часовых каждые два часа. Зимой на вышках смена, каждые 40 минут, часовым выдается теплая шуба. Когда на вышках меняется караул, по вышкам идет крик с русским акцентом, потому что с 42-43-го года в охране уже были в основном украинцы: «Постен кеттен гешлоссен — цепь часовых замкнута».

Во Флоссенбурге можно было любоваться такой сценой. Вышка, никого из немцев поблизости нет, на вышке наш русак стоит, а внизу заключенный и обмениваются информацией. Или кричит ему: «Что же вы, братья-славяне? Даже так бывало. В 44-м, правда, охраннику уже кричали снизу: «Подожди, блядь, скоро на моем месте очутишься». Между вышками время от времени, по-моему, каждые полтора-два часа проходит собаковод с собакой. Вышка от вышки 50 метров. Через две вышки пулемет, а в Бухенвальде на каждой вышке.

В комендатуре лагеря есть канцелярия. Там начальник производственной части, которому подчинены командфюреры каждой рабочей команды. Цех такой-то — команда такая, начальник команды обершарфюрер такой-то. У него в распоряжении капо — старший бригады, а у них фюрерарбайтер — старший по работе.

Среди заключенных лагерное самоуправление: старшина лагеря. Он в привилегированном положении, ему подчиняются блоковые-блокэльтестер, который подчиняется эсэсовцу — блокфюреру.

В распоряжении блокового два штубендиста — старших по комнате, так как блок во Флоссенбюрге состоял из двух половин: в одной находится сам блоковой и гигиенварт-санитар, который проверял чистоту барачков, прививки и как заправлены кровати.

А.Ш. А что, в лагере были кровати?

А.П. А как же! Ведь это Германия. Нары были в Освенциме, транзитных лагерях и транспортных блоках. А у нас во Флоссенбюрге, Бухенвальде, в лагерях для военнопленных в Германии кровати. Трехъярусные, но кровати. Причем, заключенным белье меняли регулярно. Эти кровати во Флоссенбюрге надо было заправлять особым квадратом. Одежду заправлять под острым углом. Заключенные не успевали, не всегда получалось. За незатянутый ровно квадратом матрац можно было за милую душу 25 ударов по заднице схлопотать. Поэтому люди предпочитали спать на полу, нежели на кровати и мять этот матрац.

Выдавалось два одеяла, простыня, наволочка, белье менялось. Вы извините, но за чистотой немцы смотрели. Ты мог подохнуть с голоду, но чтоб вшей и блох не было, клопы не кусали. Конечно, это не забота о заключенных: немцы были заинтересованы, чтобы не вызвать эпидемию в самой Германии. Парикмахеры тоже были. Но если военнопленных стригли просто наголо или очень коротко, то в концлагерях простригали дорожку на голове — «гитлерштрассе», так называли ее лагерники.

Блокэльтестер и штубендисты были, как правило, педерастами. Каждый из них имел 16-17-летнего паренька-любовника либо русского, либо поляка. И это несмотря на то, что во Флоссенбюрге был публичный дом, куда они тоже ходили для отвода глаз. Никакой доходяга туда не ходил. Все эти блоковые штубендисты и капо были в основном уголовники, так называемые «зеленые». Все они носили зеленый треугольник-винкель — знак уголовника. Сидели все в лагерях с 34–35 годов. Гитлер быстро покончил в Германии с уголовным миром. Но они надолго стали хозяевами в лагерях.

Были, правда, исключения. Так одним из самых страшных капо Аушвица был «блютликер Алоиз» — «Кровавый Алоиз». Алоиз Зигельман, не из уголовников. Он был одним из руководителей комсомола Германии, по-моему, 2-й секретарь ЦК, посаженный в 34-м году. Когда в 43-м году начали эвакуировать польские лагеря, он попал к нам во Флоссенбюрг. К этому времени уголовники поутихли, многих просто поубивали и стали заправлять в лагере люди с красными винкелями — политические. Практически к этому времени все лагеря перешли в руки «красных винкелей». Немцы поняли, что на уголовников ставить нельзя, когда от внутрилагерного террора перешли к использованию заключенных на военном производстве. Поэтому стало легче, и стали больше скрывать евреев, так как шрайштубе-писарская была уже в руках красного лагерного самоуправления.

Так вот, «блютликер Алоиз» со своей свитой, с любовником и со своим телохранителем прибыли во Флоссенбюрг с транспортом из Аушвица. Он не сообразил, что в лагере уже не тот порядок и первым делом набил кому-то морду, и сказал: «Я «блютликер Алоиз», что, к вам слава не дошла?» Но после того, как наступил мертвый час, он был крайне удивлен, что его с кровати подняли, вытащили в прихожую барака и объяснили, что к чему. Даже знакомых коммунистов нашли, и те сказали: «Мы тебя убьем, дорогой ты наш товарищ, давно о тебе слышали. Вот ты к нам сюда и попал, голубчик». И как в стихотворении Демьяна Бедного: «Доспехи с сеньора стащили и вместе с клопом раздавили». Убили его в конце 43-го года.

А.Ш. Что-нибудь еще особенное о лагерной жизни можете припомнить?

А.П. Самое главное, что лагерь Флоссенбюрг, был создан как режимный лагерь. Не случайно там и Канариса придушили. Причем, работа первые несколько лет была только на каменоломнях.

Справка.

Канарис Вильгельм (1887–1945) — адмирал, 1935–1944 гг. — начальник Абвера — Управления военной разведки и контрразведки. Выступал против жестокого обращения

с советскими военнопленными. Участник заговора против Гитлера. Повешен в апреле 1945 г. во Флоссенбюрге.

Заместитель начальника лагеря был гауптштурмфюрер Фриче по прозвищу «Штольбхен». Это прозвище ему дали за то, что когда он приходил в барак и проверял носовым платком чистоту, и находил пыль — штаубштольхен, то приказывал через одного пороть весь барак. Он был хороший боевой офицер, попал в лагерь после того как его на фронте покалечило: был ранен в обе ноги, ходил хромя. Так вот он встречал новоприбывших такими словами: «Вы прибыли не на курорт. Здесь есть мертвые или здоровые. Здесь больных нет. Все, расходитесь по баракам!».

А.Ш. Ничего себе фронтовик! Откуда такая ненависть жестокость? Он же не из «Мертвой головы» Эйке, которая была специально создана для охраны лагерей.

А.П. Арон, часть немцев искренне ненавидела остальных потому, что величие национал-социалистической системы, без преувеличения, в том, что, по крайней мере, 30–40 % немцев были уверены в том, что еврей, славянин и равные им — не люди. И Фриче из тех, кто искренне уверовал в это. А раз так, то его интересует только польза Рейха. Во Флоссенбюрге, так и в других лагерях, господствовал именно этот принцип. Причем, вполне объяснимый. Например, ты болен, даже двигаться не можешь. Однако на апельплац, на построение, тебя вынесли на руках: в бараке не должен оставаться ни один заключенный. 1,5–2 часа продолжается эта процедура, а ты лежишь на снегу, у тебя воспаление легких... Стоит тебя после этого тащить обратно в барак? Стоит в санчасть? Все равно сдохнешь.

А.Ш. Какие категории узников были в лагере?

А.П. Я называл уже, политические, уголовники. Было много русских, бывших военнопленных, переведенных в разряд узников концлагерей. Почти все, кто проходил через Хаммельбург или Нюрнберг — попадали во Флоссенбюрг. Например, первые пленяги, попавшие в плен в Лиепае, моряки, я их видел своими глазами. Сперва они были в Хаммельбурге — работали на кухне, затем их перевели в Нюрнберг. Потом, когда их захотели отправить на завод, они проявили патриотизм, то есть на кухне работать будем, а на противника — нет. Их всех отправили во Флоссенбюрг. Почти все, за исключением двух-трех человек, там бедные и остались. Вообще из первых пленяг мало кто уцелел.

Почему, например, господ русских офицеров долго не держали в одном лагере? Потому, что пакостить немцам начинали. Их переводили из категории военнопленных в категорию политических преступников. Могли за что угодно: за длинный язык, за агитацию против РОА (Русская освободительная армия- А.Ш.), за побеги, за саботаж... Но как это подавалось: ты враг на территории Германии, но мы тебя в лагерь не для уничтожения поместили. Ты государственный шуцхейтлинг — превентивно заключенный. Посадили тебя временно, до окончания войны, а там разберемся. От вас государство надо защитить, поэтому вас и посадили в лагерь.

Обыкновенных русских офицеров переводили из Бухенвальда во Флоссенбюрг, оттуда в Кравинкель, Вайден, в Маутхаузен...

А.Ш. Кто-нибудь еще из числа военнопленных занимал какие-нибудь должности в лагере?

А.П. Понимаете, не выдвигали советских ни на фюрерарбайтера-десятника, ни на капо. Это были немцы. Во Флоссенбюрге подбор капо был потрясающий. Все работники немецких ЦК компартии, либо ЦК комсомола. Правда, это когда «зеленых» сместили.

А.Ш. Александр Петрович, вы все время жили в лагере? Где? Каковы были ваши обязанности?

А.П. В основном, кроме командировок, а командировок было много, я там торчал. Там производство было налажено. У меня была 4-х комнатная квартира в офицерском поселке, в 3-х километрах от лагеря. Занимал я пост арбайтсдинстляйтера целого авиационного комбината. Это что-то вроде начальника отдела кадров управления и, как я уже говорил, ответственного за рабочую силу с востока.

Мы — совершенно инородное тело в лагере. Мы лагерному руководству не подчинялись. Мы были частью производственного отдела заводов Мессершмитта, основная база которого находилась в Регенсбурге.

Там был ниже меня по званию гауптштурмфюрер Мольтке — инженер с эсэсовскими погонами. В его распоряжении было 2 инженера и несколько техников. Мне часто приходилось бывать в Регенсбурге, во Флоссенбюрге было два моих подчиненных. Начальство в лагере несколько иронично смотрело на наши погоны, но два моих креста и боевые ранения говорили, что я на хозяйственной работе случайно, не по своей вине, а другие были чистые тыловики. Однажды, они умудрились часть специалистов направить не туда, куда надо было, и после этого последовали самые жесткие санкции со стороны небезызвестного вам оберстгруппенфюрера Вольфа, начальника штаба СС. Он распорядился отправить офицеров СС из лагеря на восточный фронт, не снижая звания, но, когда начальник лагеря загремел командиром батальона на восточный фронт, и еще в момент драки под Киевом, то у него вряд ли было хорошее настроение.

А.Ш. Чем еще занимался непосредственно ваш отдел?

А.П. Мы должны были, несмотря на то, что инженеры тоже носили эсэсовскую форму, не спускать с них глаз. Иметь своих людей среди заключенных, чтобы предотвратить какие бы то ни было акты саботажа. Потому что инженер, хоть и одетый в эсэсовскую форму, мог оказаться социал-демократом и противником режима. Мы должны были обеспечивать бесперебойную работу производства. Мы отбирали с этой целью рабочую силу: рабочих и специалистов.

А.Ш. И как проходил отбор рабочей силы?

А.П. Прибывал в какой-нибудь лагерь, а там абвер, в каждом лагере был представитель разведки, мог предупредить, что такой-то не вполне благонадежен. На авиазавод его брать не рекомендуют. Однако все на мое усмотрение. И порой брал именно таких, объясняя, что это нужный специалист.

А.Ш. Что вы предлагали тем, кого отбирали?

А.П. Ничего не предлагал. О чем я с ними буду разговаривать? Иванова, Петрова, Сидорова вызывали на вахту и все. Сажали на машину, ставили конвой, и они оказывались в Регенсбурге, или еще хуже — в гестапо для дополнительной проверки, ведь на авиазавод берут, а затем во Флоссенбюрге. Что я с ними беседовать буду? Что я вербую на стройки пятилетки? Я отбирал по спискам профессий, я многих вообще никогда не видел.

А.Ш. Где находились цеха по производству мессершмиттов?

А.П. Я говорил, что центр производства был в Регенсбурге, во Флоссенбюрге цеха были оборудованы прямо в каменоломнях. Почему Флоссенбюрг никогда не бомбили? Советские самолеты туда не долетали, а англичане об этом не знали. Почему мое руководство не сообщило англичанам, я не знаю, об этом надо спросить того, кто наверху сидел.

А придумали немцы хитро: колоссальные цеха на несколько тысяч человек в каменоломнях. Внизу на глубине 8-10 метров котлован и 10–15 больших барачков. Сверху у них были крыши, чтобы в любую погоду работать, сбоку прикрыли и все. Попробуй, различи сверху, что находится в карьере по добыче камня? А там сделали цеха по сборке, детали для мессеров изготавливали.

А.Ш. Но там должен был быть аэродром. Самолеты должны выкатываться, взлетать?

А.П. Выкатывались в разобранном виде: фюзеляж отдельно, крылья отдельно. Ночью грузили на автомашины или на поезд и гнали в Регенсбург, где проходила полная сборка. А Флоссенбюрг и остался для всех — лагерь с каменоломнями.

А.Ш. Что еще вам запомнилось во Флоссенбюрге?

А.П. Мерли люди страшно. За один месяц на моих глазах в августе 1943-го года, когда из каменоломней только-только начали переводить заключенных в цеха, там еще было мало рабочих, умерли сотни человек. Мне в глаза бросился земляк мой, грузин. Красавец, здоровый парень, а через полтора месяца я увидел этого человека... Каменоломни и лагерный паек... Он через некоторое время умер.

Когда я в 46-м году в отпуск вернулся в Грузию, я нашел семью этого парня. Я не сказал, что он от голода умер. Сказал, что камнями завалило.

Когда стали самолеты делать, паек значительно увеличили, да и человек меньше утомлялся, когда он заклепки вставлял. А каменоломня — камень, щебень, песок, солнце и капо с палкой.

Однако некоторые находили себе и в лагере «теплое» местечко. Была во Флоссенбюрге конюшня для господ офицеров, чтобы могли заниматься кавалерийской ездой. И я тоже

наслаждался лошадами. А управлял конюшней советский подполковник-кавалерист, попавший в концлагерь. Он был на «привилегированном положении»: воровал картошку и овес у бедных лошадей, сам ел и приносил в барак, людям помогал. Но после освобождения, бедняге вкатили 10 лет, как пособнику. Потому, что в глазах голодного сытый всегда виноват. Кто-то сказал, что, когда другие подыхали с голоду, он имел свободный выход в рабочую зону, спал со своими лошадами на конюшне, кушал и пил. А «прислужник немцев» в концлагерь не за красивые глаза попал, а переведен был за побег. Помню еще один случай, сбежали как-то два немца из лагеря. Их поймали. Три вечера перед проверкой они ходили перед строем и кричали: «Ура, их бин видер до — Ура, я снова здесь». На третий вечер их повесили.

Бокс запомнился. Каждый блоковой кормил одного-двух боксеров. На работу они не ходили — тренировались, правда, немецкий офицер не знал об этом. Почти каждое воскресенье устраивали соревнования этих боксеров. Приходила охрана, офицеры. Болели за того или иного.

Как-то раз, в июле или августе 1942-го или 43-го года была доставлена в лагерь и казнена группа польских офицеров, работавших на каком-то оборонном заводе. Привезли и — шагом марш в крематорий. Газовых камер не было, но был хороший подвал в крематории, где на специальных станках стояли пулеметы.

А.Ш. А кому поручали расстреливать?

А.П. Обыкновенного солдата-эсэсовца могли взять и поставить за пулемет.

Так вот, десятки раз видел, как люди шли на смерть. А тут поляки мужественно к месту казни, в крематорий, шли строевым шагом.

Черт его знает, то ли в концлагеря попадали, как правило, крепкие люди из лагерей военнопленных за неподчинение, саботажники, то ли то, что наступает в определенный момент до некоторой степени психология. Вы знаете, когда следователь допрашивает и применяет к вам форсированные методы допроса, у человека появляется жуткое ослабление, которое помогает ему держаться. И одновременно желание навредить хоть чем-то. Он не герой, но это последнее, чем он может напакостить своему врагу. Это не случайно я вам говорю.

Поляки так шли, что один из эсэсовских офицеров, видевший эту картину, сказал, обращаясь к одному из польских офицеров: «Я вам завидую, и желал бы умереть так же достойно, как и вы». Понимаете, что происходит? Это уважение к противнику. И поляк ответил ему по-немецки: «Это единственное, что нам осталось в жизни».

Я видел людей, которые с радостью шли в крематорий, вот почему я ненавижу служителей культа. Это были немецкие баптисты, которые отказались служить в армии, и их за это в концлагерь, и — крематорий, чтоб другим неповадно было. Они шли достойно, шли, вот искренне верующие люди — с восторгом, Это не было наигранно, это было видно, они шли на встречу со своим богом.

А еще запомнилась песня. Если вы часто бываете в лагере, рано или поздно услышите какую-нибудь лагерную песню. Евреев во Флоссенбюрге почти не было, но периодически появлялись отдельные группы. Их либо в каменоломню, немногих отправляли на завод, либо расстреливали. Русские заключенные знали эту песню от евреев. Если бы ее у вас в Яд ва-Шем исполняли... Но, по-моему, ваших товарищей ничего не интересует. Так вот эта песня. (Поет на немецком, а потом делает построчный перевод на русский):

«Я ничего не имею на этом свете.
Я иду от страны к стране
И остаюсь там, где меня пригревают.
Я не могу быть счастливым.
Тепло солнца меня не касается.
Почему, почему я такой несчастный.
Я не имею родины.
Я ничего не имею на этом свете.
Я иду от страны к стране
И если мне покажется,

Что я могу быть здесь счастлив,
Я опять должен уходить.
Я не имею родины.

А.Ш. Вам приходилось наблюдать взаимоотношения между заключенными. Что-то характерное бросалось в глаза?

А.П. Жуткие условия Флоссенбюрга доводили человека почти до животного состояния. Люди буквально жрали друг друга.

Во Флоссенбюрге, как и в других лагерях, пороли и вешали сами заключенные. Был профессиональный палач-немец, которого самого повесили потому, что он отказался вешать двух советских летчиков. Это был уже 44-й год и люди стали думать. Однако нашлись двое других добровольцев, которые исполнили это. Они знали, что их перед этим хорошо накормят на эсэсовской кухне. Но когда в 6 часов вечера на аппельплацу они исполнили это «благородное» дело — повесили двух летчиков, то в 10 часов, когда все заключенные были заперты в барак, они были уже покойниками. Почему они пошли на это, не знаю. Хотели поесть? Но это осень 44-го года, каменоломней в это время уже не было и голод, конечно, был, но не такой, как 42-м, или 43-м. Пути господни неисповедимы и души человеческие тоже.

Взаимной поддержки в лагере почти не было. Боевое содружество было в Бухенвальде, где люди были сравнительно сыты.

Справка.

Бухенвальд- концлагерь близ г. Веймар. Создан в июле 1937 г., освобожден американскими войсками 12 апреля 1945 г. Через лагерь прошло 240 тысяч узников из 33 стран. 56 тысяч из них (18 стран) погибло

Бухенвальд. Документы и сообщения, пер. с нем. М., 1962.

В Бухенвальде с осени 42-го года жили лучше, чем во многих других лагерях. Кто вам скажет, что это не курорт, по сравнению с Маутхаузенем, Заксенхаузенем, не верьте. Штрафной Флоссенбург тоже был хуже Бухенвальда.

Справка

Маутхаузен — концлагерь рядом с г. Маутхаузен в Австрии. Создан 8 августа 1938 г., освобожден в мае 1945 г. Через лагерь прошло около 335 тысяч узников из 15 стран. Погибло 110 тысяч человек.

Заксенхаузен — концлагерь близ Берлина. Создан в июле 1936 г., освобожден советскими и польскими войсками 22 апреля 1945 г. Узниками лагеря были 200 тысяч человек. Из них погибло более 100 тысяч.

Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 1985, с. 277, 436

С 43-го года от голода в Бухенвальде никто не умирал, только для евреев были особо жесткие условия. Все рабочие команды находились в руках лагерного самоуправления, а это уже был сложившийся к этому времени международный подпольный комитет. Лагерная администрация не вмешивалась во внутреннюю жизнь лагеря. Немцев интересовал только порядок. Например, записано 2550 человек в команде, пускай 2549 мертвые, а 50-й живой, главное, чтобы налицо были все: мертвые и живые.

А.Ш. Вам приходилось бывать в Бухенвальде?

А.П. Да, несколько раз, по-моему, летом или осенью 1944-го, когда союзники разбомбили военные заводы Густлоф-верке. После этого там образовался избыток рабочей силы.

Комментарий 11.

Налет англо-американских бомбардировщиков был совершен 24 августа 1944 г.

Бухенвальд. Документы и сообщения. Пер. с нем. Изд. Иностранной литературы. М., 1962., с. 675.

Бомбежка была во время обеденного перерыва, когда все заключенные лагеря, все несколько десятков тысяч человек, находились внутри лагеря. Удар пришелся по заводам, по эсэсовским казармам. Эсэсовцы понесли большие потери. После этого я был командирован туда, чтобы забрать лишних людей, которые камни таскают. Немцы народ умный: если человек может гайки закручивать для Германии, это же лучше, чем камни таскать.

Я прибыл отобрать квалифицированную рабочую силу, различное оборудование с поврежденных предприятий.

Когда я приехал туда, один из знакомых эсэсовских офицеров спросил: «Господин гауптштурмфюрер, хотите датских полицейских увидеть?» «Зачем здесь датские полицейские? Лагерь охранять?» — спрашиваю. Оказывается, им в Дании предложили поступить в СС, а они отказались, вот их и интернировали. Подходим к двум блокам, не помню номера, вижу 2-метровых верзил в форме датской полиции, они еще не работали. Несколько месяцев их так подержали, потом в форму полосатую все-таки нарядили. Однако у них большие льготы оставались. Они получали много посылок и делились и с охраной немецкой, и с заключенными. Но так было не долго. Немцы посылки запретили и на лагерных харчах датчане быстро сдали, стали болеть и около сотни из них погибли.

Комментарий 12.

Первая группа датских полицейских прибыла в Бухенвальд 30 сентября 1944 г. К концу октября их было уже 1700 человек. За четыре месяца пребывания в Бухенвальде умерло около 60 человек.

Бухенвальд. Документы и сообщения. Пер. с нем. Изд. Иностранной литературы. М., 1962., с.166, 675.

За бараками с датчанами, заметил я еще два блока, но отделенных колючей проволокой и немецкую охрану. «А это что такое?». А офицер мне мимоходом бросил: «Это санитарные блоки. Я не знаю, чем там занимаются». Действительно, не все немцы знали, что там происходило.

Наступил 45-й год. Победа. Я к этому времени уже отсидел в американском лагере для военнопленных, уже официально товарищ Гоглидзе работает в миссии по репатриации в Париже. И прибывают к нам из Тюрингии в Париж двое: Николай Кюнг и Симаков. Начинают отчет писать, что и как с ними было. Встретившись с ними, я у них спрашиваю: «Братцы, вы Бухенвальд хорошо знаете?»

Смеются: «Конечно, товарищ полковник».

— А о санитарных блоках слышали?

— Все напишем, обязательно, чтобы все знали, что это такое, как гибли наши люди.

Справка.

Кюнг Николай. Родился 9.08.17 г. в Вязьме. Прибыл в Бухенвальд из гестапо Франкфурта на-Майне 17.09.1943. Персональная карточка N 20955. Картотека Бухенвальда.

Архив Яд ва-Шем. М.8/Bu (Ind)-283(A)

Николай Симаков — 1941–1945 гг. — узник Бухенвальда. Руководитель подпольной военно-политической организации Бухенвальда.

Из их рассказа мы узнали, что немцы среди пленных отбирали нескольких летчиков, месяца два их готовили: кормили, поили — доводили до нормального физического состояния. Потом, одев в военную форму немецких летчиков, надев на них надувные спасательные жилеты, помещали в бассейн с водой, температура которой соответствовала температуре Северного моря. Немецкие доктора наблюдали: сколько часов человек в надувном жилете, с пайком, сможет продержаться. То есть их интересовало: если получен радиосигнал, что сбит, допустим, Ю-88, следует послать помощь или не следует, если прошло 3–4 часа с момента подачи сигнала. Оказалось, что больше двух часов в ледяной воде Северного моря человек в специальном костюме и пайком не выдерживал. О других опытах тоже

рассказали. Например, об операциях без наркоза. Определяли болевой порог. Но об этом вы и прочесть можете. Я сам этого не видел, знаю только по рассказам Кюнга и Симакова. Кстати, история с Симаковым. В 51-м году на две недели приехал в Москву. Там меня уже папа, мама, жена ждут, для встречи специально приехали. Обнялись, поцеловались и попрощались. Опять надо ехать. Перед самым отъездом звонят в наш отдел из следственного второго отдела, с пятого этажа. А наш отдел к этому времени уже назывался 1-ое Главное управление, а не иностранный отдел. К нам всегда относились очень уважительно: знали, что если нас обидят, может быть очень плохо и лишних вопросов нам не задавали. А тут меня просят зайти. В чем дело? Захожу в комнату, сидят несколько офицеров.

«Товарищ полковник, вы нас извините...». А у нас редко называют по званию, если я захочу вас вызвать к себе, я узнаю ваше имя и отчество. Даже генералы сразу обрывали, когда начинали с «вашего превосходительства». «...вы Симакова знаете? «Знал», — отвечаю. «Понимаете, следственными органами получены некоторые сведения». Я говорю: «Ребята, со мной вам петлять нечего. Что, цапнули?». «Да», — говорят. В Кемеровской области. Он на вас ссылается. В чем дело?» Я отвечаю: «Кто там начальник областного управления?» «Полковник Баландин», — отвечают. «Так вот, передайте от моего имени, что я до Лаврентия Палыча дойду. Вместо того, чтобы шпионов ловить, он ловит человека, которого награждать надо. Кстати, он чем-нибудь награжден?» «Да, — говорят, — «Красной звездой». «Совести нет» — говорю.

Видно мой разговор подействовал, потом я узнал, что его через два-три месяца освободили. Но несколько месяцев ему задавали вопросы: «Расскажите о вашей антисоветской деятельности» и так далее.

А.Ш. В Бухенвальде вы видели советских военнопленных?

А.П. Нет, я не лез в эти дела, чтобы не замараться. Немец, он не будет интересоваться тем, что ему не нужно. Из-за слишком большого любопытства серьезные люди попадают в глупое положение.

А.Ш. Какие самые страшные часы в немецких концлагерях?

А.П. Утренняя, вечерняя проверка, раздача пищи. В таких лагерях, где порядка нет, мертвого под руки тащат с собой, чтобы получить лишнюю пайку.

Комментарий 13.

Бывший французский военнопленный Филипп де Пуа рассказывает, что в лагере Рава-Русская «во время распределения супа двое русских, стоявших в очереди перед кухней, держали между собой покойника, надвинув ему шапку на глаза. Один из них держал две чашки, свою и покойника, чтобы таким образом получить лишнюю порцию супа, которую эти двое разделят между собой».

Б. Двинов. Власовское движение в свете документов. Нью Йорк. 1950, с. 27–28.

Возьмем лагерь с установленным порядком. Бухенвальд, к примеру. Вы получили хлеб и кофе, но в напряженном ожидании. Потому что сейчас, лагерь радиофицирован, раздастся голос: «Номер такой-то к щиту такому-то». Каждый человек знал, что это означает: 5-й щит — лишний допрос, 6-й — перевод в другую бригаду, а 3-й щит в Бухенвальде — это на тот свет. Вызвали меня к 3-ему, я отдаю свою пайку вам: мне она не понадобится. И вот за все время существования Бухенвальда, всего было два случая, когда человек, который шел на смерть, оказал сопротивление. Один, черноморский матрос, захваченный в Севастополе... Погодите, сейчас фамилию постараюсь вспомнить...

Знаете, такие провалы памяти у нас, разведчиков, называются — обрыв ленты памяти. Нет, фамилию не помню, а имя...

Он взял нож, Виктор-морьяк, это я от Кюнга узнал в Париже. Так вот, Виктор успел ранить трех эсэсовцев. Потом еще один случай, тоже наш пленный. Крепкий был, уложил кулаком эсэсовца, вырвал у него пистолет и успел пристрелить кого-то, прежде чем его пришлили.

В Бухенвальде были установлены машины для порки. Несколько тысяч работающих заключенных, к вечеру набирается много проштрафившихся. Исполняли наказания и сами заключенные: секли друг друга, а то и вешали за две сигареты.

А вот это я видел во время одного посещения своими глазами. На плацу стоял один на возвышении, подобие трибуны, в шутовском колпаке, настоящем шутовском колпаке и халате. На груди доска, на 3-х или 4-х языках написано: «завтра я буду повешен!». Бухенвальд — это буковый лес, тот самый лес, где Гете любил отдыхать. В центре Бухенвальда рядом со складом вещевым и кухней, справа от крематория, 300-летний бук стоял. Причем, немцы, идиоты, оставили на нем мемориальную доску, что там любил сидеть великий поэт и писать свои вирши, как говорится. Когда в 44-м бомбили, бомба попала прямо туда и сожгла дерево. Единственная бомба, попавшая на территорию лагеря. А в 20 метрах стоит стандартная виселица. Разве может быть такое! Когда американцы туда ворвались и спасли восставший лагерь, то первое, когда им показали полусожженное дерево, они фотографировали его на фоне виселицы. Вот вам немецкая культура: Гете и виселица.

Комментарий 14

Бывший узник Бухенвальда Альперин Э.Г. рассказывает: «Так называемый гетевский дуб. (Альперин ошибочно называет бук — дубом. — А.Ш.). Было предание, что если погибнет дуб не своей смертью, то погибнет и немецкое государство. 24 августа 1944 г. был совершен налет на Бухенвальд, дуб загорелся... И слова оказались пророческими, нам известна судьба немецкого фашистского государства». Архив Яд ва-Шем. 03/723. Э.Г.Альперин. Запись беседы.

Глава 7

Командировки.
Путешествие в Воронеж.
«Осколочным, заряжай!».
Лагеря военнопленных.
Генералы и другие.
История с «историками».
Из коммунистов в эсэсовцы.

А.Ш. Вам приходилось бывать на восточном фронте?

А.П. Не на фронте, а около фронта и в других местах в немецком тылу. Особенно запомнилось воронежское «сидение». Места от Воронежа до Курска — Семеновка-1, Семеновка-2, станция Ржавчик, Мансурово я знаю, как свои пять пальцев.

А.Ш. А почему именно эти места?

А.П. В июле 42-го немцы ворвались на окраину Воронежа. А в городе находились авиазаводы. Там штурмовики ИЛ-2 делали. Меня заранее послали туда, что бы я кого нужно и что нужно цапнул. Но Воронеж немцы так и не взяли. А я все «надеялся». Делать мне было абсолютно не хрена. И болтался я по немецким тылам, как экскурсант: туда-сюда. Разъезжал по офицерским кантинам, были там и эсэсовские части, перезнакомился со многими. Офицеры смеялись надо мной: «прислали человека на курорт». Причем они были озлоблены: не были уверены, что Воронеж возьмут. «Вдруг будешь здесь, гауптштурмфюрер, до конца войны спокойно отдыхать, или пока нас не попрут отсюда».

Справка.

6 июля 1942 г. немецкие войска захватили правобережную часть Воронежа. 24 января 1943 г. Воронеж полностью был освобожден Красной Армией.

А.Ш. А что? Действительно отдыхали спокойно? Партизаны не беспокоили?

А.П. (Смеется). О партизанах мы уже с вами говорили. Не было никаких воронежских партизан.

А.Ш. Итак, вы путешествуете по воронежским весям, видите местное население. Как оно относится к немцам?

А.П. То, что не все колхозы любили, мы знаем. Немцы в 42-м году тоже поумнели и знали, что вешать русских заложников за то, что нашли у крестьянина ремень немецкого солдата, не надо. Крестьяне сами приведут кого надо, как Зюечку. Кроме всего, большую часть населения мы успели перегнать на восток. У немцев осталась меньшая часть. Те, что остались, ждали, чем все закончится, но больше верили немцам. Это ж лето 42-го, они к Сталинграду прут.

Лучше расскажу другую историю. Катались мы, катались с несколькими офицерами около реки Оскол. Машина была у нас трофейная чешская «Шкода», похожая на цистерну или корыто. Ведущий мост только задний, а проходимость лучше, чем у «виллиса». Кстати, после войны в американской зоне как развлекались? Американцы имели привычку, уходя из казармы, оставлять за собой горы консервных банок высотой с трехэтажный дом. Попадая к американцам, мы развлекались, англичане этого не делали, они сволочи, а американцы веселый народ: брали «виллис» и кто на нем влезет на эту гору вверх. Я выигрывал в этих «соревнованиях» потому, что брал не «виллис», а эту дважды трофейную чешскую херовину: она влезала, а «виллис» нет.

Так вот, едем мы на таком корыте, и оказалось, что заехали, фронт был прерывистый, где дырка, а где нет, не куда-нибудь, а прямо к русским. Успели вылезти, спрятались в кусты. Видим мост, умирать буду, вспомню, а на нем советский заградотряд. Значит, мы на 10–15 километров в тыл к русским врезались. А мы в кустах — 4 товарища: шофер, два вермахтовца и один эсэсовец, которые клянут свое любопытство: на хер потащились к фронту. Зачем? Они по делу ехали, просто ошиблись. А меня, зачем туда потянуло? Сидим в кустах и дрожим: вдруг отряд начнет прочесывать кусты. Чего нам ждать? Одного — пули.

А на этом мосту переправа через реку Оскол. Это лето 42-го, когда после прорыва на Юге и частичного попадания в окружение частей 28-й и 40 армий, некоторые подразделения пытаются уйти на другой берег. Смотрим, отходят через мост части. Тыловиков заградители пропускают, а всем остальным — ни шагу назад, идти занимать оборону. И вот вижу идет большое количество грузовиков, а в конце колонны десятка два или три танков. Эти грузовики к ядерной матери пропустили, а танкам — стоп. Вылезает из танка генерал. Все происходит в метрах 60-ти от нас, видим все, сидим и дрожим.

«Слушай, майор, — говорит генерал. У меня горючего нет. Еле-еле перелезем на ту сторону. Ты пропустил мои заправщики. Мы перейдем, встанем здесь, и будем ждать заправщики и боеприпасы. Я не боеспособен. Пропусти».

Майор ему сперва добром говорит. А потом спорить начинает. Люди с «чистыми руками» власть большую имели. Что ему генерал?

— Товарищ генерал, сдайте оружие!

Генерал махнул рукой: дай подумать. Что ему делать? Танки нужны, каждый важен. А тут почти три десятка. После войны очень хотелось узнать, кто это был... Генерал что-то говорит стоящему рядом с ним танкисту. Тот бегом к танку, что-то в башню сказал. Мы видим, как этот танк выезжает с дороги. По обочине рру-рру-рру — полным ходом, подошел и стал рядом с генералом. Генерал сел на лобовик. И мы уже слышим другой голос. Ближе же мы в кустах, дрожим с полными штанами.

— Майор ты нас пропустишь или не пропустишь?

— Товарищ генерал, сдайте оружие!

Я никогда не забуду, такой спокойный голос: «Башенный, осколочным заряжай!»

У-у-у — пушка надвигается на майора. Было клацанье затвора или нет, я не помню. Но вот эту опускающуюся пушку — и пусто. Нет заградотряда... Нету, разбежались, в 5 метрах от нас тоже в кустах прячутся. Мы дрожим, видим как танки проходят. Еще минут 40, все, кому нужно проходят, потом эти вылезли, подобрали свои пулеметы и тоже уходят назад.

А.Ш. А вы как?

А.П. Ничего. Только я дал себе слово, что экскурсии надо от фронта, а не к фронту делать. Пробыл там еще три недели. Правильно сказали «товарищи», что Воронеж до конца войны мы не возьмем. Я и отбыл снова в Германию.

А.Ш. А что-нибудь еще интересное за эти три недели с вами случилось?

А.П. Я вам уже рассказывал о майоре Ермаченко и его развалившемся полке. А вот встретился я с ним в лагере для военнопленных. Лагерь находился в каком-то селе. Под лагерь взяли большое здание школы. Набилось туда несколько тысяч человек. Немцы раненых отделили и разместили в нескольких соседних домах. Водопровода нет, уборных нет. Рядом текла маленькая речка. Воду из этой речку пьют и туда же испражняться ходят. Болели, умирали...

А.Ш. Вы говорили, что в специфику вашей работы военнопленные не входили. Однако встречаться с ними вам приходилось не раз.

А.П. Пленными я стал интересоваться с июня-июля 42-го года, поэтому пленные 41-го частично прошли мимо меня. А вот пленных с Юго-Западного фронта в 42-м году видел много и во время командировки в Воронеж и по дороге обратно в Германию.

Но прежде, чем говорить о следствии, поговорим о том, что было в начале. Поговорим о 41-м. Что из себя представлял немец, взявший в плен русского, и что представлял русский, попавший в плен.

Немец прекрасно знал, что он в положении того семилетнего ребенка, над которым большой дядя занес палку, и он, немец, эту палку перехватил. Немец, в особенности офицер и генерал, в драку ввязался со страхом — Россия мощная. И вдруг — такая легкая победа! Состояние эйфории.

Теперь чему нас учили в 40-м и 41-м году — наступать, наступать и наступать. Ни один наш солдат, ни офицер в окопах, мягко говоря, не сидел. Мы были уверены, что «малой кровью и могучим ударом», и нарываемся на такой разгром... Вы знаете, что потери немцев в офицерском составе были восемнадцать к одному в пользу немцев! Все потому, что наша армия, в основном офицерский состав был из запаса. Пятидесятилетние капитаны и досрочно выпущенные 18-летние лейтенанты. А немецкий офицер, попавший на фронт, прошел милитер-шULE и криг-шULE, то есть кадетское и юнкерское училище. А наши? Кто после репрессий остался? Вот, например, Павлов — командующий Западным фронтом. Был в Испании и настучал Сталину и другим «умным» людям, что нам танковые корпуса не нужны, а нужны танки поддержки пехоты. И мы, создавшие эти корпуса, стали их расформировывать, чтобы потом, перед самой войной, вновь создавать.

Чтобы пройти путь от командира бригады или дивизии до командующего фронтом, в распоряжении которого миллион людей и несколько тысяч танков, нужно длительное время, что было у немцев. А Павлов или Кирпонос совершили скачок в мирное время за два-три года, а все за счет репрессий.

В распоряжении только Павлова, кроме нескольких тысяч танков, превосходивших по численности все немецкие танки, которые они бросили против СССР, было 5 сотен новых танков. Десятка хватило бы, чтобы уничтожить всю немецкую танковую мощь. Я помню фотографию в «Дойче иллюстрирт»: стоит наш КВ, а вокруг 31 немецкий танк, причем среди них Т-3 и Т-4. А ведь КВ мог расстрелять немецкий танковый батальон. Почему? Потому, что у КВ было 47 снарядов, а в немецком танковом батальоне — 43 танка. А тот КВ все-таки догадались сжечь огнеметами. Но советские танки не проявили себя потому, что то бензина нет, то снарядов. Немцы основную массу танков захватили целехонькими.

Комментарий 15.

Вероятно, Александр Петрович ошибается, называя число танков в танковом батальоне. Г. Гудериан указывает, что во время войны с Россией первоначально в батальоне было две роты легких танков и одна рота средних. В каждой роте 4 взвода по 5 танков и 2 танка во взводе управления роты. Таким образом, всего: 66 танков. Г. Гудериан

Танки — вперед! Нижний Новгород. «Времена». 1996, с. 46–47. Правда, во время войны с учетом потерь, число танков в батальонах менялось.

А.Ш. Александр Петрович, давайте от общих вопросов перейдем к конкретным. Каков был путь советского пленного?

А.П. Пока человек доходил до офлага — стационарный офицерский лагерь, солдаты меня не интересовали, он проходил несколько лагерей. А из офлага отправляли в рабочие команды, допустим в Оксенфурт, Летхабен. Офлаг служил своеобразным пересыльным пунктом между рабочими командами и самим лагерем. В большинстве случаев в лагерях проходила регистрация. Записывали, кто, что и откуда. Такая регистрация проходила в каждом лагере. Интересно, что сначала пленный говорил правду, но потом начинал выбирать то, что ему выгоднее, или наоборот, не нужно. Потом сами немцы при всей своей педантичности, здесь она их подводила, клали перед собой шесть-семь карточек и так и не могли понять: человек попадал в плен капитаном, а до последнего лагеря доехал младшим лейтенантом. А бывало и наоборот — дурачку, который был лейтенантом, в плену хотелось быть званием повыше.

А.Ш. Ему, наверное, казалось, что у него условия будут лучше?

А.П. Извините, от младшего лейтенанта до полковника лопаточка одинакова во всех руках была.

А.Ш. Но даже советских офицеров не всегда заставляли работать. Как офицеры, они имели право не работать.

А.П. Хотел бы я посмотреть, кто бы там заговорил об этом праве и где бы он был через день после этого. Вот я помню в 43-м году рабочую команду города Оксенфурт на Майне. Работает 35–40 человек. От младшего лейтенанта до подполковника. И все на этом сахарном заводе перебирают свеклу, обслуживают сушильные машины. У них положение, конечно лучше, чем в концлагере, хотя паек один и тот же, но свеклу можно дополнительно пожевать. Жили они в помещении склада. Там у них стояли двухъярусные койки с матрасами, одеялами, были и подушки. Сами пленные оборудовали хорошую душевую, немцы не мешали. На втором этаже жила конвойная команда, которая состояла из одного человека — унтер-офицера. Он сам был в ту войну у французов в плену, поэтому к этим людям мягче относился. Вообще, как правило, пожилые охранники или коменданты, прошедшие первую мировую, сохранили большую человечность. Если надо было куда-нибудь вести, например, разбор завалов после бомбежки, то приходило еще двое или трое таких же ветеранов.

Кстати, уже летом 44-го, после разгрома в Белоруссии, отношение к пленным в Германии резко улучшилось. А уже в начале 45-го бывало и такое: «Иван, я стрелять не буду, уходи к своим». Немец стал от битья, как Чехов сказал: «И кошку можно научить спички зажигать, если надо курить», — добрее. Контингент немецкой армии стал другой: либо фанатики — 15–17 летние мальчишки, либо пошли люди умудренные, которые понимали, что не надо других гробить. Немецкий солдат понял, что такое война, когда десятки, сотни тысяч немецких беженцев появились на дорогах и в городах Германии. Он понял, что это может ожидать его и его семью.

А вообще мне мало приходилось бывать в лагерях военнопленных. Знаю, что старший по лагерю был из числа военнопленных. Что-то вроде своего коменданта. В Хаммельбурге, офлаг 13-D, был комендант-комбриг, не помню его фамилию, хотя бывал там несколько раз.

Помню несколько случаев, связанных с Владимир-Волынском. Там был большой офицерский пересыльный лагерь. Оттуда много вербовали в казачьи части, в РОА...

Осенью 42-го мне пришлось побывать там. Помню одного пленного полковника. Я беседовал с ним. Это был искренний советский патриот, который мечтал только об одном — скорее сдохнуть. Он считал, что война проиграна. Говорил мне, что после разгрома немцев под Москвой, зимой 41-42-го думали, что немцев расколошматили, а они до Сталинграда и Эльбруса добрались. Отсюда и шатания пленных, отсюда и полицаи, отсюда и Власов — от плохой обстановки.

Был свидетелем еще одной сцены. При мне специальная группа немецких офицеров отбирала добровольцев в казачьи части. К столу, за которым сидит комиссия, подходит личность — драная гимнастерка веревочкой подпоясана, на ней висит консервная банка, Браво щелкает босыми ногами перед комиссией: «Желаю идти в казачьи войска и драться с большевиками!»

— Кто такой?

— Подполковник такой-то, командир полка.

А сбоку сидит один немец, довольно ехидный, и задает ему вопрос: «Кто вы по происхождению?»

«Крестьянин». Немцы тоже умные люди были, когда вербовали.

— Что кончали?

— Сельхозинститут, а потом попал в армию. Дослужился до подполковника, командир полка.

— Так что же, — говорит, — странно, почему вы должны не любить советскую власть. Вы знаете, я эмигрант, выходец из России... Мы не можем вам верить, мне революция дала пинком под зад, а вас сделал агрономом, подполковником. Так какая же у вас причина ненавидеть советскую власть? Правда, все равно его взяли.

Через два года в концлагерь Ордруф, там был небольшой подземный завод, а в городе штаб немецких ВВС, привезли этого подполковника. Был февраль 44-го, привезли его, разжалованного за то, что он вел подпольную работу в своем казачьем полку. Не знаю, он поумнел, или с самого начала задумал вредить немцам. Не знаю, что с ним дальше было. А.Ш. Вы сказали, что подполковник был босой. Я знаю, что немцы раздевали пленных, отбирали обувь, однако на многих фотографиях встречаются и ряды одетых и обутых военнопленных. Причем часто в своей армейской обуви. Вы можете что-нибудь добавить к этому?

А.П. На моих глазах прибыл транспорт с военнопленными во Владимир-Волынский лагерь. Все военнопленные были без обуви. Вернее обувь была, но она шла в отдельном вагоне. Потом им обувь выдали. Немцы народ аккуратный: каждая пара была в свертке, и каждый мог потом найти свою пару, правда, если ему это позволяли. Чаще, просто выгружали — надевайте. Но все-таки, так как за каждым вагоном шел тук с обувью, люди могли разобраться.

Тоже самое было с эшелонами из Гродно. Выгрузились босые, но обувь была в соседних вагонах. Все это делалось, чтобы затруднить побег. Босой человек никуда не денется. Сами кирзовые сапоги немцев не интересовали, их никто в Германии не носил. А вот кожаные подошвы, резину немцы часто сдирали для своих нужд. Взамен делались деревянные подошвы, какие сейчас модными стали. Но были и деревянные колодки, наподобие голландских сабо. Но такие только в концлагерях, особенно для штрафников во Флоссенбюрге, Бухенвальде...

Что мы об обуви, давайте лучше о книгах. Вы знаете, что в лагере во Владимир-Волынске была большая хорошая библиотека из бывшего Дома офицеров. Правда, убрали все советские книги, а русская классика осталась.

А.Ш. А что, разве у военнопленных было время читать?

А.П. Вот это я не знаю, поскольку в их шкуре не был. Но, наверное, читали. Там по полтора-два месяца не работали, это был пересыльный лагерь. Командовал библиотекой один полковник, фамилию уже не помню. Но после войны он свой срок получил за сотрудничество, чтоб другим было неповадно книги читать в плену.

А.Ш. Через Владимир-Волыньск проходили и пленные советские генералы. Может быть, пришлось кого-то увидеть?

А.П. Зусмановича и Новикова. Зусманович попал в плен под Харьковом. Если не ошибаюсь, он был зам. командующего по тылу 6-й армии. Человек, который вел себя и в плену по-генеральски. Немцы потом расстреляли его, но относились с уважением, даже зная, что он еврей. Его привезли во Владимир — Волыньск, осенью 42-го, но тепло было, солнце во всю палило. Там в это время шла вербовка в казачьи части. Зусмановича привезли вместе с генералом Новиковым, попавшим в плен под Севастополем. Им принесли еду, правда, не из лагерного пайка, а из солдатской немецкой кухни. Новиков взял, а Зусманович отшвырнул миску ногой и потребовал еду из офицерской столовой — и ему принесли. Немцы, между прочим, даже эсэсовцы в некоторой степени, если человек вел себя мужественно, относились к нему с уважением.

Справка.

Зусманович Григорий Моисеевич (1899–1944) — генерал-майор. Участник Гражданской войны. Награжден орденом Красного Знамени. Попал в плен 27 мая

1942 г. В 1944 г. пытался организовать побег группы военнопленных. От побоев и истощения погиб в лагере Вайсенбург в Германии.

Новиков П.Г. - генерал-майор. Участник обороны Севастополя. Попал в плен в первые дни июля 1942 г. Расстрелян во Флоссенбюрге.

Но не только плен проверяет человека. Мирная жизнь тоже. Вот генерал-майор Павлов Петр Петрович после войны такой сволочью оказался. Он попал в плен под Днепропетровском весной 43-го. По-моему, осенью 43-го года компания наших пленных перед отправкой во Флоссенбюрг, поэтому и знаю эту историю, а потом уже, когда в миссии по репатриации работал, имел к этому отношение, сидела в тюрьме Нюрнбергского гестапо. Там их официально освобождали из плена и переводили в разряд узников концлагерей.

Во время бомбежки, два летчика, капитан Митин и младший лейтенант из соседней камеры, вывернули чугунную печку и выломали потолок своей камеры, выбрались на чердак, спустились в коридор и открыли камеру, в которой был генерал Павлов. Затем открыли двери других камер и выпустили всех заключенных во двор гестаповской тюрьмы. Охраны в коридорах во время бомбежки не было: немцы спустились в бомбоубежище. Оказавшись во дворе, Митин уговаривал заключенных бежать, но большая часть осталась, в том числе и Павлов. Митина и младшего лейтенанта схватили в городе. После войны в фильтрационном лагере эти люди ссылались на Павлова, что он свидетель их попытки побега. Павлов же изволил показать, что эти люди вели себя провокационно, дерзко и что немцы их не тронули, потому что у них, вероятно, были какие-то связи с гестапо. Вот вам образец шкурничества советского генерала. Они ж тебя, сволочь, спасти пытались. А его показания могли угробить этих людей. Но, что в то время редко случалось, люди «с чистыми руками» разобрались.

А.Ш. Вы упомянули офицерский лагерь Хаммельбург. Что вас привело туда?

А.П. В этом лагере я бывал неоднократно. В Хаммельбурге мы из русских военнопленных черпали резервную рабочую силу для авиазаводов в Регенсбурге. Вот там, кстати, совершенно случайно я сделал для себя очень интересное открытие.

Прибыл я туда с очередным заданием. Было это в середине апреля 43-го года. Днем поработал, а вечером в ресторане с компанией мы налили довольно крепко. Немцы народ тихий, но мы с кем-то поскандалили, морду не побили, но в результате я и несколько офицеров загремели на гауптвахту. Офицерской гауптвахты в Хаммельбурге не было, поэтому нас поместили на сутки в пустующую тюрьму офицерского лагеря военнопленных. Пустовала она временно потому, что весной 43-го года русских военнопленных из лагеря перевели в Нюрнберг, а вместо них перевезли английских и югославских военнопленных. Принесли нам туда койки, одеяла. Мы там переночевали. Я, правда, не заснул. Человек я любопытный, хотя лишнего себе не позволяю, и стал ходить по пустым камерам. Открываю одну, вторую, заглянул в какую-то комнату и вот там я наткнулся на эти папки. Было их там несколько сот. И потом, спустя время, после этого, я навел справки среди офицеров, обслуживавших этот лагерь, уже в Нюрнберге. Они мне рассказали, что до весны 43-го года существовала группа офицеров, их называли «историки». Они писали историю разгрома советской армии, а за это получали особый паек. Кто же были эти «историки»? В эту группу, как правило, входили офицеры не ниже командиров полка, то есть от майора и выше. Каждому «историку» давалась карта района боевых действий, может быть от границы до самой Москвы, или другого места, где он попал в плен. Давалась бумага — садись пиши все, что с твоей частью происходило.

Вообще это очень интересная вещь. Немцы в конце июля — начале августа 41-го года отбирают среди пленных старший офицерский состав потому, что они собираются изучать опыт победоносной войны. Надо заметить, что такие показания противника, даже если отбросить 50 процентов на конъюнктуру и на вынужденное состояние того, кто писал, все равно представляло колоссальную ценность.

Я буквально был ошарашен. Даже для меня, разведчика, это была удивительная находка. И хотя я был пьян, протрезвел сразу. И пока мои товарищи отсыпались, я до утра листал и читал эти папки. Я и сегодня помню несколько фамилий. И, кажется, 25 лет одному товарищу обеспечил. Подполковник Колончук или Ковальчук Федор Александрович,

начальник штаба 26-й танковой дивизии. Окончил человек академию генштаба, молодой 28-летний. Он начал войну от границы и попал в плен под Вязьмой. В 46-м году я вспомнил все, что он там описывал. Меня не то поразило, что он так все подробно описал, а поразила, мягко говоря, точка зрения.

А.Ш. А что особенного было в его описании?

А.П. Я запомнил несколько вещей и десяток фамилий. Понимаете, одно дело, когда человек пишет, стиснув зубы, понимая, что он подлец, или сознательно идет на обман немцев, там были и такие вещи. Они бросались в глаза. 43-й год уже, война вспять повернула, это было уже видно. Другое дело, когда видишь, что писал человек злорадствующий. Правда, писания этого Ковальчука были датированы декабрем 41-го года. Поэтому я его особо и запомнил, и сейчас помню.

Как эти документы прошли мимо наших — меня удивляет. Видимо, из этих «историков» никто не проговорился.

А.Ш. Какие фамилии «историков» вы еще запомнили?

А.П. Подполковник Юров — командир полка тяжелой артиллерии.

Комбриг Дворкин. То, что он комбриг, говорит о том, что он сидел и вышел из лагеря, как Серпилин у Симонова, не был переаттестован и не успел получить новое звание. Вот ему сам бог велел писать против советской власти. Правда, с другой стороны, с такой еврейской фамилией, но я не знаю, кем он был по национальности. Еще запомнил, что он был бывший секретарь какого-то Свердловского райкома, участник гражданской войны.

В Ясенево, в Москве, архивы КГБ, может, там что-то есть, напишите.

Комментарий 16.

О комбриге Дворкине удалось кое-что узнать. 7 октября 1944 г. в Маутхаузене, по приказу Гимmlера расстреляли 38 членов БСВ (Братский союз военнопленных) — подпольной организации советских военнопленных, действовавшей на территории Германии. Среди расстрелянных был комбриг (в немецких документах — генерал) Борис Дворкин. (На самом деле Б. Дворкин был призван в армии из запаса и не успел пройти переаттестацию. — А. Ш.). Во время расстрела он отказался повернуться лицом к стене и сказал по-немецки коменданту лагеря Цирайсу, что он военнопленный и не видит причин для расстрела. Цирайс ответил, что Дворкин провинился перед рейхом и поэтому должен быть расстрелян. После этого Цирайс лично застрелил комбрига.

A. Streim. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «FallBarbarossa».Eine Dokumentation/ Heidelberg.Karlsruhe, 1981. S. 143.

А.Ш. Занимались «историками», вероятно, абвер и отдел военной истории при немецком генштабе?

А.П. Конечно, но вызывали товарища в отдел абвера, их представитель был в каждом лагере для военнопленных. Абверовец говорил: «Война, как ты видишь, твоими проигрывается», — в особенности, это было легко сказать в 41-м году, — «мы под Москвой, мы под Ленинградом». В 42-м году весной-летом тоже хорошо звучало: «Мы находимся под Сталинградом. Но, дорогие друзья, мы не требуем от вас предательства, вы — пройденный этап войны, вы нам ничем не поможете, но мы хотим написать объективную историю войны. Вы можете в этом помочь. Не надо льстить и обманывать нас, пишите правду о том, как вас разбили. Вспомните, где вы воевали и как, вот вам карты этих участков, нанесите расположение своих, это не предательство, это давно актуальность потеряло, давно занято немцами, — опишите, как вы воспринимали этот бой оттуда. Какие ошибки были с вашей и нашей стороны».

Года полтора — два немцы этих историков держали. После Сталинграда стали рассуждать по-другому.

А.Ш. А вы не знаете дальнейшую судьбу этих людей?

А.П. Их перевели в Нюрнберг. Там в лагере была мастерская по изготовлению игрушек. В ней работали перебежчики, которых на работы не посылали. Делали игрушки, а подчинялись абверу. Некоторые, но немного, оттуда попадали в немецкие разведшколы. В мастерской еще делали разные изделия из соломки, но это обычно делали во всех лагерях и меняли на кусок хлеба. А это была специальная мастерская. Когда я впервые услышал о ней

— не поверил. В эту же мастерскую направили и «историков», создав для них особые льготные условия. Мне удалось добраться до этой мастерской. Было там 2 капитана-генштабиста и 15–20 подполковников и полковников. Что с ними стало в дальнейшем я не знаю. Но одному, я говорил, 25 лет я обеспечил.

Комментарий 17.

Уже в июле-августе 1941 г. представители Абвера и военно-исторического отдела ОКВ отобрали среди пленных несколько десятков старших офицеров и предложили им описать историю разгрома своей воинской части, указать ошибки советской и немецкой стороны, допущенные в ходе боев. Это было важно немцам с практической точки зрения: они изучали опыт победоносной, как им казалось в 1941 г., войны на Востоке. Так, в офлаге Кальвария майор С.Е. Еременко, помощник начальника оперативного отделения по связи 39-й армии, написал статью об окружении своей армии. Бывший начальник артиллерии 61 стр. корпуса комбриг Н.Г. Лазутин, попавший в плен 28 июня 1941 г. составил описание боевых действий 61 стр. корпуса. «Историки» были собраны в офлаге XIII-D в Хаммельбурге. Там был создан Военно-исторический кабинет, который возглавлял полковник Захаров (сведений о нем нет. — А.Ш.) Один из членов этой группы комбриг М.В. Богданов — командующий артиллерией 8-го стрелкового корпуса, попавший в плен 10 августа 1941 г. под Уманью, написал историю этого корпуса и обобщил все написанное о боевых действиях Юго-Западного фронта в июне-августе 1941 г.

Участвовали в работе Военно-исторического кабинета комбриг А. Н. Севастьянов — начальник артиллерии 226-й стрелковой дивизии, полковник Н.С. Шатов — зам. начальника артиллерии 56-й армии, подполковник Г.С. Васильев — начальник 3-го топографического отдела штаба 6-й армии и еще 15–20 полковников и подполковников. Все они находились на особом довольствии: получали дополнительный паек. Просуществовала эта группа до весны 1943 г.

Архив Яд ва-Шем. М-37/678, л. 4. А. И. Муранов; В.Е. Звягинцев. Досье на маршала. Из истории закрытых судебных процессов. М., 1996, с. 222. К. М. Александров.

Офицерский корпус генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. СПб, 2001, с. 92, 110, 253, 293.

А.Ш. Абвер с первых дней плена курировал военнопленных?

А.П. Как правило, да. Абверовцы занимались опросами среди военнопленных. Выявляли, кто есть кто. Искали готовых к сотрудничеству или искали потенциальных коллаборационистов. В большом лагере, как в Нюрнберге, после перевода туда пленных из Хаммельбурга, могло быть человек 7–8 абверовцев. В маленьком лагере обыкновенно абвера не было, но, как и везде, абвер имел своих осведомителей среди пленных. Если находили евреев или комиссаров, старших офицеров, скрывавших свое звание, чаще всего передавали гестапо.

А.Ш. Передавал абвер? То есть чистые руки абвера — это миф. У абвера ручки тоже в крови?

А.П. А как же, особенно после того, как в 44-м году убрали Канариса, и абвер оказался под контролем СС у Гиммлера.

Кстати, в 44-м году у немцев стала ощущаться резкая нехватка солдат. И они пошли на то, что формировать части из бывших заключенных.

Я был свидетелем, как однажды во Флоссенбург прибыла комиссия. Выстраивают всех, и господин, приехавший начальник, обращается к заключенным. Вы наверно, знаете, что на воротах Бухенвальда была надпись: «Право оно или нет — это мое государство».

Комментарий 18.

Возможно, такая надпись была в одном из лагерей, однако на воротах Бухенвальда была надпись: «Каждому свое».

И вот этот начальник произносит: «Мы все немцы, господа». А господа стоят в полосатом с номерами. За его спиной — стандартная виселица, которая стоит на апельплацу и

напоминает о «жизни». Примерно раз или два раза в месяц, а то и три на ней кого-то вешают для того, чтобы ты себя лучше чувствовал. Понятно? Так вот прибывший продолжает: «И Германия обращается к вам. Мы прощаем друг другу все обиды, и перед вами открывается шанс доказать свою преданность Германии. Тот, кто не желает добровольно вступить в немецкую армию — два шага вперед!» Вы поняли, как у нас — из лагеря в дивизию или штрафной батальон. Что будешь делать? Если бы сказали, добровольцы, два шага вперед — не вышел бы никто. А здесь конец войны, у каждого мысль: «Попаду на фронт — сбегу».

И сделал два шага вперед только один, по фамилии Красовский Эдди — известный уголовник и бандит. Так вот — это единственный человек, этот бандюга, который сделал эти два шага вперед, посмел заявить: «Я буду из-за вас умирать? Не получится!» Говорили, что он еврей. Его сразу забрали, а через два дня он уже болтался на виселице. Всякий знал, что за отказ повесят, поэтому не рискнули. Но все они просчитались. Им моментально сделали наколки, чтоб «не потерялся», и отправили в войска СС.

Справка и комментарий 19.

Специальная татуировка группы крови, порой и знак СС (руны) делали под левой грудью или под мышкой у большинства эсэсовцев, подтверждавшим свое арийское происхождение. Наколки не делались членам национальных (латышских, эстонских, французских, мусульманских, русских, украинских и др.) эсэсовских формирований. Маловероятно, чтобы эсэсовцам, бывшим политическим заключенным сделали такие наколки.

Прежде чем наша и английская разведки успели сообщить, что сейчас будут сдаваться эсэсовцы, не трогать, а доставлять в особые отделы, югославские партизаны сделали свое дело. Этих «эсэсовцев» бросили в Югославию. И когда, такой «эсэсовец» приходил с поднятыми руками и вдруг говорил: «Я бывший коммунист, я сидел там-то и так далее...» Поставьте себя на место этого югославского партизана: «Спасает шкуру, а где ты был в 41-м году?» — он ему не верит. И прежде, чем была дана команда не трогать эту компанию, а разбираться с ними, сотни дорогих товарищей были поставлены к стеночке. А.Ш. Я знаю что в Бухенвальде набирали немецких коммунистов в бригаду «Дирлевангер» и из них никто не вступил.

Справка.

Дирлевангер Оскар (1895–1945). Оберфюрер, затем бригаденфюрер СС. Командир особого батальона, затем группы, полка, штурмовой бригады. Все эти части носили имя их командира. В составе этих подразделений были в основном уголовные преступники, набранные в концлагерях, добровольцы из числа советских военнопленных — было несколько рот. В 1944 г. в составе бригады было создано отдельное подразделение из бывших противников нацистского режима. Части Дирлевангера участвовали в карательных экспедициях против партизан и массовых убийствах мирных граждан, совершенных с особой беспримерной жестокостью на территории Белоруссии, Украины и Польши. Одна из его рот, сформированная из бывших пленных украинцев, сожгла Хатынь. В конце войны командовал 36-й гренадерской дивизией СС. Умер в июле 1945 г. во французском плену.

А. П. Когда стали в Бухенвальде коммунистов туда брать, в 44-м году? Не надо делать из них героев, не пошли потому, что Бухенвальд был в руках подпольной организации почти полностью. Эсэсовскому руководству не до лагеря было в этот момент. Они целиком доверились лагерному самоуправлению.

Донос — это норма.
Власовские артисты.
Казачьи торги.
Подражание Наполеону.
Кровь в Лиенце.
Сталинский шантаж — был или не был?
Кавказцы.
Репатриация-фильтрация.
Горбушка смерти.
«Я не думал, что все будет происходить так...»

А.Ш. Александр Петрович, раз вы уже затронули тему сотрудничества, давайте поговорим о сотрудничестве советских военнопленных с немцами.

А.П. Сотрудничество начиналось в самом лагере. Начиналось с выдачи, как по идейным, так и по шкурническим, антисемитским соображениям, так и за кусок хлеба, коммунистов и евреев. Отсюда масса доносчиков и лагерная полиция. Этого не было среди западных военнопленных, во-первых, они были сытые, а во-вторых, для них это было позором. А у нас, где в своей стране одна половина населения стучала на другую, донос — это норма.

Комментарий 20.

О том, что доносительство — «стукачество» было, действительно, делом миллионов советских людей есть интересные свидетельства. Один из соратников Ленина Гусев писал: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, то есть смотреть и доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства... Можно быть прекрасными друзьями, но раз начинаем расходиться в политике, мы вынуждены не только рвать нашу дружбу, но идти дальше — идти на доносительство».

Можно допустить, что «стукачество» — это удел членов партии, но вот, как воспевают донос известный журналист М. Кольцов, сам ставший жертвой воспетого им доноса. Эти строки написаны им в 10-летнюю годовщину Октябрьской Революции.

«Если белый гость покажется подозрительным, им тревожно заинтересуется фракция жилтоварищества. На него обратит внимание комсомолец-слесарь, починявший водопровод. Прислуга начнет пристальнее всматриваться в показавшегося ей странным жильца. Наконец, дочка соседа, пионерка, услышит случайный разговор в коридоре, вечером не будет спать, что-то, лежа в кровати, взволнованно соображать. И все они сами пойдут в ГПУ и сами расскажут о том, что видели и слышали.

Не сорок, не шестьдесят, не сто тысяч человек работают для ГПУ. Какие пустяки!

Миллион двести тысяч членов партии, два миллиона комсомольцев, десять миллионов членов профсоюза — свыше 13 миллионов (миллион «чертовых дюжин»!) по самой меньшей мере. Если взяться этот актив уточнить, несомненно, цифра вырастет вдвое».

Черная книга Коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. Перевод с франц.

Москва. 1999, с. 30–31

Не мудрено, что советские люди переносили привычные для них нормы жизни и в лагерную действительность.

А.Ш. В воспоминаниях бывших военнопленных я столкнулся с еще одним удивительным явлением. В лагеря засылались чекисты, но не для организации непосредственной борьбы, а для того, чтобы, пробравшись на службу в лагерную полицию, ухудшать условия, ужесточать лагерный режим, и вследствие этого вызвать еще большее озлобление, для того, чтобы усилить сопротивление. Один из военнопленных вспоминает, что после войны встретил начальника лагерной полиции в миссии по репатриации в форме майора.

А.П. Очень даже возможно. Я же, «бывший ээсовец» был в Парижской миссии по репатриации, при генерал-майоре Драгуне. Вся она состояла из чекистов. Вся.

А.Ш. Кстати, лагерная полиция почему-то только в лагерях для советских военнопленных.

В западных лагерях такого института не было.

А.П. Хотел бы я видеть, как почувствовал бы себя западный товарищ, который пошел бы охранять своих в лагере, или записался бы в немецкую армию.

А у наших, действительно, бытие определяло сознание: пока немцы у Сталинграда и на Кавказе, шло активное сотрудничество. А потом, у тех, кто сотрудничал с немцами, психология изменилась: Сталинград стал менять, а уж после Курской битвы... Они шкуру свою спасали и стали по-другому мыслить.

Все просто. Вот я, например, если бы в те годы пришлось умирать у немецкой стенки, вы меня немного уже знаете: героем казаться не хочу, но последнее, что я бы крикнул: «Да здравствует Сталин!» Теперь мне смешно, я бы этого не кричал. Меняется человек, он же не чурбан.

А среди советских пленных многое зависело от их положения в лагере, а они страшно голодали. Конечно, были и идейные, кто искренне хотел драться с большевиками. Правда, основная масса тех, кого немцы завербовали по лагерям, воевали с партизанами. Ведь эти части еще до Власова были.

Ну, а Власов какие части сформировал? Как правило, отдельные батальоны при немецких частях. Или ему передали те, что еще до него были. Немцы им все равно до конца не верили. А сам Власов всего две дивизии успел сформировать в конце 44-го — начале 45-го и то вторую не полностью.

Первая дивизия Прагу освободила, несколько дней с немцами дралась. 9 мая наши пришли на готовое. Власовцы сами Власова сдали. Сказки, что его в машине обнаружили.

Комментарий 21.

1-я дивизия РОА под командованием генерал-майора С.К. Буняченко, поддержала пражское восстание и утром 6 мая 1945-го года, совершив 30 километровый марш, вошла в Прагу и двое суток сражалась с германскими войсками. В мае 1993 г. на кладбище в Ольшанах в Праге установлен обелиск солдатам РОА, освободившим Прагу.

Почему к Власову люди шли или не шли? Например, его агитаторы приходят в лагерь военнопленных и начинают внушать, что надо бороться против большевиков. Те военнопленные, а их немного осталось, которые прошли 41-й, 42-й год, видели весь ужас и кошмар этих лет, думали очень просто: большевики были плохие, дерьмо, но на глазах не вешали, не расстреливали. Ты же, немец, за два года сколько моих товарищей загубил, а теперь хочешь, чтобы я пошел к тебе служить? Но были и те, что шли. Однако большинство тех, кто шел к Власову, думали хорошо поесть, получить оружие и перебежать, поэтому до фронта многих не допускали.

А.Ш. А с власовцами вам приходилось лично встречаться?

А.П. Во время войны нет, а вот после войны да. Расскажу вам интереснейший случай. В армии Власова создали свой ансамбль песни и пляски. В 45-м он в полном составе попал в плен. Привезли его в репатриационный лагерь Гроссенхайм. Переодели в советскую форму, стерегут их, многие из них свои сроки еще получают. А пока лагерному начальству скучно, те перед ними выступают, и стали ансамбль возить по лагерям и даже по советским воинским частям — солдат развлекать. В ансамбле 27 человек, дирижер, инструменты — словом, как полагается. Поют, понятно, советские песни. Смех и горе.

Приезжаю я в этот лагерь Гроссенхайм. Комендант там был немного чудаковатый.

Девчонка у него была красивая, жену нашел из угнанных русских. Я его лет через 30 встретил в Москве, обнялись, поцеловались: «Ну, как твоя Люся?»

А тогда: «Товарищ полковник, хотите посмеяться? Я их сейчас налажу и поеду в авиационную часть. Тут недалеко дивизия Покрышкина стоит.

Справка

Покрышкин Александр Иванович (1913–1985), летчик-истребитель, трижды Герой Советского Союза. В 156 боях сбил 59 немецких самолетов.

Они попросили приехать. Хотите посмотреть, как власовцы выступать будут? Тем более, что у вас такие погоны, хоть маршал увидит, ничего не скажет». Сели в мою машину, а

машина моя, между прочим, мерседес из гаража Гимmlера — «хорх» и на трех языках написано: «дипломатический корпус». Так что я туда не как чекист приехал, а как военный дипломат. Там я и прослушал весь их концерт. Запомнилась одна песня. Это была их песня. Народная песня. Власовцы ее очень любили. Редко ее исполняли, только по просьбе. Нашим солдатам тоже нравилась, но петь ее почти никогда не разрешали, хотя и политики там нет. Просто, правда войны. Хотите напою?
Поет:

«Последний брат ушел, покинув хату,
Туда, где фронт рокочущий пылал.
Дала сестра на память перстень брату,
А он портрет ей в медальоне дал.
Война рыдала кровью человечьей,
Огонь лизал родные хутора,
Надев шинель на худенькие плечи,
За братом в ночь отправилась сестра.
Она пошла искать по свету брата
В огне боев, в пороховом дыму.
Пошла сказать, что рухнувшая хата,
Привет последний шлет ему.
И вот пришла она к земле широкой.
В долине низко плыл туман густой.
Как медальон блестел, вставал с востока,
Вставал луч солнца золотой.
Синело небо, поле зеленело.
И только люди, смерти не боясь,
Кололись, резались остервенело,
Живых и мертвых втаптывая в грязь.
Сестра пошла по трупам, по горячим,
Ища в крови, дыханье затаив,
И вот склоняется со стоном к брату:
«Нашла голубчик, родимый ты мой, жив.
Она пред ним от радости рыдала,
Смывая кровь, целуя его грудь.
А он сказал: «Сестра, ты опоздала,
Оставь меня, я свой закончил путь.
И тучи там и небо потемнело.
Замолк кузнечика веселый перезвон.
А у могилы все сидит сестрица,
Целуя залитый слезами медальон.

А.Ш. Да это же совершенно неизвестный пласт русской культуры! Во всяком случае в Союзе, да, наверное, и сейчас в России не изученный. Это чрезвычайно интересно.

А.П. Да, а они ее пели грустно-грустно. Кстати, их талант задержал их в Германии. Все власовцы уже сидели, а они до конца 46-го года обслуживали оккупационные войска. Многие из них потом получили срока поменьше: артисты все же. Вот такой черный юмор.
А.Ш. Вы упоминали, что во Владимир-Волынске шел набор в казачьи части. Поближе вам удалось с ними познакомиться?

А.П. Довелось. Однако казачьими у немцев назывались не только те части, что формировались из донских казаков или других. Они набирали и простых российских парней, их в шутку называли «рязанские казаки». У немцев казачий корпус был под командованием Паннвица.

Справка.

Гельмут фон Паннвиц (1899–1946), генерал-лейтенант. Повешен в Москве в 1946 г. Летом 1943 г. была сформирована 1-я казачья дивизия под его командованием, а затем 15-й казачий кавалерийский корпус СС в составе 50 тысяч человек. Также, в основном из казаков, русских белоэмигрантов, был сформирован Русский охранный корпус численностью около 15 тысяч человек.

Первые казачьи части были сформированы уже летом 1942 года под командованием бывшего советского майора Кононова, еще в 1941-м году перешедшего вместе со своим полком на сторону немцев. Общая численность казачьих частей, действовавших в составе немецкой армии, по разным сведениям колеблется от 200 до 250 тысяч человек. Корпус этот в основном в Югославии против партизан дрался. Почему порой Тито чувствовал себя вольготно? Гонят партизаны с гор в сторону Загреба эти казачьи части. На самом деле идет торговля. Нападают на казачью батарею партизаны, забирают пушки, связывают пленных, оставляют их на месте и уходят. Через две недели казаки, получив новые пушки, квартируют в другом селе. Там их уже ждут. Ждут — 3 быка, 8 бочек вина. Понятно. Поэтому, когда за эти 5–6 месяцев, туда-сюда гуляют, немцы понимают, что дело критическое. Снимают с фронта несколько дивизий и быстро за два-три дня, ну, несколько недель максимум, загоняют партизан обратно в горы. И опять партизаны «тет а тет» с казаками. И опять начинается движение туда-сюда. Там ведь было много и бывших белых казаков, которые помнили, что их югославы приютили.

Генерал Паннвиц попался — таки в плен англичанам. И вот, передают его нам. Решил фон Паннвиц повторить наполеоновский номер — попрощаться со своей личной охраной. Была у него такая, вроде как у Шкуро — «волчья сотня». Стоят товарищи, и я в том числе, ждем. После этого отправим его на нашу территорию. Англичане народ с фокусами, конечно, обратись он к нам, хрен бы он у нас получил, а не прощание. Но те ему разрешили, торжественно. Встал он на машину и держит речугу: «Мои боевые друзья, мы с вами боролись против советской власти...» А ведь не знает, что через месяц другой, его «боевые друзья» будут там же, где и он. «...Вы всегда останетесь врагами советской власти, мы с вами кровь проливали, мы с вами... И, клянусь вам...» Тут с задней шеренги раздается: «Что в рот е... попался! Давай, катись отсюда».

Тут были американцы и англичане, которые знали русский язык, неудобно, но все померли со смеху. Он так и осекся. Опустил голову. Мы его в машину — и повезли.

Комментарий 22.

Маловероятно, чтобы так, как описано, выше поступил фон Паннвиц — немецкий офицер. Александр Петрович мог и ошибиться. Такой поступок могли совершить русские генералы П.Краснов или А.Шкуро.

А теперь, что с этими казаками сделали. Их ведь из Северной Италии выманили. Они там уже станицы построили и все такое, жить надеялись. А им сказали, что отправят в Австралию. Сели они, в машины погрузили телков, коров, чуть ли не комбайны сельскохозяйственные, детей, женщин — едут. Подъезжают к пограничной линии, проволока, красные лозунги: «Родина-мать ждет!» Они сообразили, куда попали. Что тут стало! Это как раз мост был через какую-то реку, у города Лиенц в Австрии. Стали срывать с себя ордена, в воду прыгать, вены резали, детей в воду кидали... Но почти все у родины, которая за проволокой ждала, оказались. Коров родина сожрала, сельхозкомбайны в колхозы отправила, а их в Сибирь, в основном в Кемеровскую область. Лет 6-10 они были на поселении. За эти годы, тех, кто похуже был, а не просто с нами дрался, выяснили и в лагеря да тюрьмы посадили. И сейчас в Кемеровской области половина, наверное, потомков паннвицких казаков.

Знаете, почему союзники почти всех Сталину выдавали?

А.Ш. ВЯлтинском соглашении был один из пунктов о выдаче всех граждан Советского Союза, оказавшихся в руках союзников, как бывших пленных, так и тех, кто сотрудничал с немцами.

А.П. Соглашение было, но они прибалтов, западных украинцев и белорусов не выдавали, считали их не советскими гражданами, а жителями оккупированных в 39-м и 40-м

территорий. Сталин союзникам руки выкрутил. Чтобы вы знали, в разных союзнических английских, французских, американских миссиях в СССР работало около 9 тысяч человек. И вот, когда союзники артачились, кого-то выдавать не хотели, Иосиф Виссарионович недвусмысленно давал понять, что для 9 тысяч человек у него место найдется в местах не столь отдаленных. Понятно. И союзники стали выдавать. Кстати, тот же шантаж имел место во время процесса Димитрова в 33-м году. В России работали тысячи немцев, стажировались сотни немецких офицеров. Наших в Германии практически не было. И немцам намекнули, что, если хоть один волос упадет с головы этой великолепной четверки: Димитров, Торглер, Попов, Танев, то мы тоже найдем место для всех немцев.

Справка.

Димитров Георгий (1882–1949), деятель Болгарского и международного коммунистического движения. С 1935 г. Генеральный секретарь Исполнительного комитета коммунистического интернационала. В 1933 г. Г. Димитров и еще три указанных выше лица были обвинены в поджоге рейхстага. На самом деле обвинялась коммунистическая партия. Блистательная защита Димитрова на процессе привела к развалу обвинения, оправданию обвиняемых.

А.Ш. Впервые слышу об этой версии. Уж, наверное, западные историки об этом докопались бы. Однако...

БМ. Все знали, что Сталин — человек серьезный и обещания свои выполняет. А то, что историки не знают, так это не значит, что этого не было. У нас, между собой, такие слухи ходили.

А.Ш. А со своими земляками вам приходилось встречаться?

А.П. А как же. Особенно в Париже. Кавказцы в основном на западном фронте сражались. Вы видели фильм «Герои острова Тексель»? В прокате — «Распятый остров». Это об одном из грузинских батальонов. Их несколько было: «Дора-1, Дора-2. Я на киностудии беседовал с одним из таких «товарищей», когда этот фильм снимали. Так я прямо и сказал, что их всех перевешать надо было, когда они в Советский Союз вернулись, а не фильм о них снимать. Когда этот батальон дрался с партизанами в Белоруссии, они не восставали? Нет. А в мае 45-го подняли восстание. Пять дней до победы, где вы раньше были?

Комментарий 23.

Мой собеседник не совсем точен. В своих воспоминаниях бывший командир 822-го грузинского батальона немец майор Клаус Брайтнер (немцы составляли треть батальона) отмечает, что восстание на голландском острове Тексел произошло 6 апреля 1945 г. ... в час ночи раздались первые выстрелы. Грузины-командиры укрепленного района пристреливали в постелях немецких командиров. Телефонисты-грузины приканчивали находившихся рядом с ними телефонистов-немцев. В блиндажи, предназначенные для отдыха немецких солдат, через вентиляционные устройства полетели гранаты. Майору удалось спастись только потому, что он случайно не находился в своем блиндаже».

Е.А. Бродский. Забвению не подлежит. М., 1993, с. 301

И правильно их в лагерь направили, с моей точки зрения — служили немцам. А один, то ли грузинский, то ли армянский батальон сдался вообще в середине мая. Они защищали форт «Линдерман» на западном побережье. Батальон сидел там со дня высадки союзников и не сдавался, а англичане и американцы не хотели людей терять. К ним в 20-х числах привезли немецкого генерала, который объяснил, что война закончилась.

Но немцы просчитались со многими кавказцами. Например, с мингрельцами. Мингрельцы всегда отличались сепаратизмом. Немцы решили их использовать как разведчиков. Однако большинство заброшенных сами сдавались НКВД.

Была создана и грузинская бригада. Командовал ею Рухадзе, или из пленных, или бывший эмигрант. Он даже в лагерь приезжал агитировать служить немцам. Кстати, большая часть русских эмигрантов и грузинских в том числе, отрицательно относились к тем, кто служил

немцам. Кроме Шкуро, Краснова и еще десятка полковников-генералов — остальные не пошли и руки предателям не подавали.

Справка.

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947), генерал-майор, в годы Гражданской войны командир «Дикой дивизии», состоявшей из представителей горских народов Кавказа. Эмигрант с 1920 г. Жил в Германии. В годы Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами, создавал казачьи части в составе гитлеровской армии. Арестован в 1945 г. и повешен в Москве в 1947 г.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-лейтенант. Один из организаторов выступления против советской власти в 1917 г. В 1918 г. атаман Войска донского и командующий белоказачьей армией. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Талантливый писатель. Автор популярных на западе романов о Гражданской войне. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами, прибыл на Дон для организации казачьих частей в составе гитлеровской армии. Арестован в 1945 г. и повешен в Москве в 1947 г.

Зря Сталин чеченцев выселил. Ложь, что чеченцы служили Гитлеру. Их очень мало было, хотя и недовольны советской властью были. А вот калмыков много и хорошо служило.

А.Ш. . . А вам приходилось и с калмыками сталкиваться?

А.П. Слава тебе господи! И лагеря калмыки охраняли, и калмыцкие эскадроны были.

А.Ш. Но были русские, украинские. . .

А.П. Были. Но, когда из 1 млн. служит 1000 человек, это ничего, а когда примерно из 100 тысяч калмыков почти 2000 тысячи это много.

А.Ш. Давайте перейдем к вашей работе в миссии по репатриации.

А.П. Парижская миссия генерала Драгуна — было главное учреждение в Европе по репатриации. Ему подчинялись все репатриационные миссии, группы, лагеря во всех государствах Европы от Финляндии до Италии. Подчинялись мы Центральному управлению по делам репатриации во главе с генералом Голиковым. Но это было и «змеиное гнездо» — официальное прикрытие для разных дел.

Вы не думайте, что в миссии по репатриации официально работали чекисты. Что вы!

Эмигранты никогда бы не подошли к чекистам. Три настоящих чекиста работали в спецотделе. С ними официально эмигранты и репатрианты дела не имели. Окружающая нас публика перестала бы с нами здороваться, если бы узнала, что мы чекисты. В миссии официально работали фронтовые офицеры, знающие иностранные языки. Мы должны были и эмигрантов привлечь к себе. Они должны были купиться на наши золотые погоны. Пленных это не касалось — они наши по закону, по соглашению с союзниками. А эмигранты — это другое дело.

Я был один из трех заместителей Драгуна. Курировал все лагеря в Южной Германии.

Много приходилось бывать в поездках. Но первые встречи с бывшими пленными были в Париже. Я непосредственно не работал с каждым из них. Но могу рассказать, как проходила работа. Нам надо было сделать все, чтобы вернуть всех оказавшихся на Западе в Россию. Поэтому мы встречали всех с распростертыми объятиями. Мы вопросов типа: чем родители занимались до 17-го года? — не задавали. Мы целовали, обнимали и пожимали руки. (С усмешкой.) Вопросы задавали на своей территории, то есть уже в своей оккупационной зоне и далее. А здесь, голубчик ты мой, как здоровье? Куда хочешь ехать? Какие проверки сейчас? Война кончилась. Мы будем тебя проверять? Ты проверился тем, что мужественно вел себя в лагере. Люди «с чистыми руками» — умные люди. Миссия по репатриации все простила, а вот «НКВД — сволочь» на своей территории — нет.

Например, еще до конца войны многие бывшие военнопленные прорывались в Париж, чтобы бить немцев в русских частях. Американцы создали вроде батальона из бывших русских военнопленных. И вот они торжественно после встречи на Эльбе, с развернутым знаменем, в американской форме, но с русскими знаками различия, переходят на нашу сторону. Маршал Конев пожимал им руки, устроен банкет, это было время банкетов, а через несколько часов после этого представители товарища Абакумова предложили им

проехать чуть-чуть дальше. Их погрузили уже без знамен в обычные теплушки и два с половиной месяца они ехали дальше и дальше, пока не оказались в Ленинско-Кузнецке...

Комментарий 24.

Из письма Василия Недорезанюка.

«Я хочу вспомнить о небольшой группе советских граждан, сражавшихся в составе действующей американской армии. Наша пресса об этом не писала. Конечно, не от них зависел исход войны, но эти люди мужественно сражались рядом с американскими солдатами, гибли и проливали кровь во имя общей цели — Победы над нацистской Германией. Это советские военнопленные, работавшие в Сааре, бывшие узники лагерей, бежавшие из-под конвоя.

После освобождения американской армией около ста человек добровольно вступили в ее ряды и были зачислены в 180-й полк 45-й дивизии 7-й американской армии и прошли вместе с нею боевой путь от Рейна до Альп. Автор участник боев за Нюрнберг, Бамберг, Мюнхен, форсировал Дунай. Закончил войну рядовым минометной роты в г. Фюрстенфельдбруке. Из 100 человек в живых остались только 32. Многие затем погибли в сталинских лагерях в Сибири. А тогда со мной в американской армии воевали москвич Анатолий Киселев, Корнеев из Ленинграда, Станислав Ордынский из Бердичева, Василий Бибик из Кировоградской области, погибший у меня на глазах, Николай Гонте, который жив и по сей день. Может быть и ветераны-американцы помнят тех русских парней, с которыми вместе заканчивали войну.

Хотелось бы, чтобы откликнулись однополчане в нашей стране и в США и написали по адресу: 261400, Бердичев, Житомирск. обл., ул. Ново-Ивановская, 42, кв. 12. Еще живому Василию Недорезанюку». Тель-Авив. Слово инвалида войны. Журнал ветеранов и партизан-инвалидов войны с нацистами. №5. Январь 1992, с. 83

А.Ш. И все-таки, как походил процесс проверки?

А.П. Я сам этим не занимался, но знаю, о чем спрашивали. После автобиографических данных записывался весь путь, который ты прошел в плену. Прежде всего, десятки вопросов такого рода: «Кого знаешь из тех, кто был полицаем в лагере, кто служил у Власова, либо там-то и там-то?»

Человек, который собственную проверку мог пройти за несколько часов, иногда на несколько недель застревал на фронтовом или армейском проверочном пункте, до тех пор, пока не вспомнит и перечислит всех тех, кто хоть в какой-то степени был замаран.

С точки зрения профессионализма, это, конечно, правильная работа. Человек еще находился в фильтрационно-пересыльном лагере на западной территории, а разработочка его здесь уже велась. Понимаете? И когда он являлся сюда, ему преподносили: «А родители ваши кто, и чем вы занимались до 17-го года?» На него уже целое дело.

При проверке офицеров личное дело заполнялось еще в американской или другой союзнической зоне. Как только попадали в свою зону, допустим, в Айзенах, или другой крупный лагерь в Тюрингии, офицеры чаще всего отправлялись в Бауцен, там проверочка носила более жесткий характер. Офицер проходил пару тройку, а то и больше серьезных допросов. Схема допроса та же: собственный путь, затем, кого знал, когда знал, где знал? Из этого лагеря в фильтрационный лагерь на своей территории. Предлагали снять погоны, сдать оружие. На человека, у которого что-то где-то было замарано, разработка уже была сделана и попадала в этот лагерь. Пока два-три месяца формировался транспорт из Бауцена на родину, искали тех, кто мог показать по поводу человека, на которого уже даны показания его товарищей по Бауцену.

Большинство пленных, у которых «задница была чистая», в советских лагерях не сидели. Тех, кто от и до пробыл в лагере, в Сибирь не отправляли. Достаточно было тех, кто служил в немецкой армии водовозами, водителями, на кухне, поварами — словом, на хозяйственных работах. А уж те, кто с оружием — извольте бриться: в Гулаг.

Проблема была и с теми, кто хоть раз бежал из немецкого плена и был вновь схвачен. Наши проверочные пункты от Парижского начиная и кончая сибирскими, к тем, кто совершил побег, относились более подозрительно. А все потому, что большинство наших чекистов были воспитаны на лубочных представлениях: раз бежал, но тебя поймали, то немцы

должны повесить. Задавался вопрос: «Почему тебя не повесили?» В результате, тот, кто вкалывал добросовестно на немецком оборонном заводе, спокойно проходил проверку, а этот непокорный беглец мог загреметь, как человек подозрительный в ссылку, а то и лагерь лет на пять, в лучшем случае.

А иногда человека отпускали из лагеря домой, вместо того, чтобы еще два-три месяца разобратся и проверить. Зачем травмировать? Вот мой школьный товарищ Лева Бунатян был в плену. Прошел проверку, демобилизовали офицером, едет домой. Дал телеграмму: встречайте. А вдогонку ему какая-то бумага, и его с поезда уже в Тбилиси снимают. Родные чуть с ума не сошли, пока через несколько часов его не отпустили.

Но даже, если человека отпускали, след за ним тянулся. Вернулся бывший пленный домой, поступил, допустим, на работу, не на всякую: за ним веревочка, на нем пятнышко — плен, вступил в профсоюз, а проверочка все идет своим ходом. А через два- три месяца приходит ориентировка, там новые сведения об этом человеке. И опять его могут взять. И в один прекрасный момент, после дня рождения сына, в дверь стучат и временно, хорошо, если на несколько часов или дней, забирают и опять спрашивают. А семье, как всегда: не волнуйтесь. Многих брали и после возвращения из проверочных лагерей. Маховик работал. А.Ш. Какие еще особенности репатриации вы можете поведать? Например, Бауцен, что там происходило?

А.П. Бауцен — громадный лагерь. Он был создан на месте еще довоенного базирования немецкого танкового корпуса. Поэтому там было много различных помещений, казарм и прочего. Там постоянно находилось 50–60 тысяч человек. Одни уезжали, на их место прибывали другие. Американцы организовали прекрасную кормежку, как на убой. У них оставалось много всякого продовольствия и обмундирования — в Америку не повезешь, все это они отдавали в лагерь. Знаете психологию советского офицера: появилась лишняя машина — пускай будет. Почти все раздобыли себе американскую форму, лишь бы не ходить в немецкой трофейной. Большая часть из двух американских форм шила одну советскую. Погоны себе сделали картонные.

В лагере создали самоуправление. Эти «эрзац-офицеры» все взяли в свои руки и порядок был идеальный. Однако, несмотря на это, со дня открытия лагеря с 12 апреля 45-го до 20 декабря 45-го погибло в лагере, вернее было убито более 2500 человек.

А.Ш. По какой причине? Какие объяснения?

А.П. Сводили счеты. Помните, Файнштейна убили. Убивали бывших полицаев, поваров, тех, кто имел малейшее отношение к дележке продовольствия в немецких лагерях. Почему? Попытаюсь объяснить.

В немецком лагере, особенно в первые годы, давали 170–180 грамм хлеба и 15 грамм маргарина. Когда буханку режут на 5 порций остается 2 горбушки — по одной с каждой стороны. Там хлеба на 15–20 грамм больше. В глазах голодного эти граммы что манна небесная. Хлеб, как правило, делили капо и его помощники. Причем выдавали по одному куску хлеба на брата. Нас, например, 25 человек. Мы знаем, что на это количество положено 5 буханок, то есть 10 горбушек дополнительно. А капо на всех выдает две горбушки — «цулаген» — добавление. Значит, мы знаем, что он нашу горбушку жрет. А как это выглядит в глазах голодного человека на протяжении 2-3-х лет! Капо и его помощники зажрались. Для голодного кусок хлеба — это все. Тем более, что человек в этих условиях терял человеческое: только поесть, поспать — чистая физиология. Понятно, что когда вы капо увидели, вы его разорвали. Находили только трупы. А кто убил, искать бесполезно. В миг собралась толпа: растерзали, разбежались. Но главное то, что часто пропадали невиновые. Кто-то хотел свести с кем-то счеты, стоило ему сказать, что вот этот новичок, прибывший, капо, полицаи — толпа реагировала мгновенно. Этим пользовались бывшие доносчики, бывшие полицаи, но мы ничего не могли поделать.

Кстати, с чего начались подозрения, что один из руководителей Бухенвальдского подполья Котов — провокатор. Может быть, он им и не был. Но он все время организовывал избиения и нападения на бывших полицейских и капо. Именно на это органы обратили внимание: почему он в этом заинтересован? И после того, как по его команде чуть было не убили начальника полиции Владимир-Вольнского лагеря майора, забыл его фамилию. Выяснилось, что майор вместе с Котовым служил. Котов организовал избиение в Бауцене на сборном пункте. Майору руку сломали... С этого все началось. Майор рассказал, что

старший политрук Котов встретился там-то и там-то. Какой старший политрук? Разве не батальонный комиссар? То есть Котов был самозванцем. Он выдавал себя за слона, не будучи слоном, чтобы топтать мелких. После того, как появилась маленькая зацепка, начинают искать побольше. Начали искать его связи с немцами. Однако, хотя доказательства его прямой вины нет, у органов сложилось впечатление, что немцы знали кто он, но почему-то его не трогали. В архивах Бухенвальда нашли документы, в которых указано: «комиссар Котов». Последнее упоминание было о нем в 60-е годы, когда бывший узник Бухенвальда Кирш-летчик, он скрыл, что он еврей, и был под другой фамилией, в каком-то из толстых журналов писал о Бухенвальде, мне запомнилась фраза: «провокационная деятельность Котова». В чем ее смысл, я не знаю. Меня этот вопрос мало интересовал.

Справка

Котов Сергей. Родился 20.09.1911 г. в Астрахани. Прибыл в Бухенвальд из гестапо Ганновера 4.10.1943. Персональная карточка N 25097. Картотека Бухенвальда. Архив Яд ва-Шем. М.8/Vu (A)-266

Я уже говорил, что донос в лагере — это дело привычное. В лагерях репатриантов доносчиков, я уверен среди них были и те, кто был «стукачом» у немцев, расплодилось масса. Это было плохо. Кроме справедливых обвинений — было много ложных. Главное — бросить тень, запятнать, многие сводили счеты из-за косога взгляда или слова, когда-то сказанного. Никто никогда не ответит — сколько людей честных пострадало из-за лжи и клеветы.

Среди «стукачей» было больше всего бывших политруков. Доносить стали бывшие чекисты, особисты, которые у немцев выжили, а теперь не знали, как выслужиться. Наши службы заигрывали с репатриантами, как могли. Все бывшие офицеры получили право ношения погон и оружия. Освободителям было сказано относиться к репатриантам, как к обычным офицерам. Но общее отношение со стороны победителей к бывшим пленным, даже со стороны тех, кто работал с ними в лагерях, было отрицательным. Вот я встречаю транспорт с репатриантами-военнопленными в Айзенахе. Студебекеры входят в лагерь, люди вылезают. Вдруг появилось несколько выпивших солдат и офицеров из соседней воинской части и начали они раскурочивать репатриантов. А у тех действительно много вещей — американцы надарили: костюмы, куртки, обувь, продукты... Эти орут: «Отдавай американские тряпки!»

Вижу, стоит капитан, хороший парень. Я его по Ордруфу знал, он у нас в штабе работал. Из бывших пленных, но месяца три на моих глазах работал с репатриантами. Парень боевой. За время жизни в Ордруфе нашел где-то мастерскую и всем офицерам репатриантам сшил кожаные пальто, куртки, сапоги — одел, словом. Прибыл с девушкой, тоже бывшая пленная, полюбили друг друга, вместе на родину собрались. Многие в лагере сходились. Появились хорошие семьи. Эти люди лучше понимали друг друга. Они прошли через один и тот же ад. Верили друг другу. И вот подходит к ним советский майор: «Раздевай девку! Тебе кожа положена, а ей нет». А я разговариваю с комендантом лагеря, тоже полковник, конечно, смершевец. Я говорю: «Григорий Александрович, что происходит?» А он мне: «Подождем кульминации. Я потом их накажу, а у тебя прав еще больше!» А капитан майору: «Возьмите мое, ее не троньте, оставьте ей вещи». Я не выдержал, подошел. «Ну-ка, майор, иди сюда!» Майор глянул на меня, увидел погоны не фронтовые, сразу понял, что начальство. «Слушаю, товарищ полковник». Ну, я и врезал ему по роже. «Фамилия? Убирайся отсюда». Он в сторону. Капитану: «Забирай свою девушку, вас никто не тронет». Потом еще рапорт на майора настроил и передал по начальству, хоть и боевые ордена у него были.

А.Ш. А стоило?

А.П. (Горячо). Стоило. Стоило. Несмотря на то, что я сам «человек с чистыми руками», я знал, какой ад прошли эти люди. И знал, как он домой едет, и что, возможно, его там ждет. На меня это уже все влияло. Знал, как его ждет «Мать-родина». Меня пребывание на Западе, даже в Германии испортило. Я другой был. Я в это время уже по кладбищу Святой Женевьевы походил, на многие вещи по иному смотрел.

За многие вещи стыдно было. Едем мы как-то несколько русских офицеров в советскую зону. Где-то в районе Арнштадта или Йены в Тюрингии. Подъезжаем к стоящей у дороги кантине. Хотим напиться, поесть что-нибудь. Подъезжаем к подъезду, видим, что со второго этажа, с торца здания, выпрыгивают бабы, несколько штук, в сад и убегают. Хозяин выходит, бледный. Я его спрашиваю: «Что случилось, это не цирк?» Он говорит: «Господин офицер, вы меня извините, но раньше здесь танкисты ваши стояли и напугали всех до смерти. Сейчас здесь ваши регулярные части стоят, пока никого не трогают. Но когда дочери увидели приезжих, — они ведь вас не знают. Решили, что лучше подальше спрятаться».

Вообще не только армия, но и бывшие военнопленные, восточные рабочие ужас, что творили. Мало, что если не всех, то больше половины женщин пер...и, Жуков даже вынужден был специальный приказ издать о наведении порядка. Мало, что всех свиней, которых американцы не дорезали, сожрали в американской зоне. В советской зоне свиньи вообще исчезли, а американцы их под защиту взяли. Понятно, что победители распустились. Но как!

Помню еще один случай, правда, больше смешной, чем грустный. Однако очень характерный. Иду по улице, слышу, из-за угла непонятный шум. Что-то стучит, звякает... Выходит навстречу чудо. Понятно, бывший пленяга или рабочий, так, что учудил! Он несколько сотен часов соединил кольцами и сделал себе вроде жилета или кольчуги из ручных часов. Ну, килограмм 5-10 не меньше. И вот, он в этой кольчуге ходит, все часы работают, а он радуется: война кончилась, жив остался. Счастья ему! Но стыдно. Понимаете, при всем знании родной страны я не думал, что все будет происходить так. В конце репатриации выяснилось, что количество людей, служивших в немецких формированиях и оказавшихся у нас значительно меньше, чем предполагалось. Сделали скидку на то, что какой-то процент смылся, но это было очень мало. Причем, потеряться они не могли: все давали друг на друга показания. Что скрывалось за этой недостаточей? Оказалось, что с 44-го по 45-й большое количество людей, служивших у немцев верой и правдой, желая спасти свою шкуру, а может и искренне раскаявшихся, сдавались в плен. Эти товарищи до сборных пунктов не доводились. Расстреливались на месте. Немцев в плен брали, «своих» старались не брать. В 47-м, когда я уходил из миссии, задались целью узнать, сколько примерно погибло таким образом. Выяснилось, что только в полосе 1-го Украинского фронта с декабря 1944-го по май 45-го вот таких ликвидированных «при попытке к бегству», «за оказанное сопротивление» пленных, набралось около 17 тысяч. Точную цифру я не помню. А фронтов-то сколько было?

А.Ш. А почему в 1947-м году вы вернулись к тому, что происходило в 44-м?

А.П. Это не я. Это наша «бухгалтерия» вернулась подсчитать количество людей, дабы кто-то не уцелел, сбежав за границу. Нужно было выяснить, сколько сбежало, «дебет» и «кредит» не сошлись.

Глава 9

Сказка о журналисте, который писал правду.

О друзьях из Национального Собрания.

Как подставили американцев, или как помогли Франции выставить НАТО из Парижа.

«Оттепель» и «заморозки».

Кто автор «Самоделкина»?

А.Ш. Александр Петрович, вы назвали миссию «змеиным гнездом». То есть, кроме репатриации она и вы, в том числе, занимались и другими делами. Какими, например?

А.П. Представьте 1946-й год. Во Франции есть хороший журналист, участник гражданской войны в Испании, участник Сопротивления, он друг Советского Союза. Все хорошо, но любит писать правду — большой минус.

А.Ш. Хорошо звучит.

А.П. Правду. Правду, «сволочь», в их понимании, а не в нормальном — советском. И, кстати, фраза: «маленькие женщины с большими лопатами» — ему принадлежит. Потом ее растиражировали. Он видел, как они дороги строили и, вернувшись, он об этом написал. А в это время в Европе — русские это же освободители. Европейцы не понимали, что если бы Сталин пришел Гитлера в 41-м, а не в 45-м, то они получили бы коммунизм в полном объеме. Мы бы освободили от Гитлера не Восточную Европу, а дошли бы от Норд-Капа, до Сан-Винсента. Испанцам надо помочь? Надо. Итальянцев освободить надо? (С усмешкой) Надо. Ну, Норвегия немцами оккупирована, Дания, Финляндия с нами воевала, ну, Швеция посередке оказалась — тоже помочь надо!

И вот, в обстановке всеобщей к нам симпатии человек приходит в нашу военную миссию по репатриации. Его пригласили на какой-то официальный прием. Кстати, нас всегда предупреждали: перед тем как идти на прием — поешь у себя. В вестибюле накрыты столы. На них всевозможные закуски, икра, коньяки, а он пишет, что в России лебеду жрут. Как же так, когда тут икра, которая нам в рот не лезла.

А.Ш. Почему?

А.П. Потому, что даже мы знали, что дома у наших спецпаек.

А.Ш. Простите, но ваш спецпак был все равно выше любого другого.

А.П. Но в то время мы все-таки думали иначе, переживали...

А.Ш. Жаль, что даже такое ложное чувство «застенчивого воришки», мне кажется, утрачено сегодня.

А.П. Ну так вот, он видит все это изобилие у нас в миссии, а пишет о голоде в России. Ну, приходит как-то к нему другой Жан и говорит: «Слушай, Жан, ты сейчас поедешь опять в Россию, не надо тебе плохих вещей писать, а то можно хребет сломать. Не надо». А журналист его вытолкал. Снова поехал, вернулся и снова правду-пакость написал. После поездки решил отдохнуть. Знаете, в Бельгии на побережье Северного моря есть такое курортное место Веста Остен. Яхты, девушки, виллы богатых людей. Поехал он туда, о бедных правду пишет, борец, а пожить богато не прочь... Снял он там себе виллу. Через несколько дней рядом снимают виллу три человека. Все три немца, бывшие офицеры, даже эсэсовец один среди них, но прогрессивные. Гитлера уже не любят, войну осуждают. Познакомились с соседом — одного круга люди. Немцы жалеют, что воевали против России. Подружились. Вместе в клуб ходят. Стали на яхте в море выходить. Однажды, вышли они в море покататься на яхте. Отошли миль на 20, вдруг, видят какой-то советский пароход. Немцы начали его фотографировать. Разве в нейтральных водах не имеешь права фотографировать? Корабль приближается ближе, и с корабля в матюгальник приказывают лечь в дрейф. Кругом никого нет. А что, мы плевать на тебя хотели. Мы свободно рожденные европейцы. Пароходик подходит и, прежде чем наши европейцы очухались, парни из группы захвата — хлоп на яхточку. Гаком зацепили и яхточку прямо на палубу. — Какого хрена вы нас фотографируете?

— А кто мне может помешать? Вы что, линкор, миноносец, торпедный катер? Нет.

А пароход идет.

— Ну, хорошо. В нейтральном порту мы вас сдадим. Зачем вы нам нужны?

И не сдают. Кормят, поят. 3-тьи сутки не сдают. На четвертые — поднимают на палубу.

— Вот ваше собачье судно и катитесь вы к чертовой матери. Мы вас в Ленинград не повезем.

А находятся уже за Выборгом. Только эта четверка спустилась в свою яхточку. Трах-тах — тах — подходит пограничный катер.

— Вы что здесь делаете? На берег.

Европейцы рассказывают, как было дело, но кто такому рассказу поверит, что тебя в Северном море цапнули и привезли в Финский залив к Ленинграду. Это ж надо такую чушь сочинить! Кому, пограничникам! Обследуют яхту и находят снимки пары аэродромов, еще какие-то шпионские вещи. Цап-царап из Ленинграда в Москву на Лубянку. А Французское посольство и французская печать узнают о том, что их товарищ врун и сукин сын, который позорил Советский Союз, докатился до того, что стал заниматься шпионажем.

Тот клянется, что никогда не занимался шпионажем, что его привезли, но люди смеются в лицо. Ну кто поверит? Вы поверите такой сказке? А трое его товарищей немцев во всем сознаются. Русские устраивают пресс-конференцию. Жан опять все отрицает — чушь о

захвате несет. Аккредитованные в России журналисты ложатся со смеху. Ну, что — скомпрометирован — молчи. Словом, он мертвец политический. Де Голль пишет письмо Сталину. И этого товарища, поскольку он был в Сопротивлении и т. д. из уважения к Де Голлю отправляют во Францию. Перед отправкой, на 5-м этаже святого здания Лубянки, где расположен следственный отдел, этого Жана вводят в комнату оформлять документы. Через пять минут в комнате появляется вся троица «немцев». А он хорошо владеет русским языком. Он на них смотрит, а они рекомендуются: подполковник такой-то, подполковник такой-то, полковник такой-то. «Что, попался? Тебя, сволочь, предупреждали. Езжай теперь».

Ну, он вернулся во Францию. Кому нужен такой сукин сын, который скомпрометирован сверху до низу, которого из-за жалости выпустили. Пришлось ему из Франции, по-моему, в Южную Америку убраться. Хорошая сказка? Фильм об этом можно снять. А ведь это жизнь человека. Причем, человек благородный, которого запугать не смогли, а раз не смогли, то сломали. Вот вам красота разведки.

А.Ш. Страшная история. Теперь вам за нее стыдно?

А.П. Что говорить, это была моя работа. Я вам говорил, что разведка и совесть несовместимы.

А.Ш. А было, что-нибудь такое, в послевоенные годы, чем вы можете, как вам кажется, гордиться?

А.П. Не гордиться, вы неправильно сформулировали. Была неплохо, например, сделана работа в Бельгии. Работа, не принесшая вреда ни одному человеку лично. Вы, знаете, что в послевоенные годы американцы разыскали и вывезли большую часть сотрудников Фон Брауна. К нам попала лишь незначительная часть и то второстепенных ученых. Мне же поручили разыскать всех, кто имел хоть малейшее отношение к созданию ФАУ. Мы понимали, что по крупинкам можно слепить кирпич. На побережье у них были установки для запуска ракет. Мне надо было найти техников, слесарей, словом, тех, кто принимал участие в строительстве пусковых установок. Тысячи работали на этих площадках. Надо было установить ценность человека, стоит он того или нет. Это могли быть бельгийцы, голландцы. С ними заключали договора и они за большие деньги работали у нас в России.

А.Ш. Эти страны разрешали выезд своим гражданам на работу в СССР в период «холодной войны»?

А.П. Не забудьте, что это демократические страны.

А.Ш. Вы с ними вступали в контакт?

А.П. Ни с кем я в контакт не вступал. У меня было дипломатическое прикрытие. Я был советник по торговле. Правда, особенно в первое время, я всех отправлял к своим помощникам. Быстро поняли, что ко мне лучше по торговым проблемам не стоит обращаться. Были люди, которые с ними встречались. Всего мы отправили человек 40, за время моей работы человек 15.

А.Ш. Чем было вызвано ваше возвращение во Францию?

А.П. Во Франции изменилась политическая обстановка. Ушел Де Голль. Необходимо было продвигать наши интересы в Национальном Собрании. А у меня были кой-какие связи, что было важно, не с коммунистами. Коммунисты нам были не нужны, они и так получали деньги от нас.

А.Ш. А с кем из политиков были личные контакты?

А.П. Давайте это оставим. Мне порекомендовали, что неплохо было бы, если бы некоторые члены Национального Собрания, хотя бы 10–15 оказались друзьями Советского Союза. Был я там с 53-го до 56-го года. За это время мы заключили торговый договор, в этом есть и мое участие. Энное количество депутатов прониклось симпатиями к СССР, за что, не знаю. Злые языки говорят, что за доллары, некоторые — за золотые пластины...

В эти годы произошло сближение интересов Франции и СССР. В то же время стала подниматься Германия, а французы считали, что немцы еще не научились понимать, что воевать не надо.

Занимался я, как теперь говорят, и промышленным шпионажем. Разведчик каждый день не меняет задание. Он может 4-5-10 лет выполнять одно и то же. Так и у меня осталось прежнее: новинки техники. Я ведь уже не нелегал был. Поэтому я, а чаще мои товарищи, посещали различные технические выставки, которые эти товарищи буржуи имеют

привычку устраивать, с целью продажи своих изделий. Там можно вполне официально выловить пару военных секретов, направление исследований и другие вещи. Вся информация стекалась ко мне, а я уже передавал ее дальше.

А.Ш. Ну, а какое-нибудь специфическое задание в этот период у вас было? А то вы все в общих словах, вокруг да около...

А.П. Изучение, наблюдение за атомными разработками Франции, ну, что побочно попадалось.

Комментарий 25.

«Во Франции агентов КГБ было раскрыто меньше, чем в Англии, но советская разведка действовала там, пожалуй, не менее успешно. Подробную историю деятельности советской агентуры во Франции еще предстоит написать».

Кристофер Эндрю. Олег Гордиевский. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1992, с. 448, 452

Мы раздобыли у французов новый прибор, который они создали, для получения кислорода из воды. Впервые эти разработки начали немцы еще во время войны. Этот прибор применялся и в дизельных подводных лодках. Для своего времени это было колоссальное достижение. Даже, когда появились атомные подлодки, этот прибор использовался как вспомогательный, чтобы генерировать воздух.

Я мысленно поздравляю того героя, который сумел во французском конструкторском бюро найти человека, выяснив перед этим, что у него мамаша русская, что он член русского клуба и очень гордится этим. Мы сыграли на его патриотических чувствах, сумели убедить помочь: «Ты же русский, должен понимать...» Он еще не разобрался, что такое новая Россия. Но существенно, что не за деньги работал. Злые языки говорят, что два года некоторые товарищи с ним контакт поддерживали.

А вообще у меня работа стала более кабинетная. Приходилось десятки газет просматривать и выискивать всякие веселые вещи. Прежде всего то, от чего человек отказывается и что ругает. Если он пишет, что землетрясения не было, то именно это должно заинтересовать. Если он пишет, что трамвай с рельс не сходил — пойди проверь, есть ли в этом месте рельсы.

А.Ш. Проблем со спецслужбами Франции не было? Или эту должность во всем мире принято считать официально шпионской?

А.П. Конечно, это все знают. Но у нас там было достаточно людей по-настоящему любивших Советский Союз. Причем в разных слоях. Вроде маркиза Героя Советского Союза де ля Пуап из «Нормандии и Неман». Он входил в число симпатизирующих. Нет, он шпионом не был, но был искренним другом СССР.

А.Ш. А о ком, кто ушел в небытие, можно уже сказать?

А.П. Я могу назвать несколько членов парламента, пару генералов, если порыться в памяти, но это ничего не даст. Мои немецкие родственники говорили, что только ландскнехты меняют свои убеждения, а люди — нет.

А.Ш. Это были платные агенты или идейные?

А.П. Платных — у нас мало было. В эти 50-60-е годы оставалось слишком много искренних друзей. В 70-е — уже черта с два. А в то время были.

А.Ш. После небольшого перерыва вам вновь пришлось вернуться во Францию. В связи с чем?

А.П. Вам известно, что самонаводящаяся торпеда последнего образца, ну по меркам 50-х, которая ныряла, прыгала, меняла курс, была запатентована во Франции. Они передали ее американцам, и когда те начали ее испытывать, они обратили внимание, что СССР интереса к ней не проявляет. Любая разведка знает, что раз появился новый тип оружия, важно знать, проявляет к нему потенциальный противник внимание или нет. Если нет — у него это уже есть. За полгода до того, как французы запатентовали торпеду, советские подлодки были уже оснащены ею. Американцы все это узнали. И советская сеть была засвечена. Несколько сотрудников секретных лабораторий фирмы «Рено», которые помогли нам с некоторыми реактивными моторчиками, тоже попались.

Мне пришлось 4 года начинать с начала, и кое-что я сделал. А главное, нам удалось помочь Франции выйти из НАТО.

А.Ш. Вы и к этому приложили руку?

А.П. Понимаете, мы занялись контрразведкой в пользу Франции. Американцы, мягко говоря, в это время не очень культурно работали. Во Франции было много ученых людей, которые создавали новые виды вооружений. Мы умели о некоторых вещах узнавать раньше самих французов. Пример я вам уже один привел. Мы решили разыграть ту же карту против США. Мы узнали, что кроме союзнической деятельности они занимаются шпионажем. И мы подставили их.

А.Ш. Подставили или они этим занимались?

А.П. Они этим занимались. Но мы сумели сделать так, что они засветились. Были сверхмощные котлы высокого давления, которые применялись до появления и даже после появления атомного двигателя на многих кораблях. Это французское изобретение. Пока их внедрили — это была секретная информация. Мы знали, что этим интересуются американцы, и мы сделали так, что об этом узнали французы. Это был большой клин между Францией и США.

Но главное, мы собирали все, что можно, чтобы добиться одного — испортить отношения французов с американцами. И мы блестяще этого добились.

Вот вам еще один пример. Американцам удалось завербовать нескольких французов, имевших прямое отношение к генеральному штабу. Опять-таки, они их не за деньги завербовали, а просто эти люди были умные и понимали, что дружить с Россией нельзя, а с американцами можно.

А.Ш. Как вам удалось об этом узнать?

А.П. Понимаете, западные люди своих мыслей не скрывают. В двух-трех местах эти люди выразили свою точку зрения. Мы же понимали, что американская разведка не глупее нас и, значит, за этим человеком будет следить. И раз ему не нравятся отношения с Россией и он твердо об этом говорит, если он сам не найдет эти каналы, то сами каналы, которые против связей с Россией, найдут его. Ну, мы их тоже выследили. Французская контрразведка — 2-е бюро, получила неопровержимые доказательства того, что генерал такой-то, полковник такой-то, некоторые вещи, которые не положено знать другим государствам, передали американцам. Причем, это было сделано так, чтобы французы могли предполагать, кто им помог. Этим самым мы поддержали сторонников сближения с Советским Союзом. Вот вы ругали русских, а большевики оказались хорошими, они беспокоятся о секретах Франции.

А.Ш. Но ведь это понятно, что разыгрывается политическая карта и Союз преследует свои интересы совершенно однозначно.

А.П. Конечно, французы понимали.

А.Ш. Да, но с таким же успехом американцы могли найти советских агентов и так же подставить их.

А.П. Понимаете, мы в это время свою деятельность на время, пока ловили других, свернули. Мы не такие дураки. За двумя зайцами не бегают. Мы понимали, что удар должен быть нанесен на главном направлении, а второстепенный пускай подождет. Нам было приказано строго настроено никуда не лезть. Мы понимали, что американцы занимаются такой же работой. Но мы были чисты в это время, как Иисус Христос. Вся деятельность была законсервирована для достижения глобальной цели — рассорить Францию и Америку. Избави боже, даже если бы нам в этот момент предложили готовую атомную бомбу, мы бы от нее отказались. Мы добились большего: мы раскололи фронт. Вы же понимаете, какой во всем мире был эффект, когда НАТО выгнали из Франции.

Комментарий 26.

В 1976 году перебежавший на Запад капитан КГБ Алексей Мягков написал, «подобная смена курса Франции была огромной победой советских секретных служб. Выход Франции из НАТО является примером эффективности подрывной деятельности КГБ в Западной Европе. КГБ активно внедрял в политических кругах мысль о том, что политическая независимость страны страдает от принадлежности Франции к НАТО. Этот факт (выход Франции из НАТО) использовался в качестве примера при обучении в школах КГБ. В 1968 г. директор школы N 311 КГБ в прочитанной будущим офицерам

лекции о деятельности организации за границей прямо заявил, что для Кремля выход Франции явился положительным результатом усилий Советского правительства и КГБ»

Вольтон Т. КГБ во Франции. Изд. Прогресс. М., 1993, с. 129–130

А.Ш. То есть, для достижения цели вы организовали постоянную слежку за их дипломатами, предполагаемыми агентами...

А.П. Совершенно верно. Помощников у нас было достаточно. Они тоже за нами, конечно, следили. Что ж, иди и смотри, как я на кладбище Святой Женевьевы хожу. Смотри, пожалуйста.

А.Ш. Извините, просто технический вопрос. Какая спецтехника использовалась?

А.П. В это время уже было все. Спецтехника была на самом высоком уровне, включая аппаратуру подслушивания. И мы могли слушать, и, конечно, они нас слушали.

Была еще одна интересная операция в конце 64-го — начале 1965-го. Посольство наше находилось на бульваре Лан. Рядом с посольством множество кафе, ресторанчиков. Наши работники туда часто заходили. Каждому члену советского посольства вменялось в обязанность как можно больше ходить, общаться с людьми. Ведь случайно сказанное, подслушанное слово может дать очень важную информацию. Правда, мы знали, что все кафе неподалеку от посольства напичканы работниками французской контрразведки.

Нам надо было дискредитировать французскую контрразведку — Сюрте. С этой целью мне было поручено провести специальную операцию. А я ведь официально простой торговый атташе. В нашем посольстве, как и любом другом, был руководитель контрразведывательного центра, по фамилии Блюмин, конечно, фамилия не настоящая. Он меня недолюбливал. Знал обо мне, ему казалось, все. Что я бывший художник, служил в миссии по репатриации, потом в Бельгии был, опять во Франции — словом, отношение к разведке, бесспорно, имею, но что за птица — непонятно. А я то принадлежал к отделу «Т», который был подотделом 1-го Главного управления, но подчинялись мы непосредственно Председателю комитета и Секретарю ЦК. Я, как и любой работник отдела «Т», мог выйти на связь с резидентом и приказать ему, чтобы все, что есть в распоряжении резидента, работало на меня. Я мог даже сделать замечание и выволочку послу.

А.Ш. Вы что, действительно, обладали такими правами?

А.П. Арон Ильич, вы должны были давно знать, что Предсовмина республики обладал меньшими правами, чем формально подчиненный ему Председатель республиканского КГБ. Даже когда председатель КГБ приходил в кабинет секретаря ЦК, то у последнего штаны были мокрые.

Итак, я попросил зайти к себе начальника контрразведки.

— Ты такой-то пароль знаешь? — У него глаза на лоб полезли.

— Так вот, с сегодняшнего дня вся твоя служба и ты будете работать на меня. Тебе поручается узнать все о соседних ресторанах. Кто хозяева, obsлуга и т. д.

За два месяца ему удалось просеять четыре ресторана и выяснить, что в одном из них хозяин — майор Сюрте, а другой тоже под их контролем.

А.Ш. А для чего вам это потребовалось?

А.П. Мы придумали заставить французов произвести захват работника советского посольства или его близкого с нарушением всех возможных и невозможных правил, а затем употребить их на весь мир с предоставлением соответствующих фотографий. После этой акции было убрано все руководство Сюрте Легранж. Все. Как мы этого добились?

Очень часто в посольство приходили бывшие граждане Польши, ваши земляки, кстати, и их дети, ставшие французскими гражданами, разыскивавшие своих родственников в СССР. В том числе, скажем, Абрамович, который за несколько дней до нападения Гитлера на Польшу успел убежать с семьей и во Франции стал бизнесменом. Он после войны, даже в 60-е годы, продолжает разыскивать остатки своей когда-то большой семьи, возможно, оказавшейся в СССР.

К операции была подключена жена одного из сотрудников посольства. Такое практикуется часто. Все жены работников посольства, а тем более службы безопасности или контрразведки помогают во всем, что необходимо.

Однажды этот польский еврей сталкивается в советском посольстве с женой нашего сотрудника. Она очень интересная женщина. Потом он встречает ее в ресторане. Ей было сказано, любой ценой установить с ним хорошие отношения. Любой ценой. Это не возбранялось. Словом, они познакомились. Был роман у них или нет, мне неизвестно. Но он даже знакомит ее со своей женой. Абрамович, несколько раз передавал ей снимки своих родственников для поиска, причем французы это заметили. Нам нужно было, чтобы ее французы схватили за рукав в людном месте. Однажды она ему говорит что-то вроде: «Вы знаете меня давно, я хочу передать вам одно очень важное письмо, чтобы вы бросили его в почтовый ящик. А вся почта советских работников идет через посольство. Вы же знаете, что за советскими работниками следят и свои. Наша власть строгая, я не хочу неприятностей. Я принесу письмо в следующий раз». Встреча проходит в ресторане. Этот разговор стал известен французским разведчикам. Значит, они решили перехватить письмо во время передачи. Но это надо сделать очень аккуратно, все это в центре Парижа, в ресторане. Для этого дела предназначено четыре человека: двое возьмут за руку Абрамовича в момент взятия письма, двое — схватят руку дамы во время передачи письма. Мы же, в свою очередь, подготовили пятого сотрудника с соответствующими документами, который сыграл главную роль в этом задуманном нами спектакле. Ему было поручено продемонстрировать, что он из Сюрте, а затем просто исчезнуть. Кроме того, рядом находился спортивный клуб. В это время, вы не забывайте, что во Франции компартия была второй-третьей по популярности и влиянию партией. Мы через третьи лица подобрали в этом клубе крепких коммунистически настроенных молодых людей, которым было сказано, что, если при вас накинутся на женщину, вы французы — настоящие мужчины — вступитесь за нее. Впрочем, французы без предупреждения и так быстро среагировали бы на подобное нападение.

И вот в Сюрте потирают руки.

Она с ребенком появилась? Появилась.

Он появился? Появился.

А то, что десятки фотоаппаратов и кинокамер подготовлены и ждут событий, об этом в Сюрте не догадывались.

Когда она передает Абрамовичу письмо, ее и его цап за руки...

Неожиданно, кроме этих четырех, встречается Пятый и намеренно задевает локтем ребенка, да так, что у того из носа идет кровь, и хватает женщину за волосы. В этот момент раздается возглас: «Французы, что вы позволяете?» И французская публика, в основном крепкие спортсмены, начинают довольно исправно колотить всю четверку.

«Случайно» здесь оказались корреспонденты, сделаны десятки снимков, как сотрудник Сюрте бьет ребенка, хватая за волосы женщину.... А эти четверо в горизонтальном положении — французы не любят, когда женщину бьют. Совершенно нейтральные французы, не «спортсмены» тоже приняли участие в этом поколачивании. А пятый — исчез.

Конечно, достали и это письмо, там настоящие фотографии живущих в СССР родственников этого Абрамовича и обычное письмо.

А.Ш. Но вы сами знаете, что любое письмо может быть шифром, а фотографии паролем. Самые безобидные на первый взгляд.

А.П. Совершенно верно. Но все дело раздувается корреспондентами. Такую вещь, как разбитый нос ребенка, женщину хватают за волосы в центре Парижа — корреспонденты пропустить не могут.

А.Ш. Ну и что, если это в интересах Франции, а она русская шпионка. Это обычное задержание.

А.П. Вы не забывайте, это не Россия, это Франция. И она не шпионка.

А.Ш. Но это надо доказать. В момент задержания работники Сюрте считали, что задерживают шпионку.

А.П. Что мне надо доказывать, когда весь ресторан оказался отделом контрразведки. Это на весь мир объявили, кто является хозяином ресторана...

А.Ш. А как это узнали газеты? Им материал подсунули?

А.П. Моментально все раскрылось. Хозяин ресторана предъявил свое удостоверение, чтобы спасти от расправы своих коллег. Это, конечно, была его ошибка. Но мы на это и рассчитывали, что он в состоянии аффекта бросится на выручку.

После того как проверили, что в письме нет никакого криминала, это не шифр, скандал продолжался. Ведь корреспонденты все держат на контроле: «Чем занимается французская разведка? Содержит штат бездельников, которые бьют детей!» В оправдание Сюрте говорит, что наши сотрудники не били, не хватали женщину за волосы, «пятый» нам не известен. Газетчики свое: вероятно это особо секретный агент, который исчез. Причем фотографии его нет, только руки, схватившие женские волосы... А «пятый» давно уже в Союзе.

Все французы, которые участвовали в избиении, прятаться не стали, это не советские граждане, с охотой дают интервью и возмущаются поведением спецслужб.

Итак, у Сюрте провал. Абсолютно непрофессиональный захват на глазах у всех и среди бела дня. Конечно, не они били ребенка и хватали женщину за волосы, может это был «пятый», а может и «шестой»...

А.Ш. Мне все-таки непонятно, почему французы «купились» на этой женщине? Вы говорили, что подготовка операции шла почти год. Французы могли разобраться, что этот «агент» бесперспективный, слежка не дает результатов...

А.П. Во-первых мы создали ей имидж несерьезной бабы. Однажды она уже пыталась передать другому человеку какое-то письмо, была вызвана в полицию, наш посол даже получил представление по этому поводу. Сотрудники посольства или члены их семей не имеют права передавать что-либо частным лицам. Но все это тоже было разыграно нами. Чтобы заинтересовать французов этой особой.

Правда, после этой операции в кафе нам пришлось отправить ее в Москву вместе с мужем. А все же какой красивый скандал! Эта операция по тональности не уступала истории с захваченной яхтой и журналистом, переправленным в Ленинград.

А.Ш. А чем завершилась эта ваша последняя четырехгодичная командировка? Почему вас отозвали?

А.П. Не меня отозвали, а я отозвался. До меня доходили слухи, что большие звезды хотят присобачить. В 63-м, в конце. Я вылетел в Москву и сказал: «Дорогие товарищи, хватит с меня. Я один раз ушел потому, что понял, что я перегорел. Сейчас, пока я еще не совсем перегорел, лучше будет, если я уйду. Я устал.

А.Ш. Вы могли уйти генералом, получить звезды — и в отставку?

А.П. Дали бы генерала — меня бы не отпустили. А я сознательно хотел уйти. Я уже многому не верил. Я ведь ушел в 56-м году. Думал навсегда. Я тогда сказал близкому человеку: «не гожусь». Мне ведь еще тогда хотели штаны с лампасами дать. Но в 62-м еще «оттепель» продолжалась. Помните, сначала эренбургская книга, через несколько лет «Один день Ивана Денисовича»... Так что в начале что-то мелькнуло...

Но когда я оказался в том же кресле и в том же амплуа, я понял, что ничто не изменилось. Я не хочу изображать из себя борца. Нет. Перебегать я не хотел, но и участвовать в этих делах тоже. Понимаете, я с детства знал о своих корнях. А у дворян измена не в чести. Сколько мне не доказывай, но человек не помнящий родства — это не человек.

Мне было восемь лет, когда я первый раз открыл иллюстрированную летопись русско-японской войны, и мама показала — вот твой двоюродный дядя — капитан 1-го ранга Бухвостов, потомок Бухвостова, что при Петре служил в Преображенском полку. Это создает особое восприятие мира.

А.Ш. Ну, вот завершилась ваша служба, вы вернулись в Россию. Привычный для вас западный мир оставлен. Не было чувства опустошения?

А.П. Нет, чувства опустошения не было. Но было недовольство, что старый дуралей попался на провокацию и поверил, что Советская власть, может быть, изменится.

А.Ш. А после возвращения вы не активничали в парторганизации или ушли в сторону?

А.П. Вы что, идиотом меня считаете? Я не из тех ветеранов, что бьют себя в грудь и стараются занять какое-то место. Я в эти игры не играл никогда.

Не делайте меня героем. Я просто увидел, что вместо «оттепели» начались заморозки. И я отошел. Не хотел снегом задницу посыпать. Извините за выражение. Я не идиот. Когда я в 56-м вернулся и узнал все... Правда, еще в 46 узнал, что Пилляр, Шпигельглас расстреляны.

А сейчас сидят Судоплатов и Эйтингон... Мне все стало ясно. Мое счастье, что я уцелел в 37-м. Я ручаюсь, что если бы большая часть таких, как я, уцелела бы в 37-м, они тоже в 46-м, 52-м и 53-м начали бы уходить. Понимаете, когда делают из нас подонков... Мы не были такими. Эти люди не типа, тех, что перебежали и выдавали себя за больших патриотов. Перебежчики умнее нас были, потому что через десятки лет после нас служить начали. И что, не понимали куда влезли? Но бегать, простите.

Венгрия в 56-м, Чехословакия в 68-м, Тбилиси в 89-м — это звенья одной цепи. На пустом месте ничего не возникает. Поэтому мы с женой после апрельских событий в Тбилиси пришли в ЦК и партбилеты вместе с наградами на стол швырнули.

А.Ш. Александр Петрович, попробуем сделать ужасное, но возможное допущение. 37-й год. Судьба играет человеком. Вас отзывают и вы попадаете на совершенно другую должность в карательные органы. Вам надо арестовывать людей, вам отдается приказ расстрелять... Что бы вы в то время делали?

А.П. Это исключено. Все-таки умные люди были. Столько затратить на мою подготовку, а на новую должность любой мясник подойдет.

А.Ш. Нет, вам все-таки предложили. В органах честные порядочные люди тоже нужны. Я уверен, что шли в органы и те, кто верил искренне, что они исполняют свой долг, среди них были порядочные люди.

А.П. Не знаю. Не ручаюсь, но, кажется на 80 процентов, не пошел бы. Если бы я знал в 37-38-м, что делается в нашем разведотделе, я не знаю, что бы я сделал... Я знал этих людей. Я смотрел на них снизу вверх. Не думайте, что у нас все мясники были. У нас же умные и хорошие люди были.

А.Ш. Но вы знали о том, что происходит в России в 37-38-м. Как вы на все это реагировали?

А.П. Я считал, что это немецкая пропаганда. Не верил. Когда я в газетах читал о расправе над Тухачевским, я не верил этому вначале. Как я мог поверить, что Пузицкий Анатолий Александрович, которого я до сих пор глубоко уважаю и люблю — предатель и враг народа?

А.Ш. Вернемся к мирной жизни. Знаю, что у вас дом, семья: жена, сын, дочь, внуки. Кстати, когда вы встретились со своей супругой.

А.П. Женился я в 45-м, моя жена Татьяна Кузмична была тогда старшим лейтенантом — командиром роты связистов при штабе оккупационных войск в Германии. Осенью 46-го мне было разрешено съездить в отпуск, и я впервые за 12 лет поехал на родину. Две недели был у родителей жены в Кемерово, а потом к родителям в Тбилиси. Мои родители вернулись в 45-м. Отец был назначен Председателем комитета по руководству сельскохозяйственными учебными центрами Грузии, а мать продолжила преподавание в университете. Квартиру дали другую. В 37-м в нашем доме было 6 семей, из них 5, кроме нашей, были репрессированы. Отец сказал, что не хотел бы туда. Там были его друзья. На кладбище жить не хотел.

А.Ш. Когда родители вас навсегда оставили?

А.П. Отец умер в 61-м, мать — в 63-м. Отец умер по собственной глупости. Физически он был очень здоровый крепкий человек. Он продолжал работать и был директором научно-исследовательского совхоза «Удобное». Имел борзых, по-прежнему охотился. В 81 год перенес операцию аппендицита, а через три недели после операции сел верхом на лошадь и поехал на охоту. Швы разошлись. Пока от совхоза до города, а это 50 километров, довели — умер.

Мать тоже прекрасно себя чувствовала. Она зав. кафедрой иностранного языка в Тбилиском университете работала, пока не образовался институт иностранных языков. Они с отцом почти 60 лет были вместе. Она с горя умерла. Она не могла без отца.

А.Ш. Чем вы занимались после первого ухода из органов в 56-м году?

А.П. Совершенно случайно нашел работу. Март 56-го. Я еще в форме ходил. Зашел к брату своего товарища Гиголашвили, он директором Тбилисской киностудии был. А у него сидит режиссер мультипликатор Вахтадзе и жалуется, что несколько художников не могут «самоделкина» сделать. Помните, такой мультик был. А я сижу рядом, беру карандаш и набрасываю. Вахтадзе бросил взгляд: «Да он же художник! Пойдете ко мне работать?». В то же день я стал художником-постановщиком на первом из фильмов сериала о

Самоделкине. Мой «Самоделкин» — все двенадцать серий. «Свадьба соек» тоже моя. Я народным художником Грузинской ССР был. А.Ш. Вы не задумывались, почему вам удался «Самоделкин» в отличие от других художников? Нет? А я вот сейчас, мне кажется, понял это. У вас образование и художественное, и техническое, но одного воображения мало. Главное, вы как разведчик увидели суть явления, поняли задачу.

Глава 10

В которой герой повествует о разных случаях приключившихся с ним и с другими известными и неизвестными людьми

Уважаемый читатель, то, что я предлагаю вашему вниманию не связано временными рамками, сюжетом, а носит характер зарисовок, коротких интереснейших историй, которыми так полна жизнь моего героя. Многие факты рассказаны ему его товарищами, знакомыми, но все истории неожиданны, новы, тем более, что многое из рассказов самого Александра Петровича так и остается «за кадром».

В немецком госпитале после войны.

Случилась со мной интересная история. Правда, это не относится к моей непосредственной работе, но характеризует атмосферу тех дней. В мае 45-го я заболел, у меня поднялась высокая температура. Я находился тогда в городе Оксенфурт. Там были большие лагеря с немецкими пленными, еще не эвакуированные американцами в тыл. И был там большой немецкий авиационный госпиталь. Меня без сознания мои сотрудники вместе с американцами затащили туда. Трое суток я находился в немецком госпитале. Причем американцы их по-настоящему не охраняли. Ну, куда раненые в пижамах денутся. Война уже кончилась, они в плену, а я, русский офицер, вместе с ними. Смех и горе. Я лежал на втором этаже в отдельной палате, за мной ухаживала сестрица-латышка, имени не помню. Все звали ее: «Швестер, ало». Симпатичная, я с ней даже флиртовать начал. В первый день она обратила внимание, что палата у меня с отдельным входом, а часового в коридоре нет. Она из тех латышек, которые служили у немцев в госпиталях. Они тоже считались пленными, но, по-моему, обслуга лагерей в Союз не вернулась. Так вот я с летчиками в шахматы играл. Летчики смеялись: «Вместе с нами русского полковника в плен забрали». Отношение было очень доброжелательным. Как Новотного сбили.

Справка.

Вальтер Новотный (1921–1944), немецкий летчик-истребитель. Уничтожил 258 самолетов противника, из них 255 на Восточном фронте.

Помните у Симонова в «Живые и мертвые» эпизод, когда 9 «ТБ-3» сбили. Это эпизод с Новотным. Шел он со своим напарником и увидел «лихую» 9-ку «ТБ» — скорость 220 км. Вы знаете, каких говеных летчиков наши выпускали второпях. Ну, вот их немцы и сбивали сотнями. Немцы же даже в 45-м году не выпускали в бой, если не было 100 часов летного времени, а у нас 3–4, максимум 10 часов и на фронт...

Новотного я с десяток раз видел своими глазами. Классные летчики, как правило, за самолетами сами являются. Это были особые люди. Вот он и прибыл в Регенсбург получать свой самолет. У Новотного был свой особый опознавательный знак: на хвосте, как обычно, свастика, а на бортах бубновый туз и кошка поперек. Перед получением самолета, сам видел, малевали на моих глазах. Сбили Новотного случайно. Мне потом наши летчики рассказывали.

Так вот, шел Новотный обратно. С охоты. Вдруг навстречу наш самолет. И вот наш Ванька, новый летчик, не знает, что если видишь эту кошку, надо тикать. А у Новотного, видимо, горячее на исходе и боеприпасов чуть-чуть. А наш его увидел: «Ах ты е...я кошка...» А у

него второй или третий вылет — на шестом сбили. Новотный, вероятно, посмотрел и внимания не обратил: не полезет один русский в атаку. Знают все на этом участке фронта «кошку». А этот подлец к нему, дал очередь и — сбил. Прибыл наш домой: «Братцы, я странного немца сшиб. Понимаешь, он даже от меня уходить не стал. Я выхожу в атаку, а он идет себе спокойно».

Этот бедный летчик, который сбил Новотного, умер под общий смех своих товарищей: никто ему не поверил. Потом, когда обломки самолета Новотного были обнаружены, ему посмертно орден Ленина дали.

Как Ленин, Сталин, Каганович и Молотов Гитлеру помогли.

Знаете, за что Папанин вторую звезду Героя Советского Союза получил? За то, что вывел Северным морским путем вокруг всей северной территории СССР в Тихий океан тяжелый немецкий крейсер «Адмирал Шеер». Это после пакта «Молотов-Риббентроп» уже в 1940-м году. Союз же во всем немцам против Запада помогал. Немцы хотели в Атлантику прорваться, чтобы на морских коммуникациях английские корабли топить. Решили долгим, но надежным путем пройти туда. Немцы умные, в Тихом и Индийском океанах крейсер себя тихо вел. Шел под чужими флагами. Только когда до Атлантического добрался, стал англичанам пакостить. А в 1942 г. вновь по знакомым местам пошел. Почему он неплохо действовал в наших северных районах? Потому, что хорошо изучил в 1940 г. всю акваторию северного морского пути. Весь смех в том, что в 1940 г. его 4 наших ледокола от Мурманска до Маточкиного шара вели. А ледоколы-то были: «Ленин», «Сталин», «Каганович», «Молотов». В этом примере вся политика наша.

Комментарий 27.

25 августа 1942 г. советский ледокол «Сибиряков» в Карском море встретился с крейсером «Адмирал Шпеер». На требование о сдаче моряки под командованием капитана А.А. Качаравы и замполита М.Элимелеха ответили огнем 2-х 76мм и 2-х 45мм пушек. Ледокол погиб в неравном бою, успев предупредить о появлении немецкого корабля на Северном морском пути. «Адмирал Шеер» обстрелял остров Диксон, потопил несколько советских грузовых пароходов и барж. Всем этим мы обязаны И.Д.Папанину.

Справка.

Папанин Иван Дмитриевич (1894–1986), полярник, доктор географических наук, контр-адмирал, Дважды Герой Советского Союза. В 1937 г. получил звание Героя за руководство 1-ой дрейфующей станции «Северный полюс». В 1939–1946 гг. начальник Главсевморпути. В 1940 г. вторично удостоен звания Героя за выполнение правительственного задания особой важности. Теперь понятно, о каком задании шла речь.

Тайна капитан-лейтенанта Митянина.

Если будете смотреть фильм «Адмирал Нахимов» обратите внимание, с чего он начинается: «Дважды Герою Советского Союза капитан-лейтенанту Митянину посвящается этот фильм». Фильм, по-моему, вышел в 44-м году. Митянин был командиром батареи на Малаховом кургане. Получил звание Героя. В бою был тяжело ранен, потерял руку и попал в плен. Думали, что он погиб и наградили второй звездой посмертно. А он три года пробыл в немецких инвалидных лагерях. Выжил, оказался в фильтрационном лагере. А в 45-м привезли в Германию этот фильм и крутили в лагерях для репатриантов. Смотрит, во-первых, узнает, что он дважды Герой, во-вторых, что ему фильм посвящен. А он все годы плена под другой фамилией был. Направился в СМЕРШ этот человек, с одной рукой и на костыле. А там сидят выпившие товарищи. Он говорит: «Вы картину смотрели, товарищ майор? Я Митянин». Майор: «Ты что, охуел? Иди пропись». Выгнали его. Он пришел в барак, перерезал себе вены. Похоронили.

Москва. Сталин, как вы знаете, любил кино смотреть. Смотрит «Адмирала Нахимова». Сидят с ним некоторые товарищи. Товарищ Серов среди них. А товарищу Серову не нравится товарищ Абакумов — начальник СМЕРШ.

Справка

Серов И.А.(1905–1990) — с июля 1941 г. по 1946 г. — зам. наркома внутренних дел СССР.

И когда у Сталина вырывается: «Эх, жаль, что такой человек погиб!» А Серову уже его доносчики все донесли. Серов говорит: «Он остался жив, но погиб при странных обстоятельствах. Во время репатриации покончил собой». Ну, товарищи из другого ведомства встали за себя. А товарищ Сталин дал команду найти близко знавших, установить обстоятельства смерти и наказать виновных. Все было исполнено, и весь СМЕРШ второй ударной армии полетел. Причем, некоторые офицеры, которые и знать ничего не знали, срока получили. А того майора не знаю куда дели.

Комментарий 28.

Сегодня в фильме «Адмирал Нахимов» посвящения нет. Среди Героев Советского Союза капитан-лейтенант Митянин в официальных изданиях не значится. В литературе об обороне Севастополя не упомянут. Все мои попытки узнать, что-либо о Митянине окончились безрезультатно.

Удалось только разыскать сведения о 111-й (с марта 1942-го — 701-я) морской артиллерийской батарее, которой командовал ст. лейтенант, позднее капитан-лейтенант А.П. Матюхин. Батарея была установлена на Малаховом кургане. 1 июля 1942 г. последние защитники Малахова кургана, выведя из строя орудия, покинули курган. Однако никаких сведений о судьбе капитан-лейтенанта А.П. Матюхина, о присвоении ему звания Героя Советского Союза, о посвящении ему фильма у автора нет. Вероятно, Александр Петрович мог ошибиться, назвав похожую фамилию.

Шведская история

В годы войны в Швеции оказалось достаточно много советских моряков, несколько десятков бывших военнопленных, которым удалось пробраться на шведские корабли и таким образом попасть в Швецию. Все они были интернированы. Проторчали там до конца войны и катались, как сыр в масле.

Комментарий 29.

Кроме того, что по отношению к интернированным соблюдались все международные конвенции и соглашения, они жили в атмосфере доброжелательности и любви в полном смысле этого слова. Советский резидент в Стокгольме 1944–1945 гг. Е. Синицын в своих воспоминаниях пишет, что в шведской печати появились статьи о том, что «женщины из высшего общества Швеции снимают дачи вокруг лагеря интернированных советских офицеров-моряков и под предлогом работы по дому приглашают их для любовных дел». Старший по лагерю в беседе с Синицыным подтвердил подобные случаи. Посол Советского Союза «А.М. Коллонтай не осуждала советских моряков за их интимную связь с женщинами, считая последних виновниками в этом».

Е.Синицын. Резидент свидетельствует. М.,1996, с. 173–175

Кончилась война, и они с полными чемоданами и в галстуках вернулись на родину. Встретили их в Ленинградском порту и отвезли в «гостиницу», которую они, по советским понятиям, заслужили. Влепили им всем без суда 10 лет и 5 лет поражения в правах. В 48-м или 49-м в западной печати просочились сообщения, что эти товарищи, которых «в Швеции берегли и ласкали», вместо того, чтобы попасть домой, «во глубине сибирских руд» находятся. Что делать? Тогда у нас в органах еще умных людей хватало. Собрали этих «шведов», 2–3 месяца кормили-поили, придали им такой вид: человек с курорта приехал! Потом недели на них хорошие костюмы и устроили в Ленинграде пресс-конференцию,

пригласив всю западную сволочь, как мы говорим. Пригласили и сказали: Когда люди прочли ваши гнусные домыслы, они на свои деньги из разных мест приехали, чтобы опровергнуть вашу ложь.

«Вы где живете?» «Я — в Сибири». «Вы?» «На Кавказе». «А вы?» «Я на Украине»... Корреспонденты смотрят: сидят ряшки, в галстуках, развалившись... Честным людям невдомек, что могут в Союзе учудить. Словом — западные корреспонденты ушли оплеванными. А с этих костюмчики содрали и обратно в зону.

Индюшки Сталина.

Сталин любил, если можно говорить о любви Сталина, некоторых артистов. Своих любимцев он приглашал к себе на дачу, где он выпивал со своими холуями. В число любимцев входили Чаурели и Верико Аджапаридзе. И вот Чаурели рассказал мне, что во время одной из таких встреч Сталин обратился к нему: «Миша, ну расскажи обо мне какой-нибудь анекдот. На самом деле все анекдоты, которые я знал, я ему уже рассказал. «Батоно, не могу рассказать». «Тогда я тебе расскажу, слушай». - говорит ему Сталин. «Пришли ко мне министры и спрашивают: «Товарищ Сталин, колхозники в разные стороны разбегаются. Не хотят жить вместе. Что делать?» А я им говорю: «Дураки! Вы знаете, как индюшек зимой держат, чтобы они не разбежались? Выщипывают грудь и живот. Холодно будет — друг к другу прижмутся».

Пленные. «Микадо приказал...»

Приходилось бывать мне в 1955-м в Анжеро-Судженске Кемеровской области. А там шахты, стекольный завод. Еще химия какая-то. Там целый лагерь-городок вырос. Жили бывшие власовцы, казачки, выходцы из России, бежавшие после Гражданской войны и обманутые Сталиным после 45-го. До 55-го года работали там и военнопленные: немцы и японцы. На большом стекольном заводе работали немки-эсэсовки. Зашел по делам в горбольницу. Вдруг забегали красные фуражки. Привезли в больницу немку: плохо ей в цеху стало. Мне интересно. Показал я вертухаю-лейтенанту свои документы, меня к ней и пропустили. Зашел в палату, я в штатском был, конечно. «Гутен таг фройлен и т. д.» Она из Мекленбурга оказалась. Расплакалась: «Вы, наверное, немец?» Я успокоил ее, сказал, что их скоро отпустят. Их действительно через пару месяцев отпустили.

Там же с японцами приключилась история. Они с 45-го в угольных шахтах работали.

Японцы сразу же заявляли, что они не военнопленные: «Нам Микадо приказал положить оружие — мы положили. Нам Микадо приказал отработать — мы отработаем».

Они хорошо работали. Но никаких процентов больше своей нормы, сколько им ни предлагали, не делали. В шахтах смена заканчивается в 4 часа дня. В 6 часов утра японцы спустились, в 11 часов поднимаются на гора — норма выполнена. Сколько их не умоляли: «поработайте еще». Нет, ни за что. Кормили их продуктами, которые доставлялись из Японии, рисом в основном. Однажды вместо риса привезли гречку — они отказались работать. Офицеров среди них не было, только сержанты. Строили их и так и этак. Сказали — в лагерь отправят. Но ведь рабочая сила в шахтах нужна — своих не хватало. Но нашлась среди них одна сука, которая сказала: «Приведите хоть одного лейтенанта, но японского, все будет в порядке». Привезли, выстроили два батальона японцев, вылез из машины лейтенант, поздоровался, потом приказал сержантам выйти вперед. Сержанты вышли. Лейтенант прошелся вдоль строя, вlepил всем сержантам пощечины, затем приказал встать в строй и скомандовал: «В шахты!» И пошли. Забыли, что гречка — это не рис. Вот она — психология послушания.

От Кубы — до кладбища в Тбилиси.

Был у меня хороший знакомый Михаил Саркисов. Наполовину армянин, наполовину грузин. Старые Саркисовы — это аристократическая фамилия. В 61-м году он капитаном 2-го ранга попал на Кубу. А через год, помните, «карибский кризис». Словом приказали за 6 дней демонтировать. Мишка справился, посидел за эти дни, а через неделю получил инфаркт. Он эти ракеты устанавливал, и он же командовал демонтажом.

Капитан 2-го ранга сразу превратился в капитана 1-го ранга, а через 6 месяцев в контр-адмирала. Почему? Да потому, что он спас нас от войны. Американцы прилетели фотографировать — нет ракет. А то, что за 6 дней можно демонтировать, рискуя взорвать весь мир, в Москве это они себе не представляли. Проходит еще полгода, и Мишка уже вице-адмирал и начальник штаба Тихоокеанского флота — самого мощного, если не

считать Северный. А через 4 месяца Мишка умер от инфаркта. Хоронить повезли в Грузию, в Тбилиси. На одном самолете летит Мишка-покойничек и сопровождающие его офицеры — 28 человек, на другом — полсотни человек — почетный караул морской. Прилетели в Тбилиси.

Я вам сейчас нехорошие вещи скажу, но, что поделывать, — это мой друг. Самолет несколько раз тряхнуло. Мишка в гробу весь располосованный был. Вскрыли гроб, он весь залит сукровицей. Пришлось гроб менять, его переодевать. Там рядом слабонервные товарищи, которых тошнить начало. Я и его двоюродный брат и несколько женщин, в том числе моя жена, всю войну прошла — крови не боялась, обмыли его, переодели. Поставили гроб в Доме офицеров, почетный караул, а кладбищенский директор рыть могилу не хочет. Справку о смерти забыли во Владивостоке взять. Кинулся я к начальнику Тбилисского гарнизона. А им был генерал-лейтенант Драгунский, да-да, тот самый. Так я с ним познакомился. Встретил он меня настороженно, но когда я отрапортовал и доложил в чем дело, сел он со мной в машину и прибыл на Тбилисское кладбище. Появился директор, а Драгунский ему: «Сейчас я вызову караул и живьем закопаю тебя в могилу, которую ты сам выраешь. Понял?» Директор все понял. Так мы Мишку и похоронили.

Но от Чукотки до Габона Красная Армия всех сильнее.

В 60-м году французская колония Габон стала независимой республикой. Понятно, что большевики сразу стали охмурять новое руководство. Инструкторов туда послали, начали слять оружие, чтобы дрались с капиталистами. И вот, что мне рассказал один из наших военных инструкторов. «Направили в Габон несколько десятков советских танков. Правда, не новых моделей, а Т-44. Прибыл транспорт в порт Жанет. Разгрузили контейнеры. Сняли с первого контейнера обшивку, гляжу: меня чуть инфаркт не хватил — танки белого цвета. Почему? А все потому, что в конце 40-х, начале 50-х, то ли мы готовились Аляску завоевывать, то ли Чукотку от американцев защищать, словом — выпустили 2–3 батальона танков специального назначения для работы в условиях жесточайшего холода. Лет 15 они где-то простояли, на Аляску мы не полезли, американцы к нам тоже не пришли, а тут случай подвернулся сбить старье. Представляете, мотор рассчитан на работу в условиях до (-50) — в полярных условиях. Внутри все утеплено, каждое место для члена экипажа с индивидуальным обогревом. Даже затвор пушки и тот обогревается, чтобы пушка при такой температуре не отказала, и заряжающий случайно руки не приморозил.

Намаялись мы с этими танками. Обрато не пошлешь. Несколько месяцев всякие утеплители снимали, переоборудовали, мотор перенаживали, а потом и танки перекрасили. Правда, все это зря. Они с Францией, а не с нами дружить стали».

Наши разведчики и Робин Гуд.

□ Особый взгляд на подготовку разведчиков в России сегодня.

Настоящих разведчиков сейчас в школах и академиях бывшего КГБ не учат. Учат «шушеру», которая должна подставлять собственный зад, пока другой будет работать. Следователей можно научить, оперативников можно, разведчиков — нельзя. Только индивидуально. Правда, теперь есть и специальные учебники, где примеры всякие приводятся, но индивидуальная подготовка — самое главное.

Наиболее «чистенькие и красивенькие» учатся на первом и втором курсах, здесь есть еще какая-то романтика. А когда человек крепко влип, ему преподносятся примеры похуже. И курсант понял, что романтика у кошки в зад. Процент отсева именно в это время большой — 70–80 процентов. Кто в милицию уходит, кого отчисляют по разным причинам служебного несоответствия. Вот после этого глобального отсева начинают говорить всю правду о разведке, но отсева идет среди избранных до последнего дня. Нужны беспрекословные исполнители — «рыцари плаща и кинжала». Учат тому, что даже в убийстве есть определенная романтика. Но на самом деле — грязь. Исключена романтика. Ринальдо Ринальдини и Робин Гуд по сравнению с ними — ангелы.

Жил-был Король М.Д.

Михаила Давыдовича Короля знал с середины 20-х, с того самого времени, когда первый раз увидел у дяди Эйзера Львовича Шифрина. Тот жил напротив Храма Христа-Спасителя. Король с Шифриным были знакомы еще с Гражданской войны. Для меня мальчишки, это были герои! Как же, комиссары дивизий!

Справка и комментарий 30.

Король Михаил (Михаэл-Алтер) Давыдович (1890–1959).

Участник Первой мировой войны, был тяжело ранен. За храбрость награжден Георгиевским крестом. В 1915 г. вступил в Еврейскую рабочую партию (ЕРП). «Мое вступление в эту партию, — пишет он в автобиографии, — результат зверского антисемитизма, который я прошел на фронте». Участник Гражданской войны. Комиссар дивизии.

Король М. Д. был сотрудником Разведывательного управления РККА. В 1920 г. был послан в Польшу организовывать там «красное подполье». Продержался семь месяцев. Был арестован, военно-полевой суд приговорил его к повешению. После вмешательства российской стороны смерть заменили тюрьмой, а потом отправили в концентрационный лагерь. С помощью польских коммунистов совершил побег.

С 1922 года работал в Москве — в политуправлении РККА, газете «Красная звезда», «Военный крокодил». Автор многих очерков, фельетонов, нескольких книг и брошюр. С начала 30-х председатель Правления Совкино, ответственный редактор газеты «Кино». Был редактором фильмов «Чапаев», «Встречный», «Анненковщина» и других. В семье хранится первая страница рабочего сценария фильма «Чапаев», на которой написано: «Нашему доброму Королю верноподанные авторы. Надеемся, что после просмотра фильма не велите казнить... В.Васильев, С.Васильев».

В 1934–1938 гг. — вновь в Разведуправлении РККА и в спецкомандировках. Звание — бригадный комиссар. Его заданием было организовать в США фирму, доход с которой шел бы на финансирование американской компартии и коммунистической прессы. Было отправлено пять человек. За границей они разбились на две группы. Маршрут был сложный. Надо было прибыть в США, чтобы след его пути затерялся в переездах. Сперва в Китай, оттуда в Японию, из Японии в Европу — во Францию, Германию. Потом — Канада, и уже оттуда под видом немецкого еврея-коммерсанта — в Нью-Йорк. Напарником его был Марк Шнейдерман. «Было совершено много оплошностей. Например, из экономии сняли один номер на двоих в дешевой гостинице. Так никто из коммерсантов не делал. Но тут им повезло: их просто сочли гомосексуалистами...»

В 1938 был отозван в Москву...

М.Д. Король был арестован в 1944 г. по обвинению «в заговоре Гамарника». Хотя начальник Политуправления Красной Армии Я.Б. Гамарник покончил собой еще в 1937 г. Был осужден на пять лет. После отбытия срока был сослан в село Явленка (Северный Казахстан), но спустя год был вновь арестован и осужден на 10 лет. Реабилитирован в 1956 году.»

Из воспоминаний об отце дочери Майи Король. Опубликовано в журнале «Наука и жизнь», N 4, 1994 г. Вместе со Сталиным. Военно-исторический журнал N2, 1991 г., с. 92

В 37-м я с ним прощался... В 57-м году приехал в Москву и на студии «Союзмультфильм» узнал от посторонних людей, что Король здесь состоит на учете... Моментально кинулся, позвонил ему. Мы встретились, о многом поговорили, я был у него дома. После этого я в следующие два приезда обязательно звонил ему, и мы встречались в квартире моего дядьки, огромной пятикомнатной... Рассказы Михаил Давыдовича до смерти помнить буду. Вот несколько историй.

Было лето 54-го года. Сталина уже нет — в лагере веяния другие. А зеки строят Дворец Шахтеров, для товарищей шахтеров, а сами живут в большом лагере, 12-й лагпункт. Комендантом был старший лейтенант Удодов, сволочь редкостная. И вот потребовал, чтобы всех стариков и инвалидов, а ведь Король гипертоник был. В это время, когда я с ним прощался в 37-м, он здоров был, но он же повторно сидел... Его раз посадили, потом дали немножко подышать воздухом на высылке... Забрали второй раз. Знаю, за какие грехи... Не надо было в Гражданскую ордена получать, ни х. я, сиди тихо и не рыпайся! Не надо шататься по Соединенным Штатам... Сидит, значит, Михаил Давыдович и листает самоучитель шахматной игры. Делать ему абсолютно нечего. Появляется Удодов. Михаил Давыдович недавно появился в этом лагере, так Удодов, может, один раз всего его и видел. — Здравствуйте.

— Здравствуй. Ты кто?

Удодов один без сопровождения. Я буду в лицах передавать, как Михаил Давыдович передавал. А рассказывать он умел блестяще.

— Заключенный такой-то, срок такой-то, статья такая-та, 58-ая, пункты такие-то и такие-то... Складом ведаю

— Еврей?

— Еврей.

— Ну, это для вас подходит. А специальность какая у тебя?

— Гражданин начальник, военный.

— Как?

— А с 14-го года добровольцем пошел в армию, потом в Красную, потом дальше...

— Что, по интендантству?

— Нет, на передовой большей частью. И в Гражданскую — комиссаром дивизии...

Тот на него смотрит:

— А последняя должность?

— Член редакционной коллегии, член совета Московского военного округа...

— Вы меня извините, — тот на «вы» сразу перешел. И уходит.

Через несколько минут бежит «попка» в сержантском чине и тащит упаковку «Казбека», 20 пачек. Начальник лагеря передал...

Второй номер с Михал Давыдычем. Случился с ним инфаркт. Положили его в больницу, а Удодов к тому времени его запомнил, и сказал, чтоб по работе его не трогали, в санчасти лечили и дополнительный паек давали. Полюбил человека. Обаятельная личность была, обаятельная. Дорогой мой Михал Давыдыч... Царство ему небесное, пускай земля ему будет пухом... Сколько хороших людей жизнь загубила...

Так обходит товарищ Удодов лагерь и решил навестить старого друга.

— Что же, — говорит, — дорогой мой Король, что же с вами? Я думал, вы на свободу скоро выйдете (уже сотнями выходили люди, и недели через две-три и Михал Давыдыч должен был выйти), а вы подводите план мой по выпуску, — иронизирует.

А Михал Давыдыч есть Михал Давыдыч.

— Знаете, говорит, — гражданин начальник, я три войны перенес, мое сердце выдерживало. Я 37-й год пережил, тоже выдержало. Второй раз посадили. Но когда надзиратель ваш заговорил о совести, вот мое сердце и не выдержало...

А вот история, которую Михал Давыдович сам называл так — «Интернациональный союз». Как заведующего угольным складом, Короля поместили в ту часть барака, где жила лагерная аристократия. Кто жил в этом блоке? Старший по блоку — бывший подпоручик польской армии, посаженный за всякую антисоветскую деятельность и переведенный в Караганду. Старший бригадир барака — чеченец, почти безграмотный молодой парень, очень, говорит, меня любил. А Короля прикрепили к ним вроде как инструктором. Представляете себе, какой триумвират управлял блоком? Не говоря уже о национальностях, все они были абсолютно разных убеждений. И самое интересное — очень сильно сдружились. Ярый антисоветчик Данек, полуграмотный этот чеченец и убежденный коммунист. Всегда были вместе. Даже сейчас, говорит, письма из Польши получаю».

Глава 11 Последняя

Размышления о дне сегодняшнем, о бублике, о кораблике, о солнечном зайчике, о Мейерхольде.

А.Ш. Александр Петрович, я уверен, что вы как-то оценивали все то, что было вами сделано за эти годы. В первую очередь я подразумеваю, конечно, вашу службу.

А.П. Смешно сказать: все превратилось в дырку от бублика.

А.Ш. Не слишком ли сказано? Жизнь прожитая впустую? Вы уверены?

А.П. Уверен. Жизнь богатая. Я счастлив, что прожил такую жизнь. Потому, что когда человек ходит из туалета в кровать и обратно — это плохая жизнь. Но морально какво я себя чувствую? Я не плачу в жилетку. Прожить 87 лет и убедиться, что кораблик оказался из газеты вчерашней. Причем, половину жизни я сам строил его и все-таки не имел выхода. А что сейчас? Смешно, когда бесштанная команда устраивает дворянские собрания и вспоминает, кто столбовой, а кто не столбовой.

А.Ш. А вы бы сейчас дворянство не приняли?

А.П. Избави боже! Это же хохма сейчас. Какие они к черту дворяне! Что от них осталось! Как и нынешнее казачество. Посмотрите на казачьих атаманов: вся грудь в крестах, причем рядом с советскими наградами... Это же клоуны, как и некоторые ветераны, у которых рядом с наградами значки, которые за выступления давали, и ими вся грудь усыпана. Разве можно себя так вести.

Вообще демократии в России быть не может. Русский народ привык к палке. Вот прочту вам антисоветское стихотворение: «Беседа Сталина с Петром первым):

С тобой нас Петр многое роднит:
Ты топором, я пулей правил.
В Европу ты открыл окно,
А я в него решетку вставил.

Только таким методом в России можно добиться порядка.

Встретил бы на улице всех этих «баркашовых» «макашовых» — обойму разрядил по одному, медленно... Нельзя допускать, нельзя забывать Маутхаузен, Флоссенбург, Аушвиц...

Разве это демократия! Я не сторонник старого режима. Я чувствовал себя в 10 раз хуже, чем все перебежчики. Я жил в Европе и знал, что социализм не рай земной. Я рано увидел, что зайчика не поймаешь. Московские улицы стали чужими для меня давно. Так же как и эти, Иерусалимские, никогда не станут родными. Я не знаю, где я живу.

А.Ш. А Тбилиси? Вы же там часто бываете. У вас квартира там.

А.П. Что Тбилиси? Самое обидное, когда твоя нация превращается в говно. Больше миллиона сбежало из Грузии. Студия моя закрыта. А ведь какие фильмы грузины делали! Вот Иоселиани недавно в Иерусалим приезжал. Звоню ему в номер, снимает трубку: «Господин Иоселиани» Я ему: «Пупуцо, — так я его звал, — Гомарджобо». Он: «Господин... откуда?» «Из Иерусалима. Вот адрес, приезжай» Через полчаса был здесь. Посидели. Вот видите — опять хвастовство. Я не виноват, что столько обрушилось на мою голову. Но жаль, что кораблик оказался из газеты.

Это не только я, это 200-сот миллионный народ ловил солнечный зайчик и за это время настолько деградировал, что не знаю, сможет ли он оправиться. Вместо маньяков и полуграмотных глупцов, правивших почти 70 лет, пришли грамотные, но еще худшие жулики.

Вы знаете, что вызывало бешеные аплодисменты в спектакле «На дне», поставленном Мейерхольдом? Появляется Барон, на плечах шарф, драный цилиндр и на руках перчатки без пальцев. Он снимает цилиндр, кладет туда шарф, бросает перчатки в этот цилиндр и швыряет его на стол...

Так вот. У меня остались — перчатки без пальцев и драный цилиндр...

Послесловие

В апреле 2000 г. мой собеседник заболел воспалением легких. Высокая температура спровоцировала инсульт. В течение 22-х дней находился в реанимационном отделении. 24 мая 2000 г. сердце Разведчика перестало биться.

Комментарий 31. Последний.
Разведчик похоронен на христианском кладбище на горе Сион в Иерусалиме.